

Марина Колесова

В плену королевских пристрастий

Марина Колесова

В плену королевских пристрастий

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Колесова М.

В плену королевских пристрастий / М. Колесова — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Судьба женщины, на которую во времена средневековья положил глаз женатый король и номинально выдал замуж за опального герцога, чтобы иметь возможность сделать своей тайной любовницей.

1

Герцог Алекс Тревор, потомок знатного рода, лишенный почти всех своих владений обедневший вдовец и отец трех дочерей, стоял в приемной зале своего родового замка перед королевским посланником и от волнения не мог разобрать ни строчки из послания короля, которое держал в руках.

– Так что же передать королю? – нетерпеливо прервал повисшее в полутемной, холодной зале молчание пышно разодетый вельможа.

– Подождите, – судорожно сглотнув, Тревор вновь постарался сосредоточиться, чтобы внимательно перечесть и вникнуть в смысл приказа короля.

"Сим повелеваю, – гласило послание, – герцогу Тревору без сопровождения в трехдневный срок прибыть в замок Маунткасл".

Королевский замок Маунткасл славился своими темницами и еще тем, что именно там король казнил непокорных подданных.

Наконец герцог поднял глаза от бумаги и, взглянув в глаза посланника, медленно и четко, почти по слогам, произнес:

– Приказ короля будет исполнен.

– Я передам королю, – высокомерно кивнув, посланник короля быстро вышел.

Через некоторое время со двора послышался его раздраженный голос, приказывающий подвести ему его коня.

Герцог Тревор в задумчивости подошел к высокому окну и сквозь грязное и уже много лет немытое стекло увидел, как королевский посланник садится в седло великолепного скакуна.

– Хорошо, что хоть не под конвоем... – мрачно проронил он. – Его Величество на редкость великодушен, особенно в свете последних событий... За герцогом Риттенбергом, по слухам, он послал несколько десятков воинов из своей личной стражи... Непонятно только, почему именно теперь, после восьми лет забвения... К чему было так долго ждать?

На последних словах суровое лицо этого высокого, широкоплечего человека исказилось, в глазах промелькнуло какое-то горестное отчаяние, а большая, сильная его рука непроизвольно схватила край пыльной портьеры и, сжав ее, несильно потянула на себя. Раздался треск, истлевшая дорогая материя не выдержала и разорвалась.

– Дьявол, – выругался он, посмотрев на оторванный кусок портьеры в руке, потом бросил его на пол, и безразлично добавил, – хотя теперь все равно... Бедные мои дочери... как-то он поступит с ними... Ну да ладно... Изменить что-то я все равно уже не в силах.

Герцог вышел из зала и прошел по длинной балюстраде в правое крыло замка, единственное оставшееся жилым и более-менее отапливаемое. Там в нескольких небольших комнатах жил он, три его дочери, старая служанка и двое слуг, единственные, кто не оставил их в тяжелую пору безденежья и разорения, последовавшую сразу, как только он со своей красавицей супругой восемь лет назад покинул столицу и дворец короля без его на то соизволения.

– Кэти, – крикнул герцог, – зайди ко мне, нам надо поговорить.

Старшая из его дочерей, Катарина, светловолосая девочка пятнадцати лет, тут же вышла из своей комнаты и следом за ним вошла в его комнату. Герцог плотно закрыл за ней дверь и пристально посмотрел ей в глаза.

– Кэти, ты уже взрослая. Поэтому я не буду от тебя ничего скрывать и говорить, что ничего не произошло. Ты видела, что к нам приезжал королевский посольный.

– Да, отец, – кивнула та.

– Так вот, он привез приказ короля в трехдневный срок явиться ко двору. Как я догадываюсь, ничего хорошего этот приказ не сулит. Скорее всего, король лишит меня всех регалий и казнит... Однако я надеюсь, что вам не грозит ничего, иначе здесь уже сейчас было бы полно

стражников, и меня вызвали бы не одного, а с вами. Постарайтесь достойно принять известие о решении короля и в любой ситуации оказаться достойными имени Треворов. Единственное, что у вас осталось, дочери мои, это честь и имя... Постарайтесь не потерять первое и не замарать второе. Как старшей говорю сейчас это лишь тебе, незачем тревожить сестер раньше времени. Потом сама поймешь, когда настанет время передать им мои слова. Больше мне сказать тебе нечего, кроме того, что я вас всех очень люблю.

– Я поняла, отец, – Кэти почтительно склонилась перед отцом.

Она не отличалась разговорчивостью, но герцог знал, что за этой немногословностью стоит как стойкий характер, так и глубокие чувства.

Строго взглянув на дочь, герцог удалился.

До замка Маунткэсл герцог Алекс Тревор добрался быстрее, чем предполагал, и уже к вечеру второго дня он приблизился к королевским владениям.

Дежуривший у въезда в замок стражник помог ему спуститься с лошади, и тут же к ним подошел королевский слуга. Поклонившись, он со словами: "Его Величество ожидает Вас, Ваша Светлость", предложил следовать за ним.

Высокомерно кивнув, герцог последовал за ним, отметив про себя, что может, все и не так плохо, раз его ожидает не тюремщик.

Проводив герцога в небольшой, но очень уютный кабинет, слуга с поклоном произнес:

– Ожидайте здесь, Ваша Светлость.

После чего тут же вышел.

После многих лет службы при дворе герцог Алекс Тревор не мог не знать, что королевской аудиенции можно ждать очень долго. Поэтому, не торопясь, опустился в мягкое кресло и приготовился к длительному ожиданию. Однако вскоре дверь распахнулась, и на пороге показался невысокий, но атлетического телосложения и очень приятной наружности светловолосый человек в роскошных парчовых одеждах. Герцог тут же поднялся с кресла и опустился на одно колено, почтительно склонив голову.

– Рад приветствовать Вас, мой государь, – произнес он.

– Да неужели рад, герцог? – король явственно усмехнулся. – Это действительно искреннее приветствие?

– Мой государь, мне никогда не было присуще лицемерие, а сейчас и подавно, – герцог, не вставая с колен, поднял голову и взглянул в глаза своему королю.

– И давно у тебя появились подобные чувства? Хочу сказать тебе, что ты так хорошо скрывал их, что я даже не догадывался о них. А жаль...

– Ваше Величество, – герцог качнул головой, – я никогда и помыслить не смел выступить против Вашей власти, Вы не можете не знать об этом. И лишь Ваши притязания на то, что для меня было свято, на честь моей супруги, вынудили меня без Вашего соизволения увезти ее от двора. Но если бы Вам потребовалась моя жизнь или мое служение, по первому Вашему слову, как сейчас, я бы вернулся.

– Красивые слова, но это лишь слова, герцог... Не знаю, удастся ли тебе на деле доказать мне, что ты готов служить мне и отдать за меня жизнь... Пока ты делал все, чтобы доказать обратное... – король жестом указал в сторону кресел, стоявших друг напротив друга, – можешь сесть, нам предстоит непростой разговор.

– Поверьте, Ваше Величество, любой Ваш приказ, если он не будет касаться чести и достоинства моих дочерей, будет выполнен, – проговорил герцог, поднимаясь с колен и садясь в кресло, указанное королем.

– Я слышал, что при родах твоей третьей дочери Елена умерла... И ты, один воспитываешь дочерей... и как я посмотрю, теперь об их чести печешься, не меньше чем некогда об

ее... что ж, похвально... похвально, – с усмешкой произнес король, стоя напротив герцога, уже севшего в кресло. Сам сесть в кресло он не торопился.

– Однако об этом можешь не волноваться, – продолжил он, – я на их честь не посягаю... Пока-то уж точно... да и дальше, если ты согласишься на мое предложение, не посягну... – усмешка на его губах стала совсем мрачной. – Если все сделаешь так, как я желаю, такому покровительству, что будет у них, можно будет лишь позавидовать...

– Я не понимаю, Ваше Величество... Что Вы имеете в виду?

– А пока и не надо понимать... Когда я объясню тебе смысл моего предложения, у тебя будет лишь два пути. Либо полностью принять его, либо закончить жизнь на плахе, в этом случае никаких гарантий относительно своих дочерей ты, конечно, не получишь...

– Это как-то касается моей чести и достоинства?

– Смотря с какой стороны посмотреть, герцог... Внешне это все будет выглядеть достойно, а вот за то, что это будет именно так на самом деле, не поручусь...

– Я могу сейчас, пока, Вы не объяснили смысла предложения отказаться?

– Можешь... я отпущу... – едва заметно кивнул король, – только не забудь, я злопамятен, и то, что я почти не мстил тебе тогда, объясняется лишь одним...

– Я знаю чем, не надо объяснять, – прервал его герцог и после небольшой паузы добавил: – К тому же, как я понял, сейчас речь идет о будущем моих дочерей.

– Да, – глубоко вздохнув, согласно наклонил голову король, – я верну в твои владения все графства, которых лишил тебя, а твоим дочерям то положение в обществе, которого они достойны, и не только это... Ты будешь приближен ко двору, у тебя будет все... все, о чем только можно мечтать... Кроме одного: свободы действий. Но ее, как ты должен понимать, нет ни у кого, даже у меня...

– Я должен стать супругом Вашей фаворитки? – глядя в глаза королю, напрямую спросил герцог.

Король не отвел глаз.

– Я бы очень хотел сказать тебе "да" уже сейчас, – тихо проговорил он. – Однако отвечу честно: пока она не моя. Но я буду добиваться ее, и ты поклянешься, что не только не будешь мне мешать в этом, но и поможешь... Иначе... иначе... я найду способ отомстить, в первую очередь твоим дочерям, – в его глазах мелькнуло жесткое, тяжелое выражение.

– А если у нее хватит сил противостоять и Вам, и мне?

– Предоставь это мне. Ты будешь лишь четко следовать моим указаниям. Да, и еще... ты пообещаешь, что не будешь ни в чем ограничивать ее... решать все будет она, а также поклянешься, что ваш брак будет лишь номинальным, я надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

– А если она потребует от меня исполнения супружеского долга?

– Не потребует... А если все же потребует, откажешь. Ведь заставить тебя она не сможет.

– Вы хотите, чтобы я предоставил ей полную свободу... А если, воспользовавшись ею, она предпочтет Вам кого-либо другого?

– Герцог, тебе до этого не должно быть никакого дела, – король усмехнулся и, наконец, сел в кресло напротив него. – Твоей супругой она будет лишь номинально, и никаких прав у тебя на нее не будет... и ты знаешь об этом заранее... и согласишься с этим, потому что иначе твои дочери в лучшем случае закончат свою жизнь в монастыре, уж я постараюсь... поверь мне.

Король помолчал немного, а потом спросил:

– Так ты согласен?

– Вы не оставили мне выбора, государь... – герцог отвел взгляд. – Только как же Вы будете, лишив меня чести, полагаться на мое честное слово?

Король вдруг рассмеялся и откинулся на спинку кресла:

– Алекс... герцог, позволь я буду так тебя называть... Раз уж быть тебе моим ближайшим придворным.

Герцог лишь кивнул.

– Так вот, Алекс, я давно никому не верю... Этот разговор с тобой и твоя клятва – скорее дань твоим понятиям о чести, чем моим... Тебе проще сдержать такую клятву, чем выполнять все тоже из-за страха и опасений о судьбе дочерей. Они ведь все будут жить при дворе, или там, где пожелает твоя будущая супруга, но в любом случае ни одной я не позволю покинуть пределы государства, моего государства, заметь... Я понятно объяснил?

– Да, Ваше Величество, – Алекс Тревор покорно склонил голову. Он принимал условия сделки. Восемь лет суровой нужды, если не сказать, нищеты, и ответственность за судьбу дочерей сломили его. Поэтому сейчас потенциальная измена неизвестной ему будущей супруги, казалась ему чем-то несоизмеримо малым по сравнению с возможными злоключениями собственных дочерей, которые и так пострадали из-за его решения отстоять честь их матери. Он отчетливо осознавал, что стоит только королю сделать знак начальнику охраны, как тут же какой-нибудь отряд стражников ворвется в его родовой замок, после чего его дочерям останется лишь посочувствовать...

– Тогда я жду твоей клятвы.

– Я клянусь, мой государь, что не посягну на честь моей будущей супруги и предоставлю Вам и ей полную свободу действий, – герцог Тревор клятвенно поднял руку.

Король величественно поднялся с кресла:

– Пойдем, я представлю ее тебе...

Они долго шли по коридорам полутемных анфилад дворца. Вытягивающаяся при их приближении стража услужливо распахивала двери. Наконец они подошли к массивной двери, у которой стояли два охранника.

– Ее Светлость ела сегодня что-нибудь? – спросил король вышедшую служанку.

– Нет, Ваше Величество, – присела перед ним та и, низко склонившись, всхлипывая, добавила: – Сегодня тоже нет... Я уговаривала, я плакала и говорила, как Вы велели, что меня накажут, если она не поест, но она так и не поднялась с колен, ни словечка не сказала и не взяла ничего. А ведь уже десятый день пошел...

– Понятно... – мрачно протянул тот и, рывком распахнув дверь, вошел.

Герцог вошел следом. У дальней стены на коленях перед распятием, спиной к ним стояла женщина в платье жемчужно-серого цвета, с распущенными каштановыми волосами, которые, словно тяжелый, блестящий плащ, струились по ее плечам и спине до самого пола.

– Все молишься? – плотно закрыв массивную дверь, спросил у нее король. – Надеешься, что если будешь голодать, молитва будет действеннее?

Та медленно поднялась с колен и обернулась, мельком взглянув на герцога Тревора, который тут же пораженно замер, так она была прелестна. Высокий умный лоб, коралловые губы, изысканный излом бровей, подчеркивающих большие, миндалевидные, темно-синие глаза, в бездонном и завораживающем взгляде которых легко можно было утонуть. А когда она повернулась к королю и мелодично заговорила, Алекс Тревор понял, что его сердце окончательно пленено и застыл не в силах ни пошевелиться, ни оторвать от нее взгляд.

– Мой государь, я действительно молилась, и молилась о Вас. Я молилась о Вашем здравии и о том, чтобы Господь просветил Вас и направил Вас на путь истинный. Чтобы Вас оставили дурные мысли и всю Вашу энергию Вы могли бы потратить на благо Вашего государства.

– Если все так, как ты говоришь, что ж ты не ешь ничего? – король шагнул к ней ближе. – Чтобы досадить мне? Чтобы меня заставить принять твои условия? Что ты еще хочешь?

– Ваше Величество, я не прошу ни о чем, – красавица печально покачала головой.

– Тогда что? Ты не можешь простить мне казнь твоего супруга? А как же христианское всепрощение?

– Мой государь, Вы – король и были вправе поступить так, как поступили. И Вы лишь перед Богом будете держать ответ за содеянное. Не мне судить Вас, и не вправе я осуждать Вас. Только если Вы думали, что казнь моего мужа освобождает меня от клятв, данных ему, Вы ошибаетесь. "В горе и в радости, в болезни и в здравии", я обещала быть вместе с ним. И раз Вы посчитали его преступником, нарушившим закон и достойным казни, то значит, и я достойна лишь этого, поэтому я жду лишь ее.

– Нет, герцогиня. Вы, может, неплохо знаете Священное писание, но плохо знаете закон, – мрачно усмехнулся король, переходя на официальный тон общения. – По закону как единственная представительница и наследница рода Тоддов, у которой не было детей от герцога Риттенберга, Вы обязаны повторно выйти замуж, чтобы иметь возможность родить наследника. Вы не захотели стать моей супругой и заставили меня отказаться от мысли склонить королеву к добровольному уходу в монастырь, но я нашел Вам другого супруга. Он не менее знатного рода, чем Ваш, и по закону Вы не можете ему отказать, если согласен я. А я согласен. Поэтому завтра вечером будет свадьба. Вы христианка и обязаны повиноваться закону, не так ли?

– Да, Ваше Величество, – она потупилась и, немного помолчав, тихо добавила: – Я выйду замуж, раз это требование закона.

– И если сейчас же Вы не начнете хоть что-то есть, то я при Вас прикажу мучительно казнить служанку, столь скверно Вам прислуживающую, что Вы даже отказываетесь от еды.

– Хорошо, я буду есть, раз Вы на этом настаиваете...

– Вот и славно, – мрачно проронил король, – прикажите служанке принести Вам еду. Утром Вам принесут свадебное платье. Вы должны завтра выглядеть достойно. Свадьба не такое частое событие.

– Да, мой государь, – герцогиня покорно склонила голову.

– Кстати, не желаете ли узнать, кто Ваш будущий супруг, миледи?

– Это не имеет никакого значения, – печально проговорила та и отвернулась.

– У тебя нет даже любопытства, – король резко шагнул к ней, обхватил ее за плечи и сильно потряхнул. – В тебе хоть что-то есть от женщины?

В то же мгновение голова красавицы запрокинулась, и она стала медленно оседать на пол.

– О Господи, – король подхватил на руки ее безвольно обмякшее тело и, шагнув к постели, стоявшей у противоположной стены, бережно уложил ее там.

– Прости, мое сокровище, я сам не ведаю, что творю, ты лишаешь меня разума... – прошептал он, опускаясь рядом на колени, беря ее руку и осторожно и нежно целуя кончики ее пальцев, – я все готов тебе отдать ради счастья быть с тобой, только ведь ты не возьмешь...

Потом он решительно поднялся и, сердито бросив Тревору: – Пошли. У тебя будет еще время налюбоваться ею, – вышел с ним в коридор.

Там, жестом подозвав к себе служанку, шепотом приказал:

– Приведешь герцогиню в чувство и накормишь ее тем, чем она скажет. Она обещала поесть. Будешь кормить ее понемногу, но часто. Всю ночь чтоб от нее не отходила. Утром она должна выглядеть лучше... намного лучше, чем сейчас, иначе к палачу тебя отправлю.

– Да, Ваше Величество, – срывающимся от волнения голосом пробормотала насмерть перепуганная служанка, – я все сделаю, как Вы сказали.

Король развернулся и решительным шагом направился прочь. Герцог Тревор последовал за ним.

Вернувшись в кабинет, в котором они беседовали, король, захлопнул дверь и, взглянув прямо в глаза герцогу, медленно и очень отчетливо спросил:

– Так ты отдашь ее мне? Не передумал, после того как в глаза ей глянул? Она лишь с виду так нежна, внутри она, как сталь... и предательства твоего тебе никогда не простит. Сможешь ради дочерей всю жизнь выносить ее молчаливое презрение?

– Я уже поклялся, мой государь, – не отводя взгляда, ответил герцог.

– Что ж... это славно... очень славно, – король отступил в глубь комнаты и там опустился в одно из кресел. – Тогда оговорим частности. Хочешь, чтоб твоих дочерей привезли на свадьбу?

– Нет, мой государь, это лишнее. Особенно в свете наших с Вами договоренностей. Они будут лишь мешать.

– Что ж умно... Тогда оговорим место вашей, вернее нашей первой брачной ночи, да и место последующего вашего проживания. Ты как считаешь, замок Телдом подойдет для этого? Это будет свадебный подарок вам от меня.

Замок Телдом был ближайшей от столицы роскошной загородной резиденцией короля, в окрестностях которой он любил охотиться. Герцог удивленно приподнял брови, а потом с достоинством произнес:

– Я не считаю себя вправе отказываться от любых Ваших подарков, Ваше Величество. Поэтому жить мы будем там, где захотите Вы ...

– Алекс, после восьми лет затворничества ты научился не перечить мне, это дорогого стоит. Пожалуй, я сделаю тебя моим первым советником и пожалую орден "За особые заслуги".

– И в чем эти "особые заслуги" должны будут выражаться? – не удержался от колкости герцог, – В том, что мне надо будет связать жену, перед тем как проводить Вас в ее спальню, или еще в чем-то?

– Ты что себе позволяешь? – король вскочил с кресла и, шагнув к Тревору, с силой ударил его по лицу. – Шутить вздумал?

– Простите, Ваше Величество. Это действительно была неуместная шутка, – тихо произнес герцог, рукой стирая с разбитых губ кровь.

– Хорошо... – кивнул король, – только учти: если ты еще хоть раз позволишь себе пошутить по этому поводу или хотя бы намеком попытаешься унижить ее, то очень пожалеешь об этом... обещаю... да и дочери твои тоже... – в голосе короля слышалась с трудом сдерживаемая ярость. – Ты перед всеми и каждым будешь свидетельствовать о ее добродетели, достоинстве и чести. И доказывать, что она выше всяческих подозрений, иначе не стала бы твоей женой.

– Вы думаете, кто-то мне поверит, мой государь? Вы вызываете опального придворного, обручаете его с женой казненного заговорщика и начинаете осыпать их подарками и благодеяниями... Не покажется ли это странным?

– Кому бы что не казалось, ты будешь свидетельствовать об обратном!

– Мой государь, – герцог склонил голову, – я все понял и постараюсь, чтобы добродетели моей супруги не вызывали ни у кого сомнений. Я даже могу распустить слухи о том, что это я предупредил Вас о заговоре герцога Риттенберга, влюбившись в его супругу. И то, что Вы отдали ее мне в жены – награда за мою бдительность и верность.

– А ты умен, герцог... и хитер... Я подтвержу это... скажу, что ты спас мне жизнь, именно поэтому и Телдом, и герцогиня, и должность первого советника, и орден, и еще сотню воинов, пожалуй, для солидности добавлю. Но знай, после моих слов у герцогини появится еще один повод ненавидеть и презирать тебя.

– Одним больше, одним меньше... Какая разница, государь?

– Алекс, я все больше и больше убеждаюсь в твоей преданности, – удовлетворенно проговорил король.

На следующий вечер, выйдя из свадебной кареты у ступеней Телдомского замка, герцог Тревор подал руку своей теперь уже супруге, и та впервые за все это время посмотрела ему

прямо в глаза. Сердце герцога прерывисто забилося, но он не подал вида. А потом когда она, так что слышал только он, тихо спросила: "Все, что сказал сегодня король на церемонии венчания – правда?", сумел совершенно бесстрастным голосом так же тихо ответить: "Правда еще более отвратительна, чем то, что сказал сегодня он, герцогиня".

В то же мгновение он почувствовал, как вздрогнула и сжалась в его руке рука его супруги, после чего она тут же отвела взгляд. Герцог облегченно вздохнул, поняв, что научился противостоять ее обаянию.

Поднявшись с ней под руку по ступеням центрального входа вдоль строя склонившихся слуг, он остановился и, окинув их презрительным взглядом, проронил:

– До завтрашнего полудня все свободны. Чтоб ни одной живой души в замке не было. Я хочу остаться наедине с моей супругой...

– Да, Ваша Светлость, никто не посмеет Вас беспокоить, – слуги, кланяясь, стали поспешно спускаться и пятиться к воротам замка.

А дворецкий поспешил внутрь замка, чтобы предупредить, всех, кто был там, о воле герцога.

– Прошу Вас, герцогиня, теперь это Ваш дом, – тихо произнес герцог Тревор, распахивая перед супругой дверь.

Та едва заметно кивнула и вошла. Молча пройдя по коридорам в центральную залу, где стоял уставленный различными яствами стол, накрытый на две персоны, а вдоль стен горели свечи, она в нерешительности остановилась перед столом.

– Что ж Вы остановились, герцогиня? Извольте откусать, – произнес вошедший следом за ней герцог.

– Но Вы отпустили слуг... – герцогиня с сомнением взглянула на него.

– Я с удовольствием буду служить Вам, – улыбнулся он.

Герцогиня села, и герцог, встав у нее за спиной, склонился к ней:

– Итак, что бы Вы хотели, миледи?

– Немного овощей.

– Как я понимаю, вина Вы не желаете? – положив ей в тарелку овощи, осведомился герцог.

– Вы правы, милорд, – кивнула она.

– А вот я, пожалуй, выпью, – он сел напротив нее, налил себе большой кубок вина и, проговорив: – Ваше здоровье, Ваша Светлость, – залпом выпил.

Герцогиня молитвенно сложила руки:

– Благодарю, Господи, за хлеб наш насущный, и благослови трапезу сию.

В это время в залу вошел дворецкий.

– В замке, кроме меня, никого не осталось, Ваша Светлость. Мне уйти?

– Да. Лишь покажи, где спальня, – кивнул, не поднимая на него глаз, тот.

– На втором этаже по коридору направо. Там невозможно заблудиться. Весь пол к ней усыпан лепестками роз, – подобострастно склонился перед ним дворецкий.

– Пойдем, я запроу за тобой ворота, – герцог налил себе еще один кубок, выпил, а затем поднялся и вместе с дворецким вышел из залы.

Вскоре он вернулся. Дождавшись, когда он вновь сядет за стол, герцогиня подняла на него глаза:

– Я могу узнать, зачем Вы удалили слуг, милорд?

– Алекс, просто Алекс, герцогиня, так будет лучше, – герцог вновь взялся за кувшин с вином, налил себе и выпил.

– Хорошо... как хотите... Так зачем Вы удалили слуг?

– Скоро сюда приедет король. Нашу первую брачную ночь Вы проведете с ним, миледи. Я не хочу, чтоб об этом знал кто-то, поэтому и удалил всех слуг.

– Вы не посмеете, герцог! – герцогиня вскочила из-за стола, голос ее звенел. – Вы не посмеете, так поступить со мной!

– Уже посмел, миледи. Это вопрос решенный, – герцог Тревор мрачно усмехнулся и снова осушил очередной кубок.

– Нет!

– Здесь некому жаловаться и некого звать на помощь, Ваша Светлость. Не согласитесь сами – перед его приходом я свяжу Вас.

– Если Вы... если только Вы посмеете сделать это... – голос герцогини прерывался, она прижалась спиной к стене, – я... я...

– Ну и что Вы сделаете, герцогиня? Покончите с собой? Так это противоречит христианским заповедям. Вновь откажетесь есть? Я буду кормить Вас насильно, и Вы будете выглядеть посмешищем для всего замка. Что еще Вы можете сделать?

– Вы поклялись... поклялись в церкви, Вы не сможете, – в ее глазах засверкали слезы.

– Еще до этого я поклялся, что отдам Вас ему, так что вся эта церемония в церкви была не больше, чем фарс для окружающих. Вас кстати, по отношению ко мне, она тоже ни к чему не обязывает, Ваша Светлость.

– Алекс, я молю Вас... – герцогиня шагнула к нему и опустилась на колени, по щекам ее текли слезы, – молю... не надо, не делайте этого... я буду верной женой... он же не смог сломить Вас тогда, много лет назад... Я знаю об этом. Почему Вы пообещали отдать ему меня?

– Встаньте, герцогиня, не надо так унижаться. Это все равно ничего не изменит. Кстати, моя первая жена тоже побывала в его постели, правда, в отличие от Вас, по своей доброй воле. Я силой заставил ее уехать, узнав об этом. Поэтому до сих пор точно не знаю, кто отец моей третьей дочери: я или король... Однако сейчас у меня есть они, три моих дочери, и плевать, что, может, последняя и не моя... все равно жизнь любой из них мне дороже Вашей чести. Можете презирать меня, можете ненавидеть... мне все равно. Я согласился быть Вашим мужем, и я буду потакать любым Вашим желаниям, терпеть все Ваши капризы. Вы можете делать все, что захотите... и помыкать мной как Вам заблагорассудится... но все это будет только завтра. Сегодня Вы будете принадлежать ему.

– Герцог, он сказал, что убьет Ваших дочерей? Вы только поэтому согласились? – герцогиня схватила его руку, и в ее огромных, синих глазах, влажных от слез, вспыхнула надежда. – Так мы не позволим ему... мы сейчас же уедем... В конюшнях наверняка есть прекрасные скакуны, а сегодня он не посмеет устроить погоню... Мы заберем ваших дочек и отправимся в Троицкий горный монастырь... Нас там примут... там живет мой духовный отец, он обязательно поможет нам, и король не сможет причинить им зла... Я все сделаю для этого, клянусь.

– Встаньте, герцогиня, – герцог отдернул руку. – Неужели Вы думаете, я соглашусь отдать своих дочерей в монастырь? Ради чего? Ради Вашей репутации? Так король и так сделает все, чтоб на Вас и тени подозрений не пало... Ведь, как Вы, надеюсь, понимаете, ему ничего не стоило силой овладеть Вами еще в замке Маунткасл. Но он не сделал этого. Так что Ваша репутация будет незапятнанна. Никто ни о чем не узнает.

– Как никто? А Бог? Вы надеетесь обмануть Бога, милорд? – герцогиня медленно поднялась с колен и, гордо выпрямившись, в упор посмотрела на него. В глазах ее больше не было слез. – Вы мой супруг перед Богом, Ваша Светлость... И Вы смеете отказываться от меня и хотите меня заставить принадлежать другому только потому, что уверены, что это не станет достоянием гласности? Вы действительно боитесь лишь людского осуждения?

Алекс Тревор залпом осушил еще один кубок вина и, криво усмехнувшись, посмотрел на нее:

– Не надо, герцогиня, пытаться пронзить меня яростным взглядом. Это еще не удавалось никому. Вы верите в христианские догмы, что ж прекрасно... только не требуйте такой же веры от меня... Меня в первую очередь интересует моя репутация и мое положение в обществе, а не

душевная святость. Мне до нее далеко. Когда-то по молодости, ради, как мне тогда казалось, чести рода, я принял скоропалительное и непродуманное решение, которое стоило моей семье очень дорого. Больше так опрометчиво я не поступлю... Идти против воли короля, убежденного, что закон предназначен исключительно для удовлетворения его собственных желаний – это безумие.

– Алекс, Вы погубите свою душу и мою... не надо...

– Да, хватит так пещься о собственной душе! – с раздражением проговорил он. – Съездите в свой горный монастырь, покаетесь... Весь грех будет на мне, это я Вас принуждаю... Вы лишь жертва, герцогиня. Господь, таких любит, он Вас простит.

– Не богохульствуйте, герцог! – в голосе его супруга зазвенел такой метал, что герцог удивленно взглянул на нее.

– А Вы оказываетесь, не столь нежны, как казалось на первый взгляд, – иронично протянул он.

– Это точно! И если Вы сейчас же, пока не поздно, не измените своего решения... Ваша жизнь и жизнь Ваших дочерей будет похожа на кошмар. Вы будете жалеть о сегодняшней ночи всю оставшуюся жизнь! Одумайтесь, герцог!

– Так Вы угрожаете мне и собираетесь мстить? Я слышал, Вы долго жили в монастыре, и думал, Вы добрая христианка... и прощаете всех... – губы герцога изогнулись в усмешке.

– Не Вам судить меня, герцог... Насколько я добрая христианка, решит Господь. Я лишь предупреждаю, что подобное решение может стоить Вам очень дорого. И от моего прощения здесь не будет зависеть ничего, Вы сами никогда не простите этого себе... Сама жизнь заставит Вас раскается и не раз.

– Да неужели? Это Вас в монастыре научили так ловко прикрывать собственные намерения завесой жизненных предопределений? Я думал, там учат только читать молитвы.

– Герцог, мне не надо ничего прикрывать. Я заранее, открыто хочу предупредить Вас, что я не святая... и умею не только читать молитвы. Когда-то, с оружием в руках, я отстаивала то, что мне дорого...

– С оружием? – герцог пьяно расхохотался, потом встал и схватил супругу за плечи. – Так поднимите его, дорогая... Попробуйте самостоятельно защитить собственную честь сначала от меня, а потом от короля... Чего Вы ждете? Или заранее знаете, что Ваша попытка будет обречена на неудачу? Так я Вам скажу больше, она будет лишь смешна...

– Милорд, сегодня церковь и Господь благословили Вас стать моим супругом, они дали Вам власть надо мной... – голос герцогини вдруг обрел необычайную мелодичность и зазвучал тихо и проникновенно. – Если произойдет то, что Вы задумали, это разрушит все. Еще не поздно остановиться и все исправить... Подумайте, именно в Ваших руках сейчас наша судьба, наше будущее. Оно может быть светлым и прекрасным... Но один Ваш неверный шаг способен превратить всю нашу дальнейшую жизнь в пылающие руины.

– Алина, – герцог впервые назвал супругу по имени, – Вам бы проповедницей быть... Своей проникновенной речью Вы можете растрогать даже камни... Мне хочется пасть перед вами на колени и умолять указать мне путь в наше будущее, без пылающих руин и развалин... не будь я таким прагматиком, уже сделал бы это... – он мрачно усмехнулся, потом, разжав руки, вновь опустился на стул и, обхватив голову руками, тихо добавил: – Поздно, Алина... Слишком поздно... Я верю, что Вы можете сделать невыносимой как мою жизнь, так и моих дочерей... но исправить что-то уже невозможно.

– Милорд, еще не поздно! – она склонилась к нему и в свою очередь, обхватив его за плечи, несильно потрянула, – Вы должны лишь поверить. Выход всегда есть. Господь не оставит нас!

– Странно только, что при этом участь Вашего первого супруга была столь горька, герцогиня! – приподняв голову и взглянув на нее, зло бросил он в ответ. – Вы ведь не можете не

догадываться, что вся его вина состояла лишь в том, что он был обвенчан с Вами. Так почему же Вы не остались ему верны и не вернулись в монастырь? Вы покорились воле короля, герцогиня? Тогда почему не хотите покориться ей вновь?

– Я покорилась закону, а не прихоти и воле короля... – гордо выпрямилась та.

– В нашем государстве это одно и то же, – иронично заметил герцог и сурово добавил: – Миледи, довольно препирательств, – он наполнил вином и осушил очередной кубок, – превращать мою жизнь в кошмар Вы начнете завтра. А сейчас отправляйтесь в спальню и приготовьтесь достойно встретить короля, если не хотите, чтобы я привязал Вас к постели.

– Это Ваше окончательное решение, милорд? – каким-то очень отстраненным голосом спросила она.

– Да, миледи, – кивнул он. – Надеюсь, Вы исполните мою волю, и мне не придется применять силу. Позвольте мне сопровождать Вас.

Не проронив ни слова, герцогиня медленно вышла из зала, а герцог, поднявшись из-за стола, последовал ней.

Они медленно прошли по ковру из лепестков роз к лестнице, поднялись на второй этаж и приблизились к спальне. Герцог Тревор распахнул резную массивную дверь, пропустил вперед супругу, после чего закрыл дверь и запер ее торчавшим в замочной скважине ключом, затем положил его себе в карман и, спустившись вниз, пошел отворять ворота замка.

Всматриваясь в темноту, герцог старался расслышать стук копыт, ожидая появления короля. Он неподвижно стоял у приоткрытых ворот, когда рядом с ним внезапно из темноты возникла фигура, закутанная в дорожный плащ. Герцог выхватил кинжал, намереваясь всадить его клинок в незваного гостя, когда тот неожиданно поднял руку, и голосом короля тихо произнес:

– Нехорошо, Алекс, убивать гостей на пороге.

Спрятав кинжал, герцог почтительно склонился перед королем, пропуская его в замок, и запер за ним ворота.

– Я не сразу узнал Вас в темноте, Ваше Величество, – тихо произнес он.

– Герцогиня слишком дорога мне, чтобы я мог позволить хоть кому-то узнать меня, – ответил король, небрежным жестом сбрасывая на руки герцога дорожный плащ. Одет он был в скромный костюм мелкоземельного дворянина.

– Вы один и пешком, мой государь?

– Доверенный немой и безграмотный слуга ждет меня с лошадьми в овраге у замка. На рассвете мы уедем, думаю, никто не должен узнать о нашем визите. Где она?

– В спальне.

– Она знает?

– Да, я сказал ей.

– И что же?

– Герцогиня умоляла пощадить ее честь, предпочитая укрыться в монастыре.

– И что ты сказал ей на это?

– Монастырь не то место, где ей надлежит быть сегодня, – ответил герцог.

– Тверда твоя воля, – усмехнулся король.

Герцог Тревор усмехнулся и, достав из кармана ключ, протянул его королю: – Дорога к спальне вся из лепестков роз. Я буду здесь, – герцог открыл наугад одну из ближайших дверей. – Вот только вино прихвачу из обеденной залы. Сегодня все-таки день моей свадьбы.

Отворив дверь ключом, король шагнул в спальню, и увидел герцогиню, стоявшую на коленях и молившуюся рядом с широкой кроватью, украшенной гирляндами живых цветов. Он обернулся к двери, запер ее, а затем вновь повернулся к своей избраннице, иронично заметив:

– Не соблаговолите ли подняться с колен, чтобы засвидетельствовать низжайшее почтение своему королю, герцогиня?

Плечи герцогини под тонким покровом кружевного свадебного платья напряглись. Тяжело вздохнув, она медленно поднялась, обернулась к нему и, присев в низком поклоне, склонила голову с высокой, красиво уложенной прической из ее роскошных, густых волос.

– Приветствую Вас, мой государь, – тихим голосом проговорила она. В глазах ее блеснули слезы.

Король шагнул к ней и порывисто обнял:

– Алина, не плачь... никто об этом не узнает, клянусь. Твой супруг будет тебе покорен, все будет так, как ты пожелаешь... Никто не посмеет даже намеком оскорбить тебя... Помнишь, ты говорила о землях для горного монастыря, я пожертвую их, даже больше, чем они просили... и дам деньги и земли на создание новых там, где ты только скажешь...

Она стояла в его объятиях, даже не делая попыток вырваться, лишь слезы струились по ее щекам и драгоценными брильянтами сверкали в широко распахнутых синих глазах.

– Прошу тебя, не плачь, – повторил король, нежным движением вытирая слезы с ее лица. – О чем ты плачешь?

– О душе, которую потеряла, – то ли проговорила, то ли выдохнула она с таким чувством, что король испуганно разжал руки.

– Что ты говоришь? Как ты можешь так говорить?

– Вы растоптали ее вместе с герцогом в прах... смешали с грязью... ее больше нет... И сейчас здесь лишь тело, которое полностью в Вашей власти. Берите его и владейте им. Оно больше не нужно мне. Ведь Вы для этого пришли? Время быстротечно, а ночь коротка. У Вас не так много времени до рассвета... скоро это тело, что так привлекает Вас, потеряет всякую привлекательность...

– Алина, что за речи?

– Я говорю: поторопитесь, государь... у Вас осталось совсем мало времени... тело без души не может жить и умирает.

– Алина, что ты задумала? – король легонько тряхнул ее за плечи, воскликнув: – Я не позволю тебе умереть!

– Есть тот, кто выше земной власти, мой государь...

– Почему в мыслях твоих, что он позволит тебе то?

– Я знаю... поэтому и говорю "поторопитесь", – герцогиня сказала это очень тихо, но так уверенно, что у короля перехватило дыхание. – Вы можете сейчас мне не верить... но обязательно поверите на рассвете... Я знаю, что умру на Ваших руках, и моя смерть будет для Вас шагом к ВЕРЕ... Завтра на рассвете, оплакивая меня, Вы уверуете в Него... Ваша жизнь будет нелегка, а путь будет путем страданий... но это будет путь к Нему, так как лишь Он сможет утешить Вас...

– Я не трону тебя... не трону... Только не умирай! – прошептал король, нежно коснувшись пальцами ее щеки.

– Как я могу? То не в моей власти, – печально покачала головой она. – Пусть свершится то, что должно...

– А если не свершится? – с легкой улыбкой спросил король.

– На все воля Божья... – она вновь качнула головой и повторила, – на все чистая, святая Воля Его.

В ее словах слышалась печаль, понимание своей участи и готовность кротко принять ее. Король отстранился и потрясенно смотрел на нее. А потом, словно внезапно решившись на что-то, заговорил:

– Алина, я верю во все, что ты сказала, и готов следовать тем путем к Господу, который он укажет мне.

Он молитвенно сложил руки и повернулся к распятию:

– Господи, не отнимай у меня этот светоч, который указал мне путь к Тебе... Я не посягну на ее честь, постараюсь беречь ее и следовать ее советам... Она нужна мне, Господи! Не отнимай ее у меня. Лишь она способна провести меня по тому пути, что Ты уготовал мне. Не лишай меня ее света, чтоб я не сбился с пути истинного.

– Вы действительно этого хотите? Хотите встать на путь истины и готовы идти этим путем? – герцогиня удивленно распахнула свои большие глаза, чуть склонив голову набок, и продолжила: – Тогда я просто счастлива, мой государь... Счастлива, чтобы ни случилось со мною в дальнейшем... – на ее лице появилась очаровательная улыбка.

– Алина, когда ты так улыбаешься, я готов сделать для тебя что угодно...

– Так сделайте... сделайте, что обещали. Пожертвуйте земли горному монастырю, – ее улыбка стала еще шире.

– Хорошо, обещаю, – кивнул король и, взяв ее руку, поднес к губам, – а я могу в свою очередь попросить тебя?

– Конечно.

– Я хочу, чтобы между нами установились душевно близкие отношения... Я хочу найти путь к Богу, и ты должна мне в этом помочь.

– Я постараюсь, мой государь...

– Алина, я был бы очень признателен тебе, если бы ты, хотя бы изредка называла меня по имени – Артур, я ведь твой двоюродный брат... Твоя мать была сестрой моего отца. Ты сможешь? Или боишься, что после этого все посчитают тебя моей новой фавориткой?

– Меня не занимает людская молва, если я честна перед Богом. Я буду к Вам обращаться так, как Вы пожелаете, Артур.

– Благодарю тебя, моя драгоценная кузина, – он снова нежно и почтительно поцеловал ее руку. – Но если тебе действительно все равно, что о тебе думают другие, пусть тогда твой супруг будет уверен в том, что я получил желаемое.

– Хорошо, пусть так, – согласно прошептала она.

Король улыбнулся:

– А теперь прошу, расскажи мне о Боге. Не о том, о ком говорят священнослужители, а о том, который в твоём сердце. И еще о том, кто открыл тебе путь к нему. Я знаю, ты долгое время провела в горном монастыре... Расскажи. До рассвета еще много времени.

Она чуть обернулась к нему и, заглянув в глаза, мелодичным и чарующим голосом заговорила.

– Бог – это любовь. Бог – это любовь вечная, бесконечная, и ощущать ее, стремиться к ней – это уже счастье... Бог любит всех настолько, что послал себя же в образе сына своего на землю нашу грешную и принял страдания и мученическую смерть во искупление грехов всех и каждого. Эту любовь надо понять, почувствовать и открыть ей сердце и, приняв эту любовь, постараться стать достойным ее, чтобы вместить еще больше. Это путь бесконечный, потому что бесконечна любовь Божия. Откройте свое сердце Богу, и Вы ощутите любовь Божию. Она везде... В прекрасных рассветах и великолепных закатах, в пении любой самой маленькой птички и в гордом полете огромного орла. Господь дарит это всем: и богатым, и бедным, и тем, кто знатен, и тем, кто нет, и праведникам, и грешникам, всем нам, живущим... Порой мы закрываем свое сердце, потому что не можем вместить бесконечную любовь Его, погружаемся в суету обыденности и перестаем видеть то, чем он щедро одаряет нас. Перестаем ценить красоту бытия и чувствовать любовь Его.

– А что такое смерть, это тоже проявление любви Его? – погружаясь в бездну ее глаз, спросил король.

– Я считаю, что наша жизнь – это возможность для каждого прийти к Богу, открыть Ему сердце свое и душу свою. Для тех, кто успел это сделать, смерть – это начало воссоединения с Богом, а для тех, кто не успел, не смог или не захотел – это конец.

– Так на рассвете ты хотела воссоединиться с Богом?

– Вы считаете, что можно этого хотеть, когда душа твоя отравлена сомнениями, болью, отчаянием, разбита и втоптана в грязь? Я не то что хотеть, я даже мечтать, о таком не смела... Однако Господь был милостив ко мне и дал мне силы принять свою судьбу, смириться с ней. Ведь все в руках Божиих... и лишь Ему решать, кто чего достоин. Уверовавшие в свою безгрешность праведники могут оказаться менее достойными, чем раскаявшиеся грешники. Но, как видно, Господь лишь испытывал меня, послав возможность изменить судьбу... Хотя рассвет еще не наступил...

Король нежно провел рукой по щеке Алины, – Господь не только тебе открыл глаза. Ты необыкновенна.

– Скажите, мой государь... я должна знать правду. Герцог Риттенберг действительно был невиновен, и лишь я причина его казни?

– Это тебе герцог Тревор сказал? – скривил губы король. – Нет, мое сокровище... Ты ведь слышала его признание, герцог Риттенберг был не тот человек, которого можно было заставить оговорить себя. Он действительно стоял во главе заговора, и бумаги, найденные при нем, подтверждали это... я, конечно, мог бы лишь лишить его всех регалий и сослать... Но оставлять в живых тех, кто пытается свергнуть мою власть, не в моих правилах.

– Я до сих пор не могу поверить, в то, что герцог осмелился посягнуть на Вашу власть... Он был замечательный человек. Он много раз защищал монастырь и спас меня из плена... Поэтому когда отец-настоятель сказал мне, что я должна покинуть монастырь, потому что мне уже исполнилось девятнадцать лет и по закону я должна выйти замуж, иначе род Тоддов прервется, и герцог просит моей руки и у него есть Ваше согласие на наш брак, я, не раздумывая, согласилась. Я была уверена, что герцог достойный человек... Как могло случиться, что он встал во главе заговорщиков? Зачем? Ведь мы же меньше двух месяцев назад обвенчались... мы только приехали в его родовой замок, как за ним пришли стражники.

– Как меньше двух месяцев? – король изумленно посмотрел на нее. – Я дал разрешение герцогу на этот брак около двух лет назад... Он еще тогда сказал, что обвенчался с тобой, но ты не хочешь уезжать из монастыря, пока не родится наследник. Он много о тебе рассказывал, правда, никогда не говорил, какая ты красавица.

– Как больше двух лет? – в свою очередь удивилась герцогиня. – Два года назад я впервые увидела его, а он меня... Его тогда спасли монахи на горном перевале, и я выхаживала его. Потом, правда, он действительно приехал и просил моей руки, но я и помыслить не могла, что мне придется когда-нибудь покинуть монастырь. Я сказала в ответ, что отказала бы даже королю... С тех пор герцог не беседовал со мной об этом, но стал часто бывать в монастыре. Помогал возводить укрепления, отражать набеги горцев. Учил меня обращаться с оружием, стрелять, метать нож, учил некоторым приемам... Мне тогда все это несколько раз жизнь спасало... А когда однажды горцы подкараулили меня на тропе и увезли, пробрался в их лагерь и спас меня... Герцог был благороден, храбр и честен. У меня в голове не укладывается, что он мог нарушить присягу на верность своему королю и стать во главе заговорщиков...

– Он хотел сделать тебя королевой, – неожиданно рассмеялся король, – он считал, что ты этого достойна... И он был прав. Когда-нибудь я сделаю тебя ею.

– Нет, мой государь, – герцогиня почтительно склонилась перед ним, – у Вас уже есть королева... Вы обещали, что не предпримете ничего против нее... а у меня теперь вновь есть законный супруг.

– Не будем заглядывать вперед. На все воля Божия, – король согласно склонил головой. – Скажи лучше, почему ты оказалась в монастыре и как ты пришла к Богу.

– Как там оказалась... – Алина задумчиво подняла глаза вверх. – Вы, наверное, знаете, что моя мать умерла при родах, а мой отец, герцог Тодд, был однолюбом, поэтому он отказался жениться еще раз. Он очень страдал оттого, что моя мать умерла, и не мог простить мне, что именно я стала причиной ее смерти, поэтому он отказался видеть меня. Пока я была маленькой, няньки старались сделать так, чтоб я никогда не попадалась на глаза герцогу. А однажды, когда мне было лет семь, я сама пришла к герцогу в надежде заслужить если не его любовь, то хотя бы его внимание... я пыталась объяснить, что люблю его... но он отправил меня в горный монастырь, где в двух небольших обителях жили семь монахов и четыре монахини. Герцог Тодд знал когда-то отца-настоятеля и написал ему, и он согласился взять меня на воспитание. Я попала туда отчаявшимся ребенком, не ждущим ничего хорошего от жизни, ненавидящим весь мир и в первую очередь собственного отца, потому что я не могла простить ему, что он не любил меня и отверг мою любовь... И там, среди голых скал и очень тяжелой жизни я, к собственному огромному удивлению, нашла столько доброты, любви и ласки, что этого хватило с лихвой и чтобы вылечить мое разбитое сердце, и чтобы суметь открыть свое сердце для любви того, кто любил меня всегда – любви Божией, – герцогиня помолчала немного, а потом добавила: – и чтобы суметь простить отца. Хотя сумела я это сделать лишь после его смерти. Он так и не захотел перед ней со мной встретиться.

– История очень печальная, Алина.

– Что в ней печального? – удивилась та и внимательно посмотрела на короля. – Я нашла свой путь к Богу, а это стоит любых трудностей и испытаний.

– Похоже, ты действительно нашла этот путь.

Она согласно кивнула и продолжила:

– Я, например, всегда чувствовала, когда угрожает опасность тем, за кого я молюсь. Отец-настоятель всегда говорил, что Господь, видно, очень любит меня, раз дает это знать.

– Как же тогда, если ты чувствуешь опасность, еще в монастыре сама в плен попала?

– Я чувствовала, но не идти не могла. Один из священников был очень болен, ему нужно было лекарство. Мы пошли с сестрой Ниной, совсем молоденькой монахиней. И на обратном пути, я поняла, что нам не пройти – засада. Нина с лекарством спряталась, а я отвлекла горцев на себя. Попыталась увести их подальше от тропы, а потом, конечно, они схватили меня. В горах трудно убежать, к тому же от жителей гор...

– За кого же ты теперь Бога молишь?

– За отца-настоятеля, за монахов и монахинь монастыря, за моих умерших родителей и казненного супруга, а теперь еще и за Вас буду... – она замолчала ненадолго, а потом добавила: – больше у меня нет никого близких.

Король, не сводивший с нее восхищенного взгляда, вдруг понял, что в ее лице нашел того, кто будет не только молиться за него, но и искренне сострадать. Он обрел того, кого с ним рядом никогда еще не было, – обрел друга.

– Счастлив слышать это, – улыбнулся он.

За разговорами время до рассвета пролетело незаметно.

– Ну что ж, моя дражайшая кузина, – король поднялся, – не забывай молиться обо мне, ты теперь в ответе за мою грешную душу.

– Я буду молить Бога о Вас, Ваше Величество, о том, чтобы Господь хранил Вас и окормлял.

– Да будет так, – промолвил он, после чего подошел к двери, отпер ее и, не оборачиваясь, вышел.

– Храни Вас Господь, мой государь – прошептала ему вслед герцогиня и осенила его крестным знаменем.

Кэти была во дворе замка, когда в распахнутые ворота, которые проржавели настолько, что уже не закрывались, въехала роскошная карета, запряженная парой великолепных лошадей. Кэти испуганно замерла. Она помнила слова отца и с трепетом ожидала появления королевского посланника. Карета остановилась напротив лестницы главного входа, кучер спрыгнул с козел и, распахнув дверку, спустил подножку. Сердце Кэти судорожно забилося. Однако из кареты вышел не королевский посланник, а богато одетая немолодая дама. Осторожно спустившись, она оглянулась вокруг и, заметив Кэти, направилась прямо к ней.

– Скажите, милая девушка, где я могу найти дочерей герцога Тревога? – спросила она.

– Я старшая из них... – Кэти чуть склонила голову.

– Неужели... – растерянно протянула незнакомка, а затем, поджав губы и в упор глядя на Кэти, продолжила: – Подобная одежда, что на Вас, моя дорогая, скорее пристала простолудинке, чем Вам.

Кэти покраснела и потупила взор. С тех пор как они уехали из столицы, Кэти не видела столь шикарно одетых дам. Роскошные наряды она видела лишь на пыльных портретах в гостиной замка. Она считала, что ее платье, которое перешла ей из нарядов матери их старенькая служанка, очень красивое, ведь ее сестры ходили в худших, донашивая то, что становилось мало ей. Однако теперь ей стало очень стыдно от того, как оценила ее наряд незнакомка. А о том, что может сказать она, увидев платья сестер, Кэти даже думать было страшно. Ей хотелось убежать, только бы не видеть этих презрительно сжатых губ.

– Что ж, – гостыя, так и не дождавшись ответа Кэти, глубоко вздохнула, – могло быть и хуже... Ладно, покажите мне Ваших сестер, мне надо их видеть, – тоном, не терпящим возражений, произнесла она и поспешила к входу в замок, а Кэти покорно пошла следом.

Войдя в холл, незнакомка брезгливо огляделась: – Нет, я не пойду дальше... Я хоть и должна исполнить волю короля, пославшего меня сюда, но это уже чересчур. Здесь столько пыли... У меня сейчас разыграется мигрень... Вот что, милая леди, – строго обратилась она к Кэти, – зовите своих сестер, а я подожду вас около кареты...

После чего, шурша платьем, стремительно вышла из дверей.

Кэти в нерешительности замерла. Она не могла понять, кто эта незнакомка, что ей от них надо и почему она должна вести к ней сестер. Однако упоминание имени короля сделало свое дело. Кэти решила, что спорить с незнакомкой, которую прислал король, вряд ли будет разумно, и поспешила за сестрами.

Оглядев всех трех девочек, гостыя еще раз тяжело вздохнула, покачала головой и, видимо что-то внутренне для себя решив, повернулась к кучеру:

– Сначала едем в ближайший город.

Тот молча кивнул и, спустившись с козел, распахнул дверку кареты.

– Садитесь! – обернувшись к девочкам, строго произнесла незнакомка.

– Зачем нам куда-то ехать? – Кэти, как старшая, взяла сестер за руки.

– Моя дорогая, – в тоне дамы послышалось раздражение, – я все объясню по дороге... мне надо как можно скорее привести вас в подобающий вашему положению вид.

– Мы никуда не поедem... Почему мы должны куда-то ехать? – Кэти, не выпуская рук сестер, сделала шаг назад.

– Это приказ короля. Надеюсь, с королем, милая леди, Вы не намерены спорить? – жестко произнесла дама. – Или Вы хотите, чтобы вместо меня он прислал стражников?

– Нет, конечно... – Кэти растерянно оглянулась, – только мы не предупредили никого.

– Ваш отец знает о моем визите, юная леди, поэтому не теряйте времени и садитесь с сестрами в карету.

– Но нам надо предупредить хотя бы Анну.

– Кто такая Анна?

– Это наша служанка, она будет волноваться... – Кэти выпустила руки сестер и сделала шаг к лестнице, – я быстро, только скажу ей и вернусь.

– Если Вы сейчас же не сядете в карету, юная леди, то я вынуждена буду доложить королю о том, как Вы относитесь к его приказам. Вы, видимо, не имеете никакого представления об этикете, если готовы пренебречь приказом короля, – произнесла незнакомка таким грозным голосом, что Кэти застыла на месте.

– Вы так и будете стоять, как изваяние? Или все-таки соизволите сесть в карету? – продолжила та нетерпеливо.

Прошептав: "Извините, я не хотела Вас рассердить", Кэти быстро подошла к карете. Вначале она помогла сесть в нее сестрам, испуганно жавшимся друг другу, а затем села сама. Все втроем они сели с одной стороны, оставив незнакомке то сиденье, на котором лежали ее тонкие кружевные перчатки.

Сев в карету и скомандовав кучеру: "Трогай", незнакомка еще раз внимательно на них посмотрела и, глубоко вздохнув, произнесла:

– Меня зовут леди Розалинда Гиз. Вы можете обращаться ко мне "леди Розалинда". По приказу короля я теперь вас опекаю и отвечаю за вас и ваше поведение. Поэтому очень надеюсь, что вы сразу поймете, что обязаны меня слушаться и мне подчиняться, чтобы мне не пришлось объяснять вам это еще раз.

– Вы нас опекаете? – подавленно переспросила Кэти. В ее голове закружился хоровод мыслей, главная из которых была: "Как бы узнать, что случилось с отцом". Она испугалась, что началось сбываться то, что он предрекал ей при разлуке.

– Да, теперь я ваша опекунша, – леди Розалинда раздраженно повела плечами.

– Простите... – больше Кэти ничего произнести не смогла, она отвернулась, чтобы скрыть слезы, предательски подступившие к глазам.

Не заметив ее состояния, леди Розалинда продолжила:

– Сейчас Вы скажете, как вас зовут, чтобы я могла обращаться к каждой из вас по именам. Как Ваше имя? – леди Гиз рукой указала на Кэти.

– Кэти, – произнесла она.

– Полное имя! Запомните, юная леди, в приличном обществе иное обращение друг к другу исключено, – раздраженно заметила леди Гиз.

– Катарина, – с трудом сдерживая свои чувства, чтобы не показаться дерзкой или не расплакаться, проговорила Кэти.

– Уже лучше... А Ваше?

– Мария, леди Розалинда, – средняя из сестер склонила голову.

– Умница, – похвалила леди Розалинда, – Вы явно сообразительнее своей сестры.

– А меня Луиза, это мое полное имя, – не дождавшись своей очереди, выпалила младшая из сестер Тревор. Она явно хотела, чтобы ее тоже похвалили.

– Я пока Вас ни о чем не спрашивала, юная леди, – резко прервала ее леди Гиз, – приличные молодые леди никогда не позволяют себе прерывать старших и вмешиваться в их разговор. Надеюсь, Вы постараетесь запомнить это.

– Простите, – щеки Луизы заалели.

– Замечательно, что Вы меня поняли. А вот теперь я бы хотела услышать от Вас Ваше имя.

– Луиза, – повторила перепуганная девочка.

Кэти постаралась незаметно погладить ее по руке, чтобы хоть немного ободрить.

– Сейчас, когда мы с вами познакомились, я расскажу вам, что мы будем делать дальше, – продолжила леди Гиз. – Мы найдем в ближайшем городе портниху и закажем у нее несколько

платьев для вас. А то я даже вообразить не могу, как в таком виде представлю вас герцогине. Король не простит мне, если узнает, что она была недовольна...

В карете повисло напряженное молчание. Кэти боялась что-либо спрашивать, страшась, что не сможет сдержаться и расплчется, как только услышит ужасную новость. Ее сестры тоже испуганно молчали. Наконец Луиза не выдержала:

– Леди Розалинда, извините, пожалуйста, – прошептала она, – а какой герцогине Вы хотите нас представить?

– Как какой? – удивилась та. – Герцогине Тодд, разумеется, супруге вашего отца и теперь вашей матери по закону.

– Отец... женился? – Кэти судорожно слотнула и пораженно замерла, не понимая радоваться или печалиться такому известию.

– А вам не сообщили? – леди Гиз удивленно покачала головой. – Да, юные леди, Ваш отец женился. Я была уверена, что Вы знаете об этом. Его супруга – кузина короля. Поэтому король, чтоб оградить свою кузину, к которой очень благоволит, от забот, связанных с необходимостью следить за вами и пекься о вашем должном воспитании и приличествующем вашему положению образовании, поручил это мне. Я была фрейлиной Ее Величества матери короля, упокой Господи ее душу, – леди Гиз набожно перекрестилась, а потом продолжила, – поэтому вряд ли кто-нибудь сумеет это сделать лучше меня.

Сестры испуганно притихли. Их пугала эта строгая, властная женщина. Поэтому вопрос, почему их отец по-прежнему не может сам воспитывать их, не задала ни одна.

Доехав до ближайшего города и найдя портниху, леди Розалинда устроила в ее доме целый переполох. Она пересмотрела почти все запасы тканей, заставив испуганную портниху метаться по всему дому и выложить все, что у нее есть для такой взыскательной покупательницы. Однако ей не нравилось ничего. Наконец, недовольно скривив губы, она все же выбрала ткань по своему вкусу и заказала платья для каждой из сестер. Затем велела перепуганной портнихе срочно с нарочными прислать в замок платья, как только они будут готовы, после чего удалилась, сказав: "Все остальное – позже, в столице" и шурша своим роскошным нарядом.

Всю ночь и весь следующий день карета ехала почти без остановок, и к вечеру второго дня они уже въезжали в ворота замка Телдом. Обогнув двор, карета подъехала к отдельному входу дальнего крыла замка, граничащего с помещениями, отведенными для слуг, и конюшнями.

Подбежавший дворецкий с поклоном встретил выходящую из кареты леди Розалинду:

– Леди Гиз, я доложу о вашем приезде Их Светлостям и провожу Вас в зал для приемов.

– Доложи Их Светлостям, что мы приехали, – высокомерно кивнула ему та, – и передай, что я прошу у них разрешения представить им дочерей завтра. Юные леди устали в дороге, им необходимо отдохнуть и привести себя в порядок.

– Конечно, леди Гиз, я все передам... – дворецкий еще раз низко поклонился и чуть ли не бегом бросился к центральному входу в замок.

Проводив его долгим взглядом, леди Розалинда подумала, что чета герцогов Тревор по видимому отличалась суровым нравом, раз дворецкий с такой скоростью отправился к ним с докладом. Насколько она знала, часто бывая раньше в свите короля в замке Телдом, Рон расторопностью никогда не отличался.

Быстро поднявшись в апартаменты герцогини, дворецкий постучал.

– Войдите, – раздался из-за двери мелодичный голос.

Рон шагнул в апартаменты и с поклоном произнес:

– Ваша Светлость, прибыли юные леди Тревор в сопровождении леди Гиз. И леди Гиз как их опекунша просит позволения представить Вам их завтра, так как они все очень устали с дороги.

– Ты уже доложил об этом герцогу? – спросила герцогиня, сидевшая с книгой в одном из кресел у окна.

– Нет, Ваша Светлость... герцог распорядился вначале обо всем докладывать Вам.

– Да, конечно, Рон... и как я могла забыть... – герцогиня поспешно отложила книгу и встала. – Разумеется, я согласна, чтобы леди Гиз представила мне девочек завтра. Надеюсь в замке все готово для них?

– Конечно, Ваша Светлость... я все сам проверял. И комнаты юных леди, и комнаты леди Гиз, и залы для занятий и игр – все в полном порядке. И переход в крыло, отведенное им, как и приказал король, я запер. Ключ только у Вас, герцога и меня. Выйти юные леди смогут только в сопровождении леди Гиз, а попасть в центральную часть замка только через центральный вход и также лишь в ее сопровождении.

– Да, я помню, об этом распоряжении короля, Рон, и рада, что ты все так тщательно выполняешь... но я спрашивала не об этом. Я не ждала девочек раньше конца недели и ничего не проверила сама.

– Ваша Светлость, у Вас есть ключ, который подходит ко всем дверям замка... Если Вы не доверяете мне, то можете открыть и в любое время проверить все, что только пожелаете. Вы хозяйка замка, и никто не посмеет Вам перечить. Король приказал казнить любого по первому Вашему слову, и стражники, и весь гарнизон замка выполняют любой Ваш приказ.

– Рон, я полностью доверяю тебе. Я хотела услышать твое мнение о том, насколько девочкам там будет уютно.

Дворецкий рухнул на колени:

– Ваша Светлость, Вам, конечно, может не понравиться, как я все распорядился устроить там, но неужели Вы думаете, что я мог умышленно сделать что-то противоречащее Вашему приказанию?

– Рон, – герцогиня шагнула к дворецкому и нежно коснулась его плеча, – ты постоянно падаешь передо мной на колени, стоит мне хоть о чем-то спросить тебя. Что произошло?

– Ваша Светлость... – дворецкий совсем склонил голову, – я лишь пытался ни чем не прогневить Вас...

– Рон, – герцогиня рукой ласково приподняла голову коленапреклоненного дворецкого и заглянула ему в глаза. – Последнее время тебя, да и всех слуг будто подменили. Я знаю, что герцог очень суров, особенно со слугами, но я ведь никогда не наказывала тебя...

– Да, Ваша Светлость... – Рон попытался отвести взгляд.

– Рон, я бы хотела узнать причину, хотя настаивать не буду... Жаль, конечно, что ты не доверяешь мне, но что поделать, я приму это как данность, – герцогиня убрала руку от лица дворецкого, отошла к окну и отвернулась, тон ее заледенел. – Можешь идти. Скажи леди Гиз, что завтра я сообщу, когда встречусь с девочками.

– Ваша Светлость... я все расскажу, только не сердитесь... – Рон встал и шагнул к ней.

– И что же произошло? – герцогиня обернулась к нему.

– Ваша Светлость... – дворецкий потупил голову, – Вы помните, Клепон, слуга, что прислуживал Вам, как-то опрокинул за обедом соус Вам на платье... Так вот, после того случая Его Светлость герцог в присутствии короля собрал всех слуг в центральной зале и сказал, что он напоминает нам, что может не только наказывать, но и казнить любого по своему усмотрению. А потом сказал, что в первую очередь будет требовать от всех беспрекословного подчинения Вам, Ваша Светлость. И если кого-то заметит в нерадении или недолжном почтении, строго накажет. Что все должно в первую очередь докладываться Вам, и на все испрашиваться Ваше соизволение, и только после этого все это должно докладываться ему. Ему же все должны

докладывать обо всех случаях, когда они заметили кого-то в нарушении этих правил, потому что те, кто не сообщили ему о них, будут также наказаны. А потом он приказал стражникам взять Клепона, отвести на двор и казнить. Вы еще прибежали тогда во двор и просили герцога и короля прервать казнь.

– Так его казнили из-за этого? – герцогиня закусила губы и отвернулась. Она помнила, как прибежала во двор, увидев из окна приготовления к казни, и как спрашивала и герцога, и короля, в чем тот слуга столь сильно провинился, и как, не дождавшись никаких пояснений, просила помиловать несчастного. Все ее старания тогда оказались напрасными. Герцог ответил ей, что готов выполнить любое ее желание, но только не связанное с вопросами наведения порядка в замке. Что она может пожелать все, что угодно: и назначить бал, и чтобы ее манто сзади всегда носили двое слуг или чтобы во время обедов все слуги были одинаково одеты. Он проследит, чтобы все было исполнено. А как и каким образом он будет добиваться исполнения ее желаний, он будет решать только сам. И его тут же поддержал король, заявивший, что герцог абсолютно прав и его милой кузине ни к чему вникать в тонкости поддержания порядка в замке и наказания слуг. Ей надо при необходимости лишь пожаловаться герцогу на их нерадение, чтобы тот все исправил. И еще добавил, что закон в замке должен соблюдаться неукоснительно, и это обязанность мужчин – следить, чтоб он исполнялся.

– Да, выходит, что так, Ваша Светлость... – дворецкий согласно кивнул и продолжил: – Теперь все очень боятся, что герцог заподозрит их в нерадении, поэтому докладывают ему о малейших промахах как своих, так и окружающих. Лишь в этом случае он может ограничиться устным выговором или нестрогим наказанием, в противном случае он поступает с провинившимися очень жестоко...

– Ну что же, Рон, теперь мне стало все понятно, – герцогиня тяжело вздохнула. – К сожалению, повлиять на решение герцога я никак не могу. Но ты передай ему, пожалуйста, что я расспрашивала тебя о его дочерях и твоих приготовлениях к их приезду и была довольна тем, что ты сделал.

– Да, Ваша Светлость. Вы несказанно добры, – Рон склонился к руке герцогини, коснулся губами кончиков ее пальцев и поспешно вышел.

Войдя в апартаменты герцога, дворецкий склонился в низком поклоне, – Ваша Светлость...

Герцог нетерпеливо ходил по собственному кабинету и явно ждал его.

– Ты был у герцогини, докладывал ей о приезде юных леди? – сразу же спросил он.

– Да, Ваша Светлость, – Рон склонился еще ниже.

– Что она сказала?

– Я рассказал ей обо всех приготовлениях к приезду юных леди и о том, что леди Гиз просила разрешения представить ей их завтра, чтобы они могли отдохнуть с дороги.

– И что она?

– Ее Светлость сказала, что завтра сообщит леди Гиз, когда захочет увидеть юных леди.

И что она довольна теми приготовлениями, что я осуществил к их приезду.

– Ты запер переход?

– Да, Ваша Светлость.

– Отдай мне ключ.

– Конечно, Ваша Светлость, как пожелаете, – дворецкий достал из кармана связку ключей и, сняв один из них, протянул герцогу.

– Больше ключей от перехода нет, я надеюсь? – взяв ключ, жестко спросил тот.

– Больше нет, Ваша Светлость. Лишь ключ герцогини, который ей отдал король и который подходит ко всем дверям.

– Это я знаю, – герцог убрал ключ и сказал: – Ты свободен.

- Благодарю, Ваша Светлость.
- Надеюсь, ты не забыл, что я не люблю, когда кто-то, особенно вечером, без дела шатается по замку...
- Ваша Светлость, все слуги предупреждены и не выходят из своих комнат без вызова или приказа.
- Тебя это тоже касается.
- Я стараюсь, Ваша Светлость. Но сложно следить за порядком в замке, не покидая своих комнат.
- Рон, если тебе это сложно, я могу заменить тебя кем-нибудь более сообразительным, – раздраженно проговорил тот.
- Я все понял, Ваша Светлость, я буду очень стараться, – дворецкий снова низко склонился. – Вы позволите мне сейчас передать леди Гиз ответ герцогини?
- Я все скажу ей сам, – резко произнес герцог и, не дожидаясь ни ответа, ни ухода дворецкого, вышел из своих апартаментов и быстрым шагом удалился. По тому, куда он направился, Рон догадался, что герцог решил навестить своих дочерей, не дожидаясь завтрашнего дня, и передать леди Гиз ответ герцогини.

Герцог, отперев переход, прошел в крыло, отведенное его дочерям, и, рывком открыв дверь, вошел в комнаты леди Гиз. Та сидела за туалетным столиком с распущенными волосами. Испуганно обернувшись на звук распахиваемой двери, она поспешно встала и, чуть склонив голову, тихо произнесла:

- Я не ждала вас сегодня, Ваша Светлость. И очень надеюсь, что впредь, прежде чем войти, Вы предварительно хотя бы постучите.
- Считаете, что я должен стучаться, прежде чем войти куда-либо в своем собственном замке? Так вот, предупреждаю заранее: этого не будет! – резко ответил ей герцог. – И если Вас это шокирует, можете хоть сейчас убираться отсюда. А королю я передам, что опекунша, позволяющая себе вовремя не доложить о прибытии в замок, не может находиться на службе короля. Вы, леди, видимо, забыли, на каких условиях Вас прислал сюда король... Так мне нетрудно и напомнить! Кстати, сейчас у Вас последняя возможность покинуть этот замок, больше я не буду предлагать Вам покинуть его... а если Вы еще хоть раз позволите себе что-то подобное или будете разговаривать со мной в таком тоне, то я прикажу стражникам наказать Вас, причем так, чтоб даже мысли о возможности подобного поведения навсегда исчезли из Вашей головы.
- Ваша Светлость, – леди Гиз потрясенно воззрилась на герцога, – Вы говорите это мне?
- А кому же еще? По-моему, кроме нас двоих в комнате больше никого нет.
- Вы действительно осмелитесь велеть наказать меня, Ваша Светлость?
- Действительно. И чтобы это не было для Вас неожиданностью, предупреждаю заранее, – произнес он тоном, не терпящим возражения. – Поэтому если Вы намерены еще хоть раз позволить себе что-то в этом роде, Вам следует покинуть замок.
- Ваша Светлость, – леди Гиз в изнеможении взялась рукой за стул, – позвольте мне сесть...
- Садитесь, – сухо кивнул герцог.
- Вы знаете, Ваша Светлость, – опускаясь на стул, проговорила она, – какие обстоятельства стали причиной моего появления здесь, как и то, что я не могу уехать... мне некуда уезжать.
- Это мне известно, – герцог усмехнулся. – Я не гоню Вас, Вы можете остаться. Однако если не хотите быть наказанной, постарайтесь больше не давать мне повода быть недовольным Вами.

– Я постараюсь, Ваша Светлость... – с трудом выговорила леди Гиз. Она явно старалась взять себя в руки и успокоиться, но это никак не удавалось ей. Губы ее тряслись, она с трудом дышала.

Внимательно посмотрев на нее, герцог подошел к столу, взял графин с водой и налил в стоящий рядом стакан. Потом взял стакан и протянул его взволнованной даме.

– Выпейте и успокойтесь, Розалинда. Я пока еще не отдал приказ о Вашем наказании, и если буду видеть, что Вы стараетесь, не отдам его и впредь...

– Благодарю, Ваша Светлость, – леди Гиз взяла стакан и судорожно приникла к нему.

Выпив воды, она почувствовала себя лучше. Отставив стакан, леди Гиз легким движением руки подобрала волосы, быстро, несколькими шпильками заколола, придав им вид небрежно уложенной прически, и поднялась:

– Ваша Светлость, я поняла, что недозволительно вела себя с Вами, и постараюсь, чтобы подобное не повторилось, – проговорила она, склонив голову.

– Прекрасно, Розалинда, – герцог удовлетворенно кивнул. – Я надеялся, что мы найдем общий язык. Сядьте, и пока окончательно не придете в себя, можете не вставать.

– Мне уже лучше, Ваша Светлость. Я постою.

– Как пожелаете, Розалинда, – герцог равнодушно пожал плечами.

– Вы хотели бы узнать что-то о дочерях, Ваша Светлость?

– Да, только вкратце.

– Они здоровы. Я заказала им из тех средств, что Вы выдали мне, платья наиболее приличных из того, что смогла найти в тех местах. Надеюсь, их доставят к завтрашнему дню. Сейчас я отправила Ваших дочерей спать. Они устали в дороге. Завтра я их подготовлю к встрече с герцогиней. Они, правда, пока еще плохо представляют себе правила придворного этикета, но я думаю, что сумею объяснить им, как должно вести себя с ней... и надеюсь, они произведут на нее благоприятное впечатление.

– Розалинда, я очень бы хотел, чтобы Вы свели это представление к минимуму и чтобы впредь юные леди имели как можно меньше возможностей для общения с герцогиней. Я не хочу, чтобы они хоть как-то досаждали ей... Поэтому постарайтесь сделать так, чтоб они не имели возможности выходить из этого крыла замка. Найдите им учителей, учите их чему-нибудь... я полностью полагаюсь в этом на Вас.

– Но девочкам такого возраста трудно целыми днями заниматься, Ваша Светлость, – растерянно произнесла та, – они вряд ли смогут.

– Заставьте!

– Но свежий воздух, Ваша Светлость... Он необходим детям в таком возрасте...

– Хорошо, можете выводить их гулять, но лишь тогда, когда герцогиня уедет из замка на прогулку или по делам и когда в замке нет гостей.

– Хорошо, Ваша Светлость... Я поняла, что моей главной задачей является свести к минимуму общение герцогини с Вашими дочерьми.

– Вы чрезвычайно понятливы, Розалинда. Если Вы сумеете добиться этого, я буду доволен.

– А если герцогиня сама будет настаивать на беседах с ними? Я могу ей отказать?

– Нет, конечно. Запомните: ее слово здесь – закон. Просите, уговаривайте, объясняйте, что девочки чем-то заняты, но отказывать не смейте. Храни Вас Бог, если она хоть раз пожалуется мне на Вас, что Вы не выполнили какое-нибудь ее требование или девочки чем-то досадили ей...

– Я поняла, Ваша Светлость, и постараюсь выполнить все Ваши указания.

– Что ж, леди Гиз, я удовлетворен нашей беседой. Завтра герцогиня сообщит Вам, когда сочтет нужным встретиться с юными леди.

Герцог распахнул дверь и удивленно замер на пороге. У противоположной стены коридора стояла Кэти, которая, как только увидела его, бросилась ему навстречу и, прижавшись, крепко обняла.

– Отец, я так рада...

Алекс Тревор холодно отстранил дочь от себя и, взяв ее за плечо, повернулся к стоявшей в глубине своей комнаты леди Гиз.

– Розалинда, Вы сказали мне, что отправили моих дочерей спать...

– Да, Ваша Светлость, я отвела леди в их комнаты и велела им ложиться.

– Значит, как я понимаю, Кэти, ты нарушила приказ вашей опекуни. Она не объяснила вам, что вы должны слушаться ее?

– Объяснила, отец, – Кэти растерянно смотрела на него, не понимая, чем вызвана такая его холодность и суровость в обращении с ней. Герцог и раньше не отличался особой нежностью по отношению к дочерям, но Кэти всегда чувствовала, что за скупыми фразами отца стоит сердечная забота о них и отеческая любовь. Сейчас же за ледяным тоном герцога угадывалось лишь плохо скрываемое раздражение, и только.

– Тогда почему ты здесь?

– Я услышала Ваши шаги, отец... я так долго ждала и так волновалась за Вас... – на глаза Кэти навернулись слезы.

– Ты нарушила правила поведения, которые здесь неукоснительно соблюдаются. Поэтому леди Гиз вправе наказать тебя так, как посчитает нужным, для того, чтобы больше это не повторилось. Надеюсь, это послужит тебе хорошим уроком, и впредь ты будешь послушна.

Герцог подтолкнул испуганную дочь в комнату леди Гиз и добавил, обращаясь к той: – Я надеюсь, Вы догадываетесь, Розалинда, что чем жестче Вы накажете эту своевольную юную леди сейчас, тем менее вероятно, что Вам придется это делать регулярно в будущем.

Леди Гиз успела лишь кивнуть, прежде чем герцог стремительно вышел. Катарина, оставшаяся стоять посреди комнаты, прижала руки к лицу и заплакала.

Розалинда Гиз несколько минут растерянно молчала, а потом, достав из комода большой носовой платок, решительно шагнула к плачущей Катарине.

– Вот что, юная леди, – сурово сказала она, – сумели провиниться, умеете достойно и отвечать за свои проступки. Надо уметь выглядеть должным образом в любых обстоятельствах.

Она насильно вложила платок в ее руки. Потом налила в стакан воду и протянула Кэти:

– Выпейте, леди Катарина, это поможет Вам успокоиться.

Та, отерев платком слезы, послушно взяла стакан и выпила воду.

– Ну вот, уже лучше... – с сочувствием посмотрела на нее леди Гиз и спросила, – Герцог когда-нибудь раньше наказывал Вас?

– Нет... – Кэти потупила взгляд, – никто и никогда не наказывал ни меня, ни сестер...

– Что ж, все когда-нибудь происходит впервые... – философски заметила леди Гиз, – Пойдемте, юная леди, как Вы, надеюсь, понимаете, я не могу ослушаться приказа герцога.

И она вывела из своей комнаты покорно склонившую голову Кэти.

На следующий день леди Гиз с раннего утра наставляла своих воспитанниц, готовя их к встрече с герцогиней.

Она прежде не была знакома с герцогиней и видела ту лишь мельком, однако много слышала о ней. Участие короля в судьбе несчастной кузины, которая, покоровшись его воле, покинула монастырь, где воспитывалась и вышла замуж, как оказалось, за заговорщика, которого король сам же вскоре приказал казнить, будоражила весь двор.

То, что король тут же нашел ей нового супруга и осыпал его благодеяниями, многие воспринимали как факт, доказывающий, что король сам равнодушен к своей кузине, и видели в ней новую фаворитку короля. Однако то, что ее супругом стал герцог Тревор, столь ревностно

охранявший честь своей покойной жены, что ради этого пожертвовал своим положением при дворе, заставлял в этом усомниться. К тому же слухи, подтвержденные самим королем, что именно Алекс Тревор помог раскрыть заговор, возглавляемый первым супругом герцогини, давали пищу разговорам, что как раз герцог Тревор подстроил все так, чтоб кухня короля стала его законной супругой.

Все спорили, что скрывается за всей этой историей. Ни у кого не вызывало сомнения лишь то, что в любом случае появившаяся при дворе кухня короля имеет на того очень большое влияние, и что ее интересы, так же как и интересы вновь приближенного ко двору герцога Тревора король блюдет с особой тщательностью. И с этим теперь необходимо считаться.

Поэтому леди Гиз очень старалась, чтобы дочери герцога Тревора произвели на герцогиню впечатление воспитанных, послушных, образованных и тихих особ, про которых в соответствии с желанием герцога можно забыть и не вспоминать.

Девочки, к ее большой радости, все утро были послушны и покладисты, они старательно делали и повторяли все, что она им велела. Младшие потому, что очень хотели понравиться новой супруге своего отца, а Кэти после вчерашнего наказания была настолько подавлена, что даже глаз не поднимала.

Но даже, несмотря на столь тщательную подготовку, когда ближе к вечеру пришел дворецкий и объявил, что герцогиня просит их прийти, у Розалинды Гиз от волнения заалели щеки. Однако, не показывая вида, что хоть немного взволнована, она приказала старшим девочкам взяться за руки, сама взяла за руку Луизу и повела дочерей герцога в приемный зал.

Герцогиня встретила их, стоя посреди зала для приема гостей. Девочки, как их научили, поспешно присели в низком реверансе, склонили головы и прошебетали: "Добрый день, Ваша Светлость". Леди Гиз, довольная поведением своих воспитанниц, тоже склонила голову: "Рада приветствовать Вас, Ваша Светлость".

Она ожидала от юной герцогини стандартного приветствия и безразличного вопроса по поводу того, как они доехали и очень ли устали в дороге, но этого не произошло.

Герцогиня внимательно посмотрела на дочерей своего супруга и лучезарно улыбнулась им. Она заметила, что девочки были очень привлекательными: светловолосыми и с тонкими чертами лица. А так как герцог был темноволос и черты его лица утонченностью не отличались и были скорее грубыми, то было ясно, что девочки, видимо, унаследовали внешность своей покойной матери. Все трое были бы очень похожи, если бы не волосы. Волосы двух старших дочерей были тяжелые и прямые, а у младшей нежными волнами струились по плечам и очаровательными локонами обрамляли лицо. Она понравилась герцогине больше всех, и, шагнув к ней навстречу, Алина Тодд склонилась к девочке:

– Как тебя зовут, моя радость?

– Луиза, – улыбнулась в ответ та.

– Какое замечательное имя, я всегда мечтала, чтобы какую-нибудь из моих подруг звали Луиза. Может быть, ты согласишься со мной дружить? Тогда бы ты исполнила мою мечту... – в глазах герцогини заплясали озорные огоньки, – Если согласна, давай свою руку.

– Конечно, Ваша Светлость, – Луиза осторожно высвободив руку из руки не посмевшей ее удерживать леди Гиз, протянула ее герцогине.

– Алина, просто Алина. Ты же согласилась быть моим другом. А друзья зовут друг друга просто по имени. Ну-ка повтори, как ты будешь меня звать.

– Алина, – восторженно глядя на нее, весело произнесла малышка.

– Может быть, твои сестры тоже захотят со мной дружить? – не переставая лучезарно улыбаться, герцогиня взглянула на державшихся за руки старших сестер Тревор.

– Конечно, – радостно проговорила Луиза и, шагнув к средней сестре, потянула ее за руку ближе к ней, – Это Мария и Катарина. Они очень хорошие. Они тоже захотят дружить с Вами. Ведь правда? – она взглянула сестрам в глаза и, споткнувшись о холодный и мрачный взгляд Кэти, подавленно добавила: – но лучше спросите их сами.

– Конечно, спрощу... – любезно кивнула герцогиня и выпрямилась.

Леди Гиз поняла, что она несомненно заметила этот обмен взглядами и перемену настроения Луизы. Однако ничего предпринять не успела.

Мельком взглянув на нее, герцогиня проронила: – Оставьте нас и подождите в холле, я пошлю за Вами позднее.

После этого она повернулась к Марии: – У тебя не менее чудесное имя, чем у сестры, и улыбаешься ты тоже чудесно. А что ты еще умеешь? Читать умеешь?

Лучезарная улыбка по-прежнему озаряла лицо герцогини. Что ответила Мария, леди Гиз уже не слышала. Повинуясь отданному распоряжению, она вышла за дверь. Однако ждать в холле она не стала и быстро направилась к дворецкому:

– Рон, проводи меня к герцогу.

– Он разве звал Вас, леди Гиз? – удивился тот. – Он гневается, если кто-то приходит к нему без вызова.

– Нет, он не звал меня, но я думаю, он разгневется еще больше, если ты сейчас же не проводишь меня к нему.

– Да, леди Гиз, – сказал дворецкий и провел Розалинду Гиз к апартаментам герцога.

Там он постучал, вошел, чтобы доложить, после чего распахнул перед ней дверь: – Герцог ждет Вас, леди Гиз.

Леди Гиз вошла и, дождавшись, чтобы Рон закрыл дверь, приблизилась к сидевшему в кресле герцогу и опустилась перед ним на колени:

– Ваша Светлость, если Вы сейчас же не вмешаетесь, я не смогу выполнить Ваше требование.

– Что случилось, Розалинда?

– Герцогиня очень старается расположить девочек к себе. Она велела мне ждать в холле. Но даже то, что я видела, достаточно, чтобы понять: и Луиза, и Мария в восторге от Вашей супруги, Ваша Светлость. Лишь Катарина еще не попала под ее обаяние, да и то лишь потому, что вчера Вы были очень холодны с ней и приказали мне наказать ее, и она несомненно винит в этом герцогиню, – леди Гиз пристально посмотрела на герцога.

Герцог Тревор стремительно поднялся:

– Я рад, что не ошибся, оставляя на Вас попечение о моих дочерях, Розалинда... Теперь я уверен, что Вы умеете понимать все без лишних слов. Пойдемте, нарушим их уединение.

Розалинда шла следом за герцогом и радовалась, что догадалась доложить о происшедшем ему. Она не знала, почему для него столь важно изолировать своих дочерей от своей супруги, но ему для чего-то это было нужно, и она была готова в этом ему помочь. Она всегда предпочитала занимать сторону сильного, а сейчас в замке Телдом сильным и строго следящим за порядком хозяином был именно герцог.

Войдя в зал без стука, герцог почтительно склонил голову:

– Миледи.

Герцогиня сидела на одной из мягких кушеток, которые стояли вдоль стен зала, возле нее сидела Мария, а на ее коленях Луиза. Они рассматривали какую-то большую книгу, которую герцогиня держала в руках, и, улыбаясь, что-то тихо обсуждали. Рядом с ними стояла Катарина и исподлобья наблюдала за ними.

– Я чрезвычайно рад видеть Вас как в добром здравии, так и в таком замечательном расположении духа, – глядя на улыбающуюся супругу, продолжил герцог.

– Мы также счастливы видеть Вас, милорд, – поворачиваясь к нему, ответила она.

Ни от леди Гиз, вошедшей следом за герцогом, ни от Кэти, стоявшей с герцогиней рядом, не укрылось то, что улыбка на ее лице при виде герцога тут же померкла, а глаза, в которых еще минуту назад прыгали веселые, задорные огоньки, заледенели.

Увидев отца, Луиза спрыгнула с колен герцогини и с криком "Папочка!" метнулась к нему. Однако герцог резким жестом вытянутой рукой остановил ее, не дав даже приблизиться к себе. Потом, кивком подозвав к себе леди Гиз, указал ей на дочь, и, дождавшись, чтобы та отвела ее в сторону, с легкой улыбкой проговорил:

– Мне бы очень хотелось узнать, миледи, почему Вы отбираете хлеб насущный у того, кому он должен принадлежать по воле короля?

– Что Вы имеете в виду, герцог? – вставая, проговорила герцогиня ледяным тоном.

– Вы отбираете работу у той, кому ее даровал сам король. У нашей несравненной леди Гиз. Мало того, Вы даже лишили ее возможности наблюдать за поведением ее подопечных... А оно, как оказывается, – герцог кивнул в сторону притихшей Луизы, которую крепко держала за руку леди Гиз, – оставляет желать много лучшего. Как же она может после этого нести за них ответственность, как перед нами, так и перед королем?

– Так Вы об этом... Хорошо, герцог... пусть она присутствует, я не против... А что до Луизы, так она ребенок, ее поведение естественно. Она давно Вас не видела, она обрадовалась. Чем Вы недовольны? У Вас замечательные дочери, герцог.

– Существуют правила поведения, и семь лет – это не тот возраст, герцогиня, когда эти правила невозможно понять. Поэтому я очень надеюсь, что леди Гиз удастся внушить эти правила всем моим дочерям. Если, конечно, Вы не вмешаетесь и не поставите себе задачей вырастить из моих дочерей особ, не имеющих даже элементарных понятий о придворном этикете.

– Я поняла... и постараюсь учесть... все эти... претензии... – герцогиня медленно опустилась обратно на кушетку рядом с испуганно притихшей Марией. Казалось, что она роняет не слова, а из ее рта падают маленькие льдинки, от которых веет холодом и стужей.

– Ваша Светлость, заметьте, что Вы нарушили весь распорядок дня моих дочерей, – герцог не сводил с нее пристального взгляда. – Они пропустили часть запланированных на сегодня занятий и пропустят еще больше, если Вы не соизволите их отпустить.

Герцогиня глубоко вздохнула, помолчала немного, а потом на удивление спокойным и размеренным голосом проговорила:

– Хорошо, милорд... я больше не буду нарушать распорядок дня Ваших дочерей и не буду мешать леди Гиз заниматься с ними и следить за их поведением, раз Вы на этом настаиваете. Но я хочу, чтобы они обедали и ужинали с нами... надеюсь, это не скажется на их распорядке дня.

– Я не возражаю, Ваша Светлость, но только в тех случаях, когда в замке нет гостей, – ответил герцог, – их присутствие во время приемов гостей недопустимо.

– Да, конечно... с этим я согласна.

– Да неужели, моя дорогая? – герцог шагнул к супруге и, нежно взяв ее руку, поднес к губам. – По-моему, это впервые, когда наши мнения совпали, и Вы сразу согласились со мной... Вы прекрасно знаете, что все, что я предпринимаю, продиктовано лишь заботой об их и Вашем благе.

– Да, конечно... кто б сомневался... – проговорила герцогиня, вложив в эти слова столько злой иронии, что леди Гиз даже стало немного не по себе.

– Что ж не буду больше мешать и отвлекать Ваших дочерей, милорд, – продолжила герцогиня, вставая и направляясь к дверям, потом обернулась и, грустно улыбнувшись, добавила: – Было очень приятно познакомиться с вами, милые леди, надеюсь увидеться с вами за ужином, – после чего вышла.

Леди Гиз потрясенно застыла на месте: все происходящее было даже для нее, достаточно легко ориентирующейся в хитросплетениях дворцовой жизни, непонятно. Представление герцогине дочерей герцога каким-то необъяснимым образом вскрыло явно очень серьезное противостояние супругов, о котором она раньше даже не догадывалась. Из попыток разобраться в том, чему она оказалась свидетельницей, ее вывел мрачный голос герцога:

– Розалинда, отведите девочек к себе и постарайтесь выучить с ними к ужину хотя бы простенькую молитву. Герцогиня очень набожна и вряд ли спокойно воспримет, что мои дочери не знают ни одной молитвы.

– Ваши дочери не знают ни одной молитвы? – удивленно переспросила леди Гиз.

– Да, Розалинда. У них очень долго не было матери, которая могла бы их им научить, – жестко ответил герцог и, не прощаясь, вышел из зала.

– Так, юные леди, – бодро сказала леди Гиз, которая умела не терять присутствия духа и в более сложных ситуациях. – Будем считать, что знакомство с герцогиней прошло удачно. Теперь мы должны вернуться к себе и постараться выучить хотя бы молитву "Отче наш".

– Мы знаем ее, – тихо сжав ей руку, сказала Луиза, – нас Кэти, то есть Катарина научила... Мы всегда ее перед сном читали, – а потом еще тише спросила: – А Алине теперь совсем-совсем с нами разговаривать будет нельзя?

– Что за обращение, Луиза? Если бы Вас слышал Ваш отец... – леди Гиз сокрушенно покачала головой. – Я понимаю, герцогиня разрешила Вам так к ней обращаться, но так называть ее – это верх неприличия. Вы должны называть ее Ваша Светлость. И почему совсем? Вы же слышали, что теперь будете обедать и ужинать вместе с герцогом и герцогиней, если в замке не будет гостей.

– Но ведь за едой не говорят... Вы сами говорили, леди Розалинда... Когда же она разговаривать с нами будет? Вы даже не представляете, как с ней интересно беседовать...

– О беседах я ничего не могу Вам сказать, Луиза. Зато твердо знаю, если мы сейчас же не отправимся к себе, Ваш отец будет очень недоволен и вами, и мной. Поэтому давайте поторопимся, милые леди.

Начало ужина прошло на удивление в очень спокойной атмосфере. Герцогиня умиленно выслушала, стоя рядом с герцогом, чтение "Отче наш" в исполнении его дочерей и явно осталась довольна. Во время еды она почти все время ласково улыбалась девочкам, не делала замечаний, а наоборот, старалась найти, за что похвалить, и часто говорила им комплименты. Было видно, что младшие девочки просто счастливы и изо всех сил стараются угодить ей.

Что совсем нельзя было сказать про Катарину, которая напоминала больше нахохлившуюся птичку, чем юную леди ее лет. Однако герцогиня, будто не замечала ее насупленного вида. Напротив, как только та во время еды чуть распрямилась, она похвалила ее осанку, сказав, что если Катарина будет всегда так держать себя, то недостатка в женихах у нее точно не будет.

На что старшая дочь герцога еще больше нахмурилась и согнулась так, что леди Гиз, сидевшая с ней рядом, была уже готова строго сделать ей замечание, но, столкнувшись с взглядом герцогини, неотрывно смотревшей прямо на нее, промолчала. После чего герцогиня, чуть заметно кивнув, отвела взгляд.

Однако тут не сдержался герцог.

– Катарина, – жестко произнес он, – сядь прямо и перестань хмуриться.

Искоса взглянув на отца, Катарина, немного выпрямилась, но через пару минут вновь согнулась над тарелкой.

– Катарина, – грозно сказал герцог, – Если ты не желаешь должным образом сидеть за столом, ты будешь стоять весь ужин.

– Милорд, если только Вы заставите ее встать из-за такого пустяка, я встану вместе с ней, – герцогиня мрачно посмотрела на супруга.

Герцог хотел ей что-то ответить, но не успел, потому что Катарина поднялась из-за стола и очень отчетливо произнесла:

– Я действительно не хочу сидеть за столом, отец, и лучше постою.

– Это как понимать? – герцог грохнул кулаком по столу. – Ты что себе позволяешь? Это по какой, позволь узнать, причине ты не хочешь сидеть с нами за одним столом? А? – он рывком поднялся из-за стола, отшвырнув стул, и шагнул к дочери.

– Милорд, прекратите! Прекратите сейчас же! – герцогиня вскочила, в глазах ее полыхнул мрачный огонь, и она перешла на латынь.

Леди Гиз латыни не знала, но видела, как длинная фраза, высказанная герцогу герцогиней, моментально сбила с него весь пыл и привела его в явное замешательство, но он сумел быстро взять себя в руки и ровным голосом произнес:

– Леди Розалинда, сейчас же отведите леди Катарину в ее покои. Ее поведение мы обсудим позже. А леди Луизу и леди Марию я после ужина провожу сам.

По изумленно распахнувшимся глазам стоявшей рядом с ней Катарины, леди Гиз догадалась, что для той, в отличие от нее, слова, сказанные герцогиней, непонятны не были.

Взяв ее за руку, леди Гиз быстро вывела ее из обеденной залы и отвела в ее комнату. Оказавшись там, Кэти как-то вся испуганно сжалась и тихо спросила:

– Вы сейчас накажете меня или будете ждать отца?

– Конечно, буду ждать герцога, он не велел мне Вас наказывать... Хотя что скрывать, вели Вы себя очень скверно и наказание явно заслужили.

– Леди Розалинда, пожалуйста, не надо ждать его прихода, накажите меня сами... – Кэти с мольбой взглянула в глаза опекунке.

– Это отчего же, позвольте Вас спросить, Вы так боитесь его прихода?

– Я не могу сказать... это... это их тайна...

– Милая леди, о тайнах так открыто не говорят. Когда-то я учила латынь, и если сейчас возьму словарь и переведу десяток слов, то сама соображу, что сказала герцогиня Вашему отцу. Мне просто не хотелось искать словарь.

Леди Гиз знала, что Кэти по сути еще неискушенный ребенок, и была уверена, что она ей поверит.

Я не совсем точно поняла, – пролепетала та, – но герцогиня сказала отцу, что-то вроде того, что он уже раз применил право и силу в их первую брачную ночь, так неужели ему мало этого и он хочет ее применять вновь и вновь, чтобы совсем разрушить все, что есть вокруг него... или, может быть, не хочет, а будет применять, потому что хочет все разрушить... там очень сложные обороты она использовала, поэтому за точность перевода я не поручусь, но смысл был примерно такой.

– Ваш отец знает, что Вы понимаете латынь?

– Разумеется, он сам учил меня...

– Тогда все, конечно, хуже... но нос вешать не стоит, вряд ли Ваш отец, милая леди, решит сегодня Вас наказывать, или я ничего не смыслю в мужчинах... Вот только что дальше будет, непонятно... опять же вряд ли он спустит Вам это с рук... ну да поживем, увидим.

– Леди Розалинда, а что значит применить право и силу в брачную ночь?

– В данном случае это может значить только одно: то, что даже после свадьбы герцогиня не стремилась к близким отношениям с Вашим отцом.

– А почему герцогиня не стремилась к ним?

– Видимо, не по любви она вышла замуж за Вашего отца, леди. А Ваш отец воспользовался своим правом супруга и тем, что он сильнее и получил то, что хотел. Теперь-то я понимаю, почему он выгнал из замка всех слуг в их первую брачную ночь и почему на следующий

день был беспробудно пьян, а Ее Светлость грустна и печальна, – вслух вспоминала леди Гиз рассказы слуг замка, проясняя ситуацию больше даже для себя, чем для своей воспитанницы. – Значит, Ее Светлость до сих пор не может ему этого простить, хотя, как истинная христианка, была бы должна... Ну да то дело не для наших голов.

– Зачем же она согласилась выходить за моего отца, раз не хотела никаких близких отношений с ним и не любила его?

– Это, моя дорогая, было решение короля, а с королем не спорят. Он решил выдать замуж свою кузину, она же его кузина, я уже говорила Вам это, за Вашего отца в благодарность, что он помог раскрыть заговор и спас ему жизнь.

– А какой заговор мой отец помог раскрыть королю? И что такое заговор?

– Заговор – это когда несколько человек тайно договариваются о чем-то. Так вот, первый муж Ее Светлости тайно договорился с другими заговорщиками убить короля. А ваш отец узнал об этом и предупредил короля. Герцога Риттенберга, первого супруга герцогини, казнили, после чего король решил отдать его супругу, свою кузину, в жены Вашему отцу.

– А зачем он так решил?

– Ну, наверное, отец Ваш попросил. Король спросил, чем его наградить за заслуги, он и попросил...

– А зачем попросил?

– Наверное, потому что полюбил.

– Это ужасно, леди Розалинда... Как мы будем жить? Получается, что теперь отец совсем не любит нас, а любит только ее, а она совсем не любит его... Наша жизнь будет похожа на кошмар, леди Розалинда.

– Насчет нашей жизни не знаю... – леди Гиз иронично усмехнулась. – А вот Ваша жизнь, моя юная леди, точно будет нелегкой, если Вы в ближайшее время не измените своего поведения и не научитесь подчиняться как желаниям Вашего отца, так и желаниям герцогини. Запомните: если изменить что-то Вы не в силах, то это необходимо принять, как данность.

– Нет! Нет! – Кэти бросилась на кровать и, уткнувшись в подушки, зарыдала. – Он не мог разлюбить нас... не мог... ведь мы любим его, а ей он совсем не нужен... она не любит его... Неужели он это не видит?

Леди Розалинда вначале хотела жестко потребовать, чтобы Кэти немедленно прекратила истерику, а потом решила, что девочке не помешает выплакаться, и тихо вышла, закрыв за собой дверь, а потом, для верности даже заперла ее на ключ.

Она направлялась к своим комнатам, когда в коридоре появился герцог Тревор, который вел за руки двух младших дочерей. Увидев ее, герцог остановился и сурово приказал дочерям:

– Быстро идите в свои комнаты и ждите там леди Розалинду.

Девочки, испуганно глядя на отца, почтительно склонились перед ним и скрылись каждая в своей комнате.

– Леди Розалинда, нам надо поговорить, – обернулся к ней герцог. – Лучше в Вашей комнате.

– Как Вам будет угодно, Ваша Светлость, – леди Гиз провела герцога в свою комнату и плотно закрыла дверь.

– Розалинда, леди Катарина сказала Вам, что поняла из фразы герцогини? – мрачно глядя ей прямо в глаза, спросил герцог.

– Да, Ваша Светлость, – леди Гиз решила не лгать, чувствуя, что даже небольшое лукавство герцогу в таком щепетильном вопросе может стоить ей очень дорого, – Ваша дочь поняла, что Вы воспользовались своим правом и силой в Вашу первую брачную ночь с герцогиней, и герцогиня спросила Вас намерены ли Вы и дальше использовать их до тех пор пока не разрушите все вокруг.

– Дьявол, – выругался герцог и стукнул кулаком по стене, а потом, шагнув к окну, отвернулся, схватившись рукой за широкую оконную раму. Он с трудом скрыл, как обрадовался этим словам Розалинды. Идя сюда, он как раз на это и надеялся. Надеялся, что Кэти именно так и поймет фразу, произнесенную герцогиней.

Сжимая до побелевших пальцев оконную раму, он мрачно проронил:

– Иногда оказывается что, то, чему научил детей совсем им и некстати... В общем, мне бы очень хотелось, леди Розалинда, чтобы то, что Вы узнали... о том, что я был... – герцог ненадолго замялся, словно подыскивая слово, и продолжил: – что был не очень обходителен с Ее Светлостью в нашу первую брачную ночь, не оказалось бы достоянием гласности...

– Ваша Светлость, я буду нема, как рыба, – заверила герцога леди Гиз, преданно глядя ему в глаза.

Однако тот ни на секунду не поверил в искренность подобного заявления, зная, как эта немолодая сплетница обожала оказываться обладательницей всякого рода тайн, которые тут же после этого переставали быть тайнами вообще. Но именно на это у герцога и был расчет.

– Я верю Вам, Розалинда... – герцог отошел от окна и стал нервно расхаживать по комнате. – Герцогиня, как видите, до сих пор не может простить мне этого... – продолжил он. – Хотя, конечно... я признаю, что немного перебрал и настаивал на своих разнообразных желаниях не слишком учтиво... Но дело-то прошлое... и я надеюсь, Ее Светлость со временем забудет об этом... и мне совсем не хотелось бы, чтобы сейчас все это стало известно при дворе. Король и так уже дал мне понять, что я слишком грубо обошелся с его кухней... если же теперь поползут слухи... его это разозлит еще больше.

– Ее Светлость жаловалась на Вас королю? – глаза леди Гиз заблестели от восторга, что она узнала столь конфиденциальную информацию.

– Конечно... моя супруга с ее строгим, почти монашеским воспитанием никак не могла безропотно снести подобное. Поэтому она приложила максимум стараний, чтобы я раскаялся в своем столь неосмотрительном поведении, и ей это, надо признать, замечательно удалось... А сейчас еще эта выходка моей старшей дочери... – суровое лицо герцога исказила гримаса явного недовольства, и он тоном, нетерпящим возражений, продолжил: – Отныне леди Катарина больше не будет с нами ни обедать, ни ужинать. За младшими девочками будет приходиться Рон, если герцогиня захочет их видеть... А Катарина, чтоб не выходила никуда... я не желаю ее видеть.

– Мне наказать ее?

– Сами решайте, Розалинда. Я думаю Вам виднее, как заставить мою дочь повиноваться, – герцог раздраженно повел плечами. – В общем, я даю Вам полную свободу действий, девочка должна стать покорной и послушной.

– Хорошо, Ваша Светлость, я постараюсь, – леди Гиз склонила голову.

– Итак, я надеюсь на Вас, – проговорил герцог и стремительно удалился.

Отперев дверь комнаты Кэти, леди Гиз вошла и с удовлетворением заметила, что та уже успокоилась и больше не плачет. Более того, увидев, что она вошла, Кэти тут же встала с кровати и, чуть присев, склонила голову:

– Леди Розалинда.

– Я рада, что Вы самостоятельно сумели успокоиться, леди Катарина, – кивнула она ей в ответ.

– Отец разговаривал с Вами?

– Да.

– Что он сказал? – Катарина со страхом взглянула на опекуницу.

– Ничего особенного... – повела плечом та, – кроме того, что Вам запрещено покидать это крыло замка до тех пор, пока Вы не научитесь себя прилично вести, – она немного помол-

чала, а потом продолжила: – Наказывать сегодня я Вас не буду. Однако в дальнейшем любое Ваше своеволие я буду строго пресекать.

– А мне совсем нельзя выходить? Даже во двор? – удивленно переспросила Кэти.

– К сожалению, да. Это непереносимое требование герцога.

– А я могу поговорить с ним? Я хочу извиниться...

– Мне не хотелось бы Вас огорчать, леди, но я вынуждена отказать Вам, потому что общаться с Вами герцог не желает.

– Но ведь тогда получается, что я буду здесь как заключенная... – подавленно проговорила Кэти, в ее глазах вновь заблестели слезы.

– А Вы что хотели, моя дорогая, надерзить герцогу и герцогине и чтобы это сошло Вам с рук?

– А если я буду слушаться? И все-все выполнять? Тогда он простит меня?

Во взгляде Катарины, обращенном на леди Гиз было столько мольбы, что та невольно растрогалась.

– Надеюсь, увидев, что Вы стали послушны, он изменит свое решение, – проговорила она, желая ободрить расстроенную девочку, и помолчав немного, добавила: – Я, по крайней мере, обязательно буду просить его об этом.

– Я буду очень стараться, – пообещала Кэти.

3

Кэти стремясь загладить свою вину перед отцом, поначалу прилежно выполняла все требования и задания леди Гиз, пытаясь показать, что стала очень послушной. Однако время шло, а герцог старательно избегал любых встреч с ней. И постепенно Кэти стало овладевать отчаяние. Ей начало казаться, что отец уже больше никогда не захочет видеть ее. Ведь даже младшие сестры общались с ним, да и с герцогиней теперь достаточно редко.

Герцог стал часто уезжать в столицу, возвращался из которой, чаще всего вместе с королем, и торжественные приемы в замке следовали один за другим. Король навещал замок Телдом с завидной регулярностью. Не проходило и трех дней, чтобы кавалькада разряженных дворян не появлялась в замке. Вскоре установилось даже что-то вроде расписания. По понедельникам и средам король со свитой охотились в замке и уезжали лишь поздним вечером. По пятницам же герцог устраивал для короля торжественный ужин с танцами и иными развлечениями, покидали который гости уже в субботу ближе к обеду, а нередко и после него.

И Кэти, и сестры могли только из окон наблюдать за изысканно одетыми придворными, въезжающими или уезжающими из замка, а также деловито снующими слугами. Шум въезжающих экипажей, стук копыт гарцующих верховых лошадей, громкие голоса гостей во дворе и веселая музыка, доносившаяся порой из раскрытых окон парадных зал замка, манили девочек, и они припадали к окнам, надеясь, хотя бы мельком увидеть в этой оживленной суете знакомую фигуру отца, герцогини или даже самого короля. Больше они никого не знали, потому что осмелились лишь про короля спросить у леди Гиз, которая не поощряла подобное любопытство своих воспитанниц и, старалась всячески пресечь его. В дни приезда гостей она запрещала им подходить к окнам и нагружала их заданиями и уроками особенно усердно. Однако, как только она уходила, чтобы, воспользовавшись каким-нибудь предлогом, самой пообщаться с гостями, девочки, не смотря на задания и запреты, вновь приникали к окнам, развлекаясь тем, что обсуждали наряды незнакомых им людей.

Как-то во вторник, когда в замке гостей не ждал никто, леди Гиз уехала в столицу. Ей надо было сделать покупки, выбрать новые наряды девочкам, и переговорить с очередной кандидаткой на роль их учительницы.

Однако не прошло и часа, как она уехала, и во двор въехала кавалькада придворных во главе с королем и герцогом в костюмах для охоты.

Сестры Тревор, сидевшие в игровой зале на втором этаже тут же приникли к окнам.

– Охотиться приехали... сейчас наверняка Алину дождутся и в лес поскачут... – Луиза, чтобы лучше видеть забралась на стул, который придвинула к окну, и заморожено наблюдала за приехавшими.

– Луиза, точно... смотри, белого жеребца для Алины повели... Жаль отсюда не видно, как она садиться будет, – Мария потянула за руку младшую сестру.

– Интересно, какое на ней в этот раз платье будет, голубое или сиреневое? Мне больше голубое нравится, оно так переливается красиво. Особенно когда она скачет... Я вырасту и тоже научусь так скакать, как она...

– И совсем она некрасиво скачет, – пожалала плечами Кэти.

Ее раздражала восторженное отношение сестер к супруге отца. Ей не нравилось в ней ничего.

– Вон та, светловолосая леди, что рядом с королем, намного лучше в седле держится, – добавила она.

– Не лучше! Ничуть не лучше! Алина лучше всех скачет. Ты ничего не понимаешь, – Луиза капризно наморщила носик. – Ты просто Алину не любишь... я знаю.

– Конечно, конечно... Алина самая лучшая, ты ее теперь больше всех любишь, даже больше отца да и меня тоже... – Кэти с усмешкой посмотрела на младшую сестру.

– Нет не больше! Я вас всех люблю. А она между прочим ничего плохого тебе не сделала... За что ты ее терпеть не можешь?

– Она отняла у нас отца, из-за нее он теперь не любит нас! – Кэти сама не знала, отчего вдруг у нее вырвалась эта фраза, что уже долгое время сидела занозой в сердце.

– Неправда! – Луиза гневно обернулась к ней. – Отец любит нас! Любит! Он просто очень занят, но он любит нас! Это тебя он не хочет видеть, потому что ты грубишь.

– Ты глупая еще и ничего не понимаешь... – В Кэти как будто что-то прорвалось, и она начала выговаривать сестре то, что мучило ее саму все это долгое время. – Мы не нужны ему... он запер нас здесь, чтоб мы не мешались. Он ждет, когда у его несравненной Алины ребенок появится, и вот тогда он выгонит нас совсем! Или в монастырь какой отдаст, чтоб мы там все поумирили... Вы думаете, лишь я им не нужна? Да вы им тоже не нужны... Вот случись что с вами, думаешь хоть кто-то из них огорчится? Да и отец, и Алина ваша распрекрасная лишь обрадуются... Я-то знаю.

– Ты все врешь! Врешь! Ты все выдумываешь! Ты ничего такого не знаешь! – выкрикнула Луиза и схватила Кэти за плечи.

– Сама ты ничего не знаешь! – ответила та и резко оттолкнула от себя сестру.

Луиза покачнувшись на стуле и, не удержавшись, упала прямо на окно. Стекло со звоном разбилось и Луиза, хрипло вскрикнув, выпала во двор.

Испуганно закричав, старшие сестры высунулись из разбитого окна. Они увидели, как к лежавшей на небольшом травянистом газоне Луизе, соскочив с белоснежного жеребца, метнулась герцогиня и, опустившись перед ней на колени, приподняла, ощупывая со всех сторон и осматривая.

"За врачом, надо послать за врачом" – раздались крики, а потом громкий приказ герцога, послать кого-то из слуг срочно за доктором Вертором.

Луиза заплакала, и герцогиня тут же, обхватив ее руками, совсем склонилась над ней, тихо шепча:

– Скажи, радость моя, где болит? Спина болит? Двигаться больно? Шевелиться можешь?

– Руки болят и плечо очень... – сквозь слезы проговорила та.

– Это ничего... это ты порезалась сильно... это все заживет, моя радость... Главное, чтоб ты не сломала ничего... Слава Богу, что ты на газон, а не на вымощенный камнями двор упала.

Голубое, переливающееся платье герцогини окрасилось кровью, которая струилась с порезанных рук и плеч Луизы, но Алина Тодд не обращала на это никакого внимания. Вокруг столпились люди, к герцогине подошел герцог и тихо спросил:

– Она ничего не повредила? Поднять ее можно?

– Похоже, что все обошлось, милорд... Возьмите ее на руки, только осторожно, ее нужно в спальню мою отнести, я ее там раздену и еще раз осмотрю до приезда врача.

Герцог подхватил Луизу на руки и пошел к главному входу, а герцогиня обернулась к слугам:

– Ко мне в спальню принесите теплой воды, полотенца, спирт, бинты.

Несколько человек бросились выполнять приказание.

Герцогиня, удовлетворенно кивнув, подошла к стоявшему неподалеку королю. Ничуть не смущаясь своего перепачканного в земле и залитого кровью платья, она заглянула ему в глаза, а потом, чуть склонив голову, попросила:

– Мой государь, я была бы очень признательна Вам, если бы Вы позволили мне и герцогу остаться, и поехали охотиться без нас.

– Алина, когда ты так просишь, отказать тебе невозможно... Я конечно не в восторге... ты знаешь, как я ценю твое присутствие, но я смирюсь... Оставайся. Я лишь надеюсь, что к моему приезду герцог сумеет разобраться с тем, что произошло, и доложит мне, кто в этом виновен.

– Я отпустила опекуншу, Ваше Величество. Так что это лишь моя вина, я не ждала вас...

– Алина, – король нежно взял ее за плечо, – твоей вины здесь быть не может. Моя кузина не может быть виновна. К тому же я с самого начала требовал от герцога, чтобы на тебя не легла забота о его детях. Поэтому передай супругу, пусть он найдет того, кто действительно виновен.

– Ваше Величество... это ребенок, и я оставила ее без присмотра... я отпустила их опекуншу, понадеявшись, что девочки достаточно взрослые и самостоятельные... именно я. Как оказалось, я переоценила их возможности, без нее девочка заигралась, не удержалась, упала... Кроме меня здесь винить некого.

– Алина, если к моему приезду мой приказ не будет исполнен, я заберу у герцога дочерей и найду для них более подходящее место, где за ними будут неусыпно следить.

– Ваше Величество, мой супруг настолько ревностно ограждает меня от всех забот, связанных с его дочерьми, что лишил их всякого приволья, они сидят взаперти с утра до ночи... Вы даже не представляете, насколько все это огорчает меня... И если сейчас Вы будете продолжать настаивать на том, чтобы он нашел, кого строго наказать за то, в чем повинна только я, это огорчит меня еще больше. И я буду вынуждена уехать в монастырь на богомолье, и как долго я там пробуду одному Богу известно...

– Алина... ну что ты... я совсем не хотел огорчать тебя, – король подхватил ее руку и нежно прижал к губам, – и я не настаиваю ни на чем... можешь не говорить ему ничего, пусть сам разбирается. В конце концов, это его дочь выпадает из окна, ему и решать что делать, чтобы подобное не повторилось, если малышка выживет...

– Господь милостив, я надеюсь, все обойдется... – Алина демонстративно склонила голову. – А теперь разрешите, я удалюсь. Счастливой Вам охоты, мой государь.

– Можешь идти. Мы вернемся к ужину, – король отпустил руку Алины и, жестом подзвав слугу, державшего его коня, вскочил в седло.

Кэти, стоявшая у разбитого окна, испуганно ловила каждое слово, прозвучавшее во дворе. Как только герцогиня скрылась за парадными дверьми, а кавалькада придворных во

главе с королем выехала за ворота замка, она схватилась за портьеру на окне и навзрыд заплакала.

– Кэти, успокойся... Герцогиня же сказала, что похоже все обошлось... Луиза поправится, все будет хорошо... – попыталась успокоить ее Мария.

– Ты ничего не понимаешь! – бросила ей та, ринулась в свою комнату, поспешно закрыла дверь на ключ и повалилась на кровать.

Рыдания сотрясали все ее тело. Но плакала она вовсе не о Луизе. В первую очередь Кэти было очень жалко себя. Она сейчас отдала бы все что угодно, чтобы оказаться на месте младшей сестры. Чтобы именно ее унес на руках отец, а герцогиня испуганно бы бегала вокруг, упрекая себя, что оставила их без присмотра. Однако случилось то, что случилось, и теперь именно ей надо будет объяснять всем, как так вышло, что Луиза выпала из окна. И отец вряд ли спустит ей это, когда узнает, что именно произошло.

Наплакавшись, Кэти уснула. Проснулась она оттого, что дверь в ее комнату сильно дернулась. И тотчас она слышала резкий голос отца:

– Катарина, немедленно открой дверь!

Кэти вскочила с кровати и бросилась к двери, с перепугу руки ее дрожали, и ключ никак не хотел поворачиваться в замочной скважине.

– Ты хочешь, чтоб я приказал выломать дверь? – загремел голос отца.

И тут ключ, наконец, повернулся, и Кэти распахнула дверь. Отец вошел, захлопнул за собой дверь, запер ее, а ключ положил к себе в карман. После чего стремительно шагнул к Кэти и, схватив за подборок, запрокинул ей голову, вынуждая смотреть прямо ему в глаза.

– Это правда, что ты вытолкнула Луизу в окно?

– Отец... – у Кэти от волнения и страха перехватывало дыхание, – я не хотела... я лишь оттолкнула ее... я не думала, что она упадет...

– Значит, не хотела... Допустим. А что ты хотела?

– Только чтобы она не цеплялась за меня... Она схватила меня за плечи.

– Она ударила или оскорбила тебя?

– Нет.

– Тогда почему ты так прореагировала на то, что она взяла тебя за плечи?

Кэти подавленно молчала, понимая, что если сейчас расскажет причину, по которой поссорилась с сестрой, отец разозлится еще сильнее.

– Значит, маленькая девочка, твоя сестра, между прочим, берет или как ты выразилась "хватает" тебя за плечи и цепляется за тебя, и это раздражает тебя столь сильно, что ты толкаешь ее прямо в окно, совершенно не осознавая к чему это приведет... Так? – не дождавшись ее ответа, мрачно продолжил герцог.

Кэти молчала.

– Я спрашиваю: так или не так? – яростно проговорил Алекс Тревор и, отпустив подбородок дочери, с силой схватил за плечи и потряхнул. – Ты что не намерена мне отвечать?

Кэти вся сжалась и со страхом посмотрела на отца. Таким она его никогда раньше не видела. Поэтому когда он чуть разжал руки, тут же молча, отстранилась от него.

Лицо герцога исказилось гневом:

– Зря ты так со мной... – хрипло проговорил он.

– Отец, простите! Прошу Вас, – прошептала Кэти, испуганно отступая еще дальше к стене.

– Ты считаешь, я и дальше должен терпеть твои выходки, надеясь, что ни одна из них не закончится трагически? Так вот – этого не будет! – он шагнул к ней и, жестко схватив за шею одной рукой, пригнул ей голову, заставляя склониться.

Кэти заплакала, потом закричала: "пожалуйста, не надо" и постаралась вырваться, но вырваться из твердого захвата отца ей не удалось.

В это время дверь дернулась, и из-за нее раздался властный голос герцогини:

– Милорд, немедленно откройте дверь! Слышите? Сейчас же!

Однако герцог не обратил на это никакого внимания. Он лишь сильнее сжал шею дочери и, размахнувшись, с силой ударил ее, а потом еще и еще. Кэти кричала, захлебываясь в слезах.

В это время дверь распахнулась, и в комнату ворвалась герцогиня. Бросившись к ним, она перехватила руку герцога:

– Если Вы сейчас же не прекратите, ее бить, то бить Вы будете уже меня!

Герцог тут же отпустил Кэти, и та, рыдая, повалилась на пол. Герцогиня склонилась над ней, пытаясь помочь, но повернувшись, Кэти зло оттолкнула ее:

– Ненавижу! Это все из-за тебя!

– Из-за меня? – герцогиня удивленно отстранилась.

– Что? – взревел герцог, вновь пытаясь схватить дочь, но герцогиня снова перехватила его руку.

– Милорд, не трогайте ее. Девочка перенервничала, она сейчас успокоится, мы спокойно поговорим и все выясним. Она абсолютно не заслужила такого обращения с Вашей стороны.

– Это она не заслужила?

– Прекратите! Вы не посмеете больше ее и пальцем коснуться! Слышите? – герцогиня встала напротив супруга и предостерегающе вытянула вперед руку.

– Алина... моя дочь стала неуправляема... она не может ни достойно вести себя, ни осознавать, к чему могут привести ее необдуманные действия. Если сейчас же не положить этому конец все будет только хуже.

– Возможно. Но то, что Вы делаете, это – не выход! Позвольте мне поговорить с леди Катариной, и я уверена, мы с ней найдем, как общий язык, так и выход из создавшейся ситуации...

– Нет! Я не позволю Вам вмешиваться в процесс воспитания моих дочерей, – герцог произнес это с такой злобой, что Кэти, так и не поднявшаяся с пола, испуганно сжалась, ожидая, что отец вновь продолжит прерванное наказание.

– Хорошо, – голос герцогини зазвучал как-то отстраненно, – я понимаю Ваше желание, оградить Ваших дочерей от общения со мной... и я подчинюсь, и не буду настаивать. Но и Вы, пойдете навстречу моим желаниям и прямо сейчас пообещаете мне, что больше не будете ее бить.

– Миледи... моя дочь не стала убийцей лишь по счастливой случайности... и Вы хотите, чтоб ей это сошло с рук?

– Герцог, Вы не видите очевидное... Вам застилают глаза собственные проблемы и амбиции. Все что случилось, произошло только по одной причине: Вашим дочерям недостает Вашего внимания и Вашей любви. И Катарине, как мне кажется, в первую очередь...

– Герцогиня, Вам не кажется, что, во-первых, я сам лучше разберусь, чего недостает моим дочерям, а во-вторых, обсуждать такие вопросы при одной из них, по меньшей мере, некорректно? – в голосе герцога послышался нескрываемый напор.

Герцогиня побледнела и, шагнув в сторону, схватилась за стену.

– Да конечно... – пробормотала она сразу ставшим совсем тихим голосом.

– Алина, что с Вами? – герцог испуганно посмотрел на нее, а потом, подойдя к ней, осторожно обнял и усадил на стул.

– Сейчас все пройдет... – герцогиня несколько раз глубоко вздохнула, – это естественно в моем состоянии.

– В каком состоянии, о чем Вы?

– Я жду ребенка, милорд... Я не хотела Вам говорить, пока была не совсем уверена... Но доктор Вертор, после того, как закончил осматривать Луизу, поговорил со мной и сказал, что сомневаться в этом уже не приходится... Поэтому, если хотите, чтобы и я, и будущий ребенок скончались от моего какого-нибудь нервного припадка, то продолжайте и дальше разговаривать со мной в таком тоне и спорить.

– Ребенка? Господи... я ведь даже не предполагал... хотя что тут удивительного... этого стоило ожидать... – герцог как-то сразу весь обмяк, – я, конечно же, не хочу ни Вашей смерти, моя дорогая, ни ребенка... как Вы могли подумать такое. И раз Вы настаиваете на этом, я не трону больше Катарину, обещаю... только не нервничайте... Пойдемте, я уложу Вас.

– Я не могу сейчас идти, у меня кружится голова... Мне надо немного посидеть, – отрицательно качнула головой герцогиня.

– И не надо идти... Я отнесу Вас, – подхватил он ее на руки, – Вот так... все будет хорошо... я сейчас доктора позову, он еще не должен был уехать, а если уехал, его вернут... все будет хорошо...

– Вы, действительно, не тронете ее?

– Я же пообещал... даже пальцем не трону. Только не волнуйтесь, – продолжая тихо увещевать супругу, обессилено склонившую ему голову на плечо, герцог вынес ее из комнаты и удалился.

Кэти поднялась с пола. Нашла носовой платок, вытерла слезы и подошла к так и оставшейся распахнутой двери, намереваясь ее закрыть, и тут в замочной скважине увидела ключ с золотой цепочкой. Это был ключ, которым герцогиня открыла ее дверь. Кэти слышала как-то от леди Гиз, что у герцогини есть ключ, подходящий ко всем дверям замка, видимо, это был именно он. Она осторожно вынула его и внимательно осмотрела. Небольшой, изогнутый ключ с множеством насечек был очень необычной формы. Катарина с интересом повертела его в руках, а потом надела цепочку на шею, спрятав ключ под платьем, прикрыла дверь и забралась с ногами в большое кресло, стоящее в углу комнаты. Ей было очень обидно, что отец так поступил с ней и очень стыдно оттого, что герцогиня видела, как он ее наказывает, а самое неприятное было то, что только ради нее отец прервал наказание. Посокрушавшись над всем этим, Кэти вдруг вспомнила, что узнала, что герцогиня ждет ребенка, вспомнила, как отец отреагировал на это, и на душе у нее стало еще тоскливее. Она подумала, что теперь отец наверняка найдет какой-то другой способ наказать ее. И она не ошиблась.

Не прошло и часа, как герцог вернулся к ней в комнату. Кэти испуганно вскочила.

– Можешь не пугаться, – он презрительно скривил губы, – я пообещал супруге, что не трону тебя, и не стану другим приказывать тебя наказать... Однако после того, что произошло, допустить твое общение с кем бы то ни было, я не могу. Поэтому я заточу тебя в одной из башен замка. Смотреть за тобой будет глухонемая служанка. А сейчас переодевайся. Ты заслуживаешь лишь такой одежды.

Герцог бросил перед ней то, что держал в руках. Кэти увидела, что это домотканое длинное платье.

– Отец, я молю Вас... я, конечно, виновата... но пусть меня леди Гиз накажет... не надо меня в башню... я умоляю... – Кэти со слезами на глазах опустилась перед отцом на колени.

– Катарина, если через пять минут ты все не скинешь с себя и не наденешь то, что я принес, а потом, молча, не пойдешь туда, куда я тебя поведу, тебя переоденут и отведут насильно стражники.

– Отец, помилосердствуйте... не надо меня в башню... не надо стражников... я постараюсь вести себя лучше... правда... – Кэти склонилась к ногам отца.

– У тебя пять минут, – проронил герцог и отвернулся.

Всхлипывая и заливаясь слезами, Кэти поднялась с колен, сняла с себя дорогую одежду и надела принесенное отцом платье.

– Переделась? – не оборачиваясь, спросил он.

– Да... – Кэти стояла босиком в сером холщовом платье до пят, и плечи ее дрожали от сдерживаемых рыданий.

– Услышу хоть звук по дороге, пожалеешь, – грозно произнес отец, повернувшись к ней, потом взял ее за руку и повел какими-то длинными лабиринтами коридоров, переходами и крутыми лестницами.

Шли они долго. Наконец, поднявшись по длинной винтовой лестнице, герцог постучал в большую, окованную железом, дубовую дверь, и та тут же распахнулась. За ней стояла дородного вида женщина с грубыми чертами лица.

Герцог прищелкнул пальцами и поднял вверх один палец. Женщина согласно кивнула и, промычав что-то нечленораздельное. Затем взяла Кэти за плечо провела ее через свою небольшую каморку, отодвинула засов на двери в самой дальней ее части и достаточно грубым движением втокнула Кэти внутрь.

Кэти оказалась в достаточно просторной комнате с кроватью, накрытой шерстяным одеялом, и камином. Все стены комнаты были увешаны коврами, ковер лежал и на полу, а вот мебели никакой в комнате не было. Не было даже стола. Пять небольших окон высоко под потолком освещали комнату каким-то таинственным светом. Кэти опустилась на кровать, испуганно ожидая, что будет дальше. События не заставили себя долго ждать. Ее охранница, как сразу ее окрестила про себя Кэти, вперевалочку медленно вошла в комнату с охапкой дров, уложила их в камине и развела огонь. Потом подошла к сидящей на кровати Кэти, указала рукой ей на дверь, из которой вошла, погрозила пальцем и снова промычала что-то нечленораздельное.

– Я не буду убегать, мне некуда бежать... – всхлипнув, проговорила Кэти, но, вспомнив, что отец говорил, что служанка не только немая, но и глухая, отрицательно помотала головой, потом легла на кровать и, уткнувшись в подушку, заплакала.

Охранница постояла над ней, потом, придержав ее одной рукой, немного неуклюжим движением вытянула из-под нее одеяло и осторожно укрыла ее, после чего, тяжело вздохнув, вышла из комнаты.

Чуть повернув голову, Кэти сквозь слезы посмотрела ей вслед и подумала, что может она и не такая суровая, как кажется на первый взгляд.

Однако следующее утро заставило Кэти усомниться в правильности такого вывода.

Рано утром охранница жестко потрясла ее за плечо, а когда Кэти испуганно отстранилась, резким движением сбросила с нее одеяло и стащила перепуганную Кэти с кровати. Потом указала рукой на угол комнаты ближе к двери, ковер теперь там был завернут, а на полу стоял большой таз и два кувшина с водой. Затем она приподняла подол ее платья и, подергав за него, указала на кровать.

Ничего не понимая, Кэти испуганно замотала головой. В то же мгновение охранница с такой силой ладонью шлепнула ее, что Кэти вскрикнула. Охранница вновь указала на ее платье, кровать и таз, а потом, подняв из таза мочалку и мыло, протянула ей. Сообразив, что ей грозит всего лишь процедура купания, Кэти решила выполнить все требования. Незаметно вместе с платьем она сняла ключ герцогини и, спрятав его внутри платья, облегченно вздохнула.

Однако радоваться было рано, вода оказалась такой холодной, что Кэти, не раздумывая, выпрыгнула из таза, но тут же была поймана. Охранница снова с силой шлепнула ее, а затем, схватив за волосы, заставила залезть обратно в таз. Смирившись, Кэти покорно расти-

рала мочалкой тело под потоками холодной воды, после чего охранница протянула ей полотенце и кивком указала на платье, лежавшее на кровати.

Кэти вытерлась и оделась. Охранница забрала полотенце и скрылась за дверью, а через минуту вернулась с миской и ложкой. Взяв их, Кэти увидела, что это та же самая каша, которую заставляла их есть по утрам леди Гиз, и которую она терпеть не могла. Только теперь каша лежала не на красивой тарелке, а в миске, и от этого казалась еще более невкусной. Тяжело вздохнув, Кэти уселась на кровать и принялась за еду. Ее охранница тем временем вынесла таз и кувшины, вытерла пол и, расправив ковер, вышла. Вернулась она минут через десять, забрала миску с еще недоеденной кашей и ушла. Кэти думала, что она скоро возвратится, но охранница пришла лишь к обеду. Отдав Кэти миску с супом и кусок хлеба, она удалилась. Кэти ела не торопясь, поэтому, когда охранница вернулась, суп был съеден лишь наполовину. Не обращая никакого внимания на ее слабые протесты, охранница забрала у Кэти недоеденный суп и унесла. На ужин Кэти получила кусок хлеба и кружку молока. Пока она ела, охранница вынула угли из камина, принесла дрова и развела огонь, потом, забрав пустую кружку, вышла и в тот день больше не возвращалась.

Через несколько дней Кэти поняла, что такой распорядок останется постоянным, при этом выяснилось, что ее охраннице невозможно ни что-то объяснить, ни о чем-то попросить. Если Кэти стучала ей в дверь, она не слышала, а если, когда та приходила, бросалась к ней и, теребя за руку, пыталась изобразить, что что-то хочет, та некоторое время смотрела на эти попытки, потом сильно шлепала ее и уходила. Кэти плакала, злилась, пыталась даже ругаться, но это никак не действовало на ее мрачную надсмотрщицу. Она лишь утром заставляла ее вымыться под холодной водой, а больше ее не заботило ничего. Если Кэти не ела, она уносила миску, словно не замечая, что еда нетронута.

Однажды вечером Кэти попробовала воспользоваться тем, что охранница разжигает камин, и тихо выскользнула за дверь. Однако оказалось, что дверь, ведущая из комнаты охранницы на лестницу, была заперта на большой навесной замок, с таким огромным отверстием для ключа, что даже думать не приходилось, что ключ герцогини мог бы его открыть. Вернуться незаметно Кэти не успела. Охранница заметила ее исчезновение, вошла в свою комнату, за волосы вытащила оттуда Кэти, сильно отшлепала, потом забрала у нее хлеб с молоком, погрозила ей пальцем и, пробурчав что-то непонятное, ушла. Кэти испугалась, что охранница теперь совсем не будет давать ей еду, но уже следующим утром все вернулось к прежнему распорядку, и дни для Кэти потекли унылой однообразной чередой.

Как-то поздно вечером, сидя на кровати и от нечего делать, наблюдая, как в камине горят дрова, Кэти заметила, что в ее комнату залетел ночной мотылек. Он сел на край ковра на противоположной стенке, у камина, а потом заполз под него, и Кэти решила его поймать. Она встала, отогнула край тяжелого ковра и изумленно замерла. За ковром скрывалась небольшая дверь. Кэти отогнула ковер еще больше. Потом торопливо, словно боясь, что дверь исчезнет, нащупала ключ герцогини у себя на шее, сняла цепочку, вставила ключ в замочную скважину и повернула. Дверь тут же тихо отворилась, Кэти вынула ключ и, не раздумывая, шагнула за дверь.

За дверью было темно, но на ощупь Кэти определила, что находится на очень маленькой лесенке, круто спускающейся вниз. Она очень осторожно, ощупывая ногой каждую ступеньку, стала спускаться. Лестница привела ее к еще одной двери, открыв которую, Кэти оказалась в маленьком коридоре. Пройдя по нему, Кэти нащупала еще одну запертую дверь. Ключ герцогини подошел и к ней. Открыв ее, Кэти поняла, что эту дверь, как и в ее комнате, скры-

вает тяжелый, плотный ковер, висящий перед ней. Она уже хотела отодвинуть край ковра, как услышала голоса и испуганно замерла, боясь даже дышать.

– Мой государь, Вы зря отпустили послов султана ни с чем. Дружба с султаном не обязывает Вас ни к чему, однако дает возможность улучшить торговые отношения между вашими государствами и обеспечивает безопасность Ваших купцов, – Кэти узнала голос герцогини и поняла, что она обращается к королю.

– Они просили Елену Морен в жены султану.

– Вас удручает, что она была бы его четвертой женой?

– Нет, это как раз никакой роли не играет... хоть двадцать восьмой.

– Тогда что?

– Она не девственна...

– Откуда Вы знаете?

– Да уж знаю... и не понаслышке.

– Вы успели развлечься даже с собственной малолетней племянницей?

– Не преувеличивай. Во-первых, она не малолетняя, ей шестнадцать. А во-вторых, не надо обвинять меня в инцесте... она двоюродная моя племянница.

– Ваше Величество... ну как же так можно!? Когда?

– На балу у графини Морен, ее матери, недели три назад. Девочка сама мне вешалась на шею, а мать поощряла ее, в надежде, что я спишу им все долги их семьи. Я же не знал тогда, что послам султана она глянется, вот и решил, что раз все равно взять с них нечего, то пусть расплатятся хотя бы так...

– Как же это цинично, мой государь.

– То, что я циник ты должна была заметить уже давно. Но почему-то тебя до сих пор это не перестает удивлять. Так что, любезная кузина, я никак не мог заключить этот союз с султаном... Но если тебе в голову придет какая-нибудь мудрая мысль по поводу кого можно предложить султану в качестве его четвертой жены, я с удовольствием выслушаю тебя. Подумай об этом на досуге. Послов еще не поздно вернуть. Я очень аккуратно отказал им.

– А тут и думать нечего. Лучшей кандидатуры, чем Марианна Вам не найти.

– Да она же страшна, как даже не знаю что...

– Султану нужна не хорошенькая жена, а династически объединяющий ваши державы брак. Хорошеньких у него полный гарем наложниц. Он согласится на любую, поверьте мне, лишь бы она была Вам кровной родственницей и девственницей. Пошлите ему портрет Марианны и передайте послам, что лишь мысль о том, что ваши государства должны связывать более тесные узы, чем то родство, в котором Вы находитесь с той, кого они выбрали для их султана, вынудила Вас отказаться им. И Вы надеетесь, что султан не откажется от Вашего предложения, если конечно, ничего не имеет против более близких уз, которые будут в этом случае связывать ваши державы.

– Алина... я поражен... ты прирожденный дипломат.

– Хотите отправить меня куда-нибудь в качестве посла? – рассмеялась герцогиня.

– Ты что, правда, считаешь, что я могу захотеть такое? – голос короля приобрел явно озабоченный оттенок. – Да я ни за что на свете не отпущу тебя... Ты мне нужна самому... Что я буду делать без твоих советов?

– Ой, милорд... у Вас и без меня полно советчиков.

– Лишь ты искренна со мной... и только ты смогла предупредить меня о Ларине... Думаешь, такое забывают?

– Про Ларину Вы и сами могли догадаться... уж слишком она была настойчива. Не Вы выбрали ее, а она Вас, и понять почему, поразмыслив на досуге, Вы могли бы и сами... Кстати, что с ней?

– Неделю назад ее казнили... Церковь обвинила ее, как ведьму, в пособничестве дьяволу. С ней долго не церемонились.

– Мой государь, – голос герцогини дрогнул, – зачем Вы так? Ведь это была не магия, это был банальный яд, причем не смертельный.

– Эта тварь хотела, чтобы я оказался полутрупом, неспособным даже встать с кровати, а ты жалеешь ее?

– Аутодафе я бы не пожелала даже врагам...

– Она не враг, она хуже... враги не боятся показать лицо и сражаются в открытую... А тем, кто действует исподтишка место лишь на костре. Ясно тебе? – с напором произнес король и вдруг после минутной паузы голос его совершенно изменился, – Алина, Алина... Ты что так побледнела? Черт, я совсем забыл, что ты беременна и сейчас на все так реагируешь. Садись сюда... Вот так... Не надо так переживать... успокойся.

– Милорд... Ведь получается, что именно я обрекла ее на такую смерть... Какой ужас...

– Да нет никакого ужаса... В ее доме действительно нашли предметы, свидетельствующие о колдовстве. Было проведено расследование...

– Какие предметы? Свечи, миски, ножи и какую-нибудь отрубленную голову курицы в мусорном ведре? Да такие вещи есть в любом доме.

– Алина... нет, конечно... Мне говорили, что нашли у нее, я только забыл... там очень специфичные названия. Если хочешь, я сейчас в шкафах с книгами найду фолиант про то, что и как используют ведьмы, я помню, был здесь такой, посмотрю, вспомню и покажу тебе.

Послышались шаги. Потом через какое-то время вновь зазвучал голос короля:

– Вот, нашел, смотри... Вот это, это и это нашли в ее доме.

– Действительно нашли все это?

– Я клянусь тебе. Ты же знаешь, я никогда тебе не лгал...

– Странно... я не чувствовала направленной на Вас черной магии... хотя... ну конечно, судя по тому, что Вы мне показали... магия любви и приворота... Интересно, она на Вас не подействовала и после этого в ход пошел яд или сначала в любом случае должен был быть яд, а к привороту лишь шли приготовления?

– Что тут интересного, Алина? Мне вот абсолютно без разницы, что сначала, что в конце... Я просто рад, что с твоей помощью удалось эту тварь обнаружить и воздать ей по заслугам. А остальное меня мало трогает.

– Ну что ж, это утешает, что были явные основания для такого приговора... Хотя мысль о такой кончине кого бы то ни было меня ужасает.

– Как истинная христианка, ты должна знать, что это удел всех, кого уличили в колдовстве.

– Не надо, мой государь... давайте оставим эту тему... мне очень тяжело об этом думать.

– И не надо. Вот яблочко возьми, скушай, тебе полезно.

– Не хочу ничего... сейчас мне плохо даже от мыслей о еде.

– Яблоко, это не еда... Не упрямясь, хоть укуси разочек... Ты стала такая капризная... ужасно.

– Я вообще стала ужасная... Еле хожу, отвратительно выгляжу... кошмар.

– Выглядишь ты великолепно, не придумывай. Беременность тебе необычайно к лицу. Мне так даже очень нравится. Хотя ты мне нравишься и небеременная... Ты мне в любом состоянии нравишься. Герцог не понимает, какое рядом с ним сокровище. На его месте я бы не отпускал тебя от себя ни на шаг.

– Считаете, он недостаточно ценит то, что я рядом с ним?

– Абсолютно не ценит... Я сожалею, что заставил тебя вступить с ним в брак. Не могу его видеть рядом с тобой... он недостойн тебя... Если бы не твоя беременность, я бы настоял на вашем разводе и сумел бы добиться одобрения церкви... Все портит твой будущий ребенок,

если он родится, ваш брак будет считаться нерушимым... Кстати, когда герцог мне сказал о твоей беременности, я чуть не убил его... но вовремя сообразил, что к чему... и что смерть уже второго твоего супруга, причем мной же выбранного и вновь от моей руки, ты мне точно не простишь...

– Ребенок не может ничего портить. Это дар Господа. Как он может что-то портить? К тому же в любом случае Вы не добились бы развода, Вам было бы необходимо и согласие герцога тоже.

– Алина, не смей меня... никуда бы он не делся, и согласился бы на развод... Ты же знаешь, я умею очень хорошо уговаривать...

– Милорд... я умоляю, давайте оставим эту тему. Я жду ребенка и здесь ничего не изменить. Или Вы хотите, чтобы я потеряла его?

– Алина, Господь с тобой... Как ты могла подумать такое? Я догадываюсь, что будет если ты потеряешь ребенка... К тому же если вдруг это будет мальчик, я заставлю Тревора передать титул ему, тебя сделаю опекуницей, а его ушлю посланцем куда-нибудь далеко и надолго... Это будет великолепно. Или ты уже простила его за "вашу первую брачную ночь", а?

– Я умоляю: хватит! Я не могу больше слушать подобные речи. Вы бы лучше свою новую фаворитку очаровывали, а меня оставили в покое! Меня и так постоянно мучают тяжелые предчувствия, а тут еще Вы такое говорите...

– Алина, выбрось все из головы... Тяжелые предчувствия мучают всех беременных женщин. Королева вон перед каждым нашим ребенком рыдала, что не вынесет родов и точно умрет... и ничего жива до сих пор. Я пришлю тебе лучшего доктора, все будет хорошо... Хочешь, уже завтра пришлю? Он не отойдет от тебя ни на минуту... Или ты что-то видела и что-то знаешь, но скрываешь от меня?

– Ничего я не видела... можете не волноваться... Вам ничто не угрожает.

– А тебе?

– Не знаю... Мне просто как-то не по себе и что-то тревожит.

– Тогда все это ерунда... Обычное состояние беременной женщины. Подожди еще пару месяцев, и ты будешь сама смеяться над всеми своими страхами и предчувствиями.

– Может быть... хорошо бы, если так... – пробормотала герцогиня, и Катарина услышала звук отодвигаемого то ли стула, то ли стола, после чего герцогиня продолжила: – Если позволите, мой государь, я бы оставила Вас. Я очень устала, и хотела бы пойти лечь...

– Конечно, иди. Завтра я пришлю тебе доктора.

– Вы несказанно заботливы, особенно учитывая, как Вы относитесь к моему будущему ребенку...

– Алина, я буду заботиться о твоём ребенке так же, как и о тебе. Обещаю. Хотя, что скрывать, конечно, мне очень тяжело, что этот ребенок не мой... как и то, что кто-то другой имел то, чего я не смог добиться... я бросил бы к твоим ногам все, если б ты только согласилась... стоит тебе даже сейчас сказать лишь слово...

– Мой государь!

– Все, Алина, все... я молчу... не нервничай... тебе это сейчас вредно... Пойдем, я сам провожу тебя... Ну что ты так разнервничалась? Даже руки дрожат, и побледнела опять вся... ну нельзя же так... Я прямо сейчас пошлю за врачом, пусть все время будет при тебе.

Послышался звук удаляющихся шагов, и все стихло. Катарина осторожно выглянула из-за ковра.

Пред ней была большая комната в виде кабинета с книжными шкафами вдоль стен, небольшим очень изящным письменным столом и двумя креслами посередине. На столе лежало красивое румяное яблоко и раскрытая книга, с пожелтевшими от времени страницами.

Катарина подошла к столу, схватила яблоко и с удовольствием впицась зубами в сочную мякоть. Она так давно не ела никаких фруктов, что сейчас это яблоко ей показалось самым

вкусным, из всего того, что она хоть когда-нибудь ела. Доев его почти без остатка, Катарина заинтересованно взяла в руки старинную книгу с гравюрами и начала листать. Потом, чтоб было лучше видно, подошла к светильнику у стены, и в это время раздались шаги. Понимая, что если будет класть книгу обратно на стол, ее могут поймать, она вместе с книгой ринулась в открытую дверь за ковром и испуганно замерла, отскочив в сторону и прижавшись к стене.

Она слышала, как кто-то вошел в комнату, затем послышалось легкое потрескивание, и за ковер проник характерный запах загашенных свечей. А потом шаги удалились. Катарина догадалась, что кто-то из слуг, загасив свечи, ушел, и облегченно вздохнула. Она хотела осторожно вернуться и положить на место книгу, но в темноте зацепилась за дверь, и та с легким щелчком закрылась.

– Тьфу ты... – пробормотала Кэти, дернула дверь и поняла, что та заперта. Тогда, перехватив поудобнее книгу, она потянулась за ключом. Однако цепочки с ключом на привычном месте не оказалось. Кэти вспомнила, что положила ключ на стол, когда брала яблоко и поняла, что потеряла возможность вновь открыть захлопнувшуюся дверь.

Кэти стала испуганно пробираться обратно, боясь, что остальные двери тоже захлопнутся, и она окажется запертой в этом темном узком коридоре навсегда. Однако все двери, ведущие в ее комнату, оказались открытыми.

Добравшись до своей комнаты, она облегченно вздохнула и села на кровать. В камине догорали дрова, освещая все вокруг мерцающим, неверным светом. Кэти спрятала книгу себе под подушку и, укрывшись одеялом, принялась осмысливать все произошедшее и незаметно для себя провалилась в сон.

Сны ей снились мрачные и пугающие... Кто-то склонялся и злым шепотом произносил слова короля: "Все портит будущий ребенок, если он родится, брак будет считаться нерушимым... нерушимым", "Если бы не беременность, я бы настоял на разводе и сумел бы добиться одобрения церкви...", а потом: "если будет мальчик, я заставлю Тревога передать титул ему, и ушлю его послом куда-нибудь далеко и надолго... далеко и надолго" Кэти пыталась бежать куда-то, но в серой липкой мгле отовсюду высывались злые черные тени, которые смеялись над ней и кричали: "Ты пропадешь здесь... никто не вспомнит о тебе... отец уедет далеко и надолго, а ты умрешь здесь... Останется лишь она и ребенок... она и ребенок". Они хватали и тянули ее куда-то вниз, в темноту, и она никак не могла вырваться от них.

Очнувшись она от того, что кто-то сильно тряс ее за плечо. Увидев охранницу, Кэти впервые за долгое время обрадовалась Мучивший ее кошмар, был страшнее обыденной реальности. Она быстро вымылась, уселась на кровати и, взяв миску с кашей, принялась за еду. Однако, отдав пустую миску охраннице и оставшись в одиночестве, Кэти вновь попала под влияние мрачных мыслей, мучивших ее ночью. Чтобы отвлечься, она достала из-под подушки книгу, которая таким удивительным образом оказалась у нее, и начала сначала рассматривать картинки, а потом и внимательно читать.

Книга была посвящена тому, как выявить и обезвредить тех, кто занимается колдовством, но в ней было так подробно описано, что и как они делают и используют, что она легко могла служить самоучителем тем, кто намерен обратиться к темным силам.

Особенно заинтересовал Кэти раздел, посвященный тому, как может быть причинен вред беременной женщине. Больше всего ее поразил тот способ, который практически не требовал никаких магических или иных приспособлений, кроме нарисованных на полу магических символов, да изготовленной фигурки будущей жертвы. Причем было написано, что она может быть изготовлена даже из мякиша хлеба. Незаметно для себя Кэти так увлеклась, что за чтением ее чуть было, не застала охранница. Услышав скрип открываемой двери, Кэти еле

успела сунуть книгу под одеяло и притворилась спящей. Охранница потеряла ее за плечо и, вручив миску супа с большим ломтем хлеба, неспешно удалилась.

Быстро съев весь суп, Кэти сунула хлеб под подушку и еле дождалась охранницу, чтобы отдать миску с ложкой. После чего занялась попытками вылепить хоть что-то из хлебного мякиша. Получалось плохо, расстроенная Кэти потихоньку съела свое неудавшееся творение, и снова взялась за чтение. Она убрала книгу лишь тогда, когда света из окошечек под потолком стало так мало, что буквы в книге стали едва различимы.

Вечернюю порцию хлеба она тоже попыталась употребить на вылепливание фигурки, и вновь съела неудавшийся вариант.

Однако лепить ей понравилось, и она стала весь хлеб, перед тем как съесть, использовать в качестве материала для создания человеческих фигурок. Недели через две у нее получилась фигурка женщины с длинными волосами и большим выпяченным животом. Кэти даже сама удивилась, насколько хорошо она вышла. Только раскрасить ее было нечем.

В этот же день, словно по заказу, охранница принесла ей вместо молока густой кисель. Кэти тут же придумала, что можно обмазать фигурку киселем и прилепить к ней разноцветный ворс, надерганный из ковров, висевших в комнате. Только дело это было небыстрое, и Кэти решила спрятать кружку с киселем за дверь, которую скрывал ковер. Она поставила ее туда, положила туда же книгу и вылепленную фигурку, догадываясь, что охранница в поисках кружки перетряхнет ее постель, после чего улеглась на кровать.

Пришедшая охранница, не получив кружки, сдернула ее с кровати, раздраженно что-то промычала и сильно шлепнула. Кэти лишь хмыкнула и плечами пожала, мол, не знаю ничего и не понимаю за что.

Охранница перетрясла всю постель, обошла всю комнату, даже в камин кочергой потыкала, но не найдя ничего, сокрушенно покачала головой и ушла. Кэти не решилась сразу достать свои припрятанные сокровища. Она боялась, что охранница может вернуться, но так и не пришла.

На следующий день Кэти достала фигурку и кисель и занялась разукрашиванием фигурки ворсом из ковров. Через несколько дней кропотливого труда фигурка стала похожа на беременную темноволосую женщину в голубом платье, и Кэти положила ее за дверь на хранение.

Следующую неделю Кэти провела в сомнениях: использовать приготовленную фигурку для вызова темных сил, которые бы избавили ее и от мачехи, и от ожидаемого ей ребенка или нет.

Кэти была не особенно набожной. Мать в детстве иногда водила ее в церковь, и перед сном она всегда молилась со старшими дочерьми, а вот отец ее был от всего этого очень далек. Пока они жили в родовом отцовском замке Кэти, стараясь заменить сестрам мать, читала с ними на ночь "Отче наш". Но как только они переехали в этот замок и стали спать каждая в своей спальне, молиться даже перед сном Кэти перестала. А сейчас, понимая, что она готовится к греховному и богомерзкому делу, старалась о Боге даже не вспоминать.

Ее мучили только мысли о том, не смогут ли ее поймать за этим делом, и не догадается ли кто о том, что она сделала. Она помнила, что говорил король о том, как заканчивают свою жизнь те, кого поймали за подобными занятиями.

Наконец она решилась. Нашла острую щепочку, отколовшуюся от полена, достала из камина несколько больших угольков и принялась ждать, когда охранница вечером уйдет. Как только за ней закрылась дверь, Кэти в неверном свете горящих в камине дров, свернула

лежащий под ногами ковер и принялась рисовать углем на полу магические символы. Потом встала в круг, положила себе под ноги открытую книгу, чтобы подсмотреть, что делать дальше, если вдруг чего забудет, взяла в руки фигурку и острую щепочку и принялась читать выученные заклинания. Потом, прервавшись, она воткнула острую щепочку в живот вылепленной фигурке, положила ее в специально нарисованный символ и продолжила читать заклинания.

Как только она закончила их читать, в камине что-то с треском вспыхнуло, и комнату окутал едкий, смрадный дым. Кэти закашлялась, с ужасом думая, что сейчас задохнется в этом дыму. Тут же дверь ее комнаты распахнулась, видимо запах учуяла и охранница, она рванулась к Кэти, но споткнувшись о скатанный ковер, упала. Она несколько секунд недоуменно смотрела на символы, книгу и фигурку, лежащие перед ней. Затем поспешно поднялась, схватила кашляющую и задыхающуюся Кэти за руку и потащила из комнаты, через свою каморку сначала на лестницу, а потом по длинным переходам куда-то вглубь замка. Шли они долго, Кэти даже успела отдышаться и перестала кашлять. Наконец охранница постучала в какую-то дверь. Им очень долго не открывали, но охранница не уходила, она стучала вновь и вновь. Кэти показалось, что в ожидании у двери прошло несколько часов...

Наконец дверь открыл очень испуганный дворецкий Рон. Охранница что-то знаком показала ему, Рон замотал головой, но охранница схватила его за плечо, сильно потрянула и показала еще какой-то знак. Тогда Рон, кивнул и повел их по каким-то широким коридорам, устеленным коврами. Несколько раз им навстречу попадались бегущие слуги с очень озабоченным выражением лиц. Наконец, Рон остановился у резных дверей, сделал охраннице знак подождать, открыл их и вошел.

– Ваша Светлость, – услышала Кэти его голос, – там Марта, она привела какую-то девушку...

Кэти поняла, что Рон не узнал ее. Это было не мудрено. Узнать дочь герцога в босоногой девушке с растрепанными волосами, одетой в домотканое рубище было почти невозможно.

– Не сейчас, Рон! – послышался раздраженный голос герцога. – Уведи их, пусть ждут!

– Она настаивает, Ваша Светлость.

– Я вздерну тебя, Рон. Если ты сей же момент не уберешься отсюда вместе с ними! – загремел голос герцога.

Дворецкий выбежал и отчаянно замахал руками и замотал головой, пытаясь показать охраннице, что выполнить ее требование не может, но та тут же отшвырнула его и, распахнув дверь, вошла, втащив за собой перепуганную Кэти. Она подошла вплотную к изумленно уставившемуся на нее герцогу, указала рукой на Кэти и сделала непонятный знак рукой.

– Что? – герцог перехватил руку охранницы, а другой рукой схватил ту за лицо.

Но охранница выдержала этот взгляд, глаза в глаза, а потом качнула головой, указывая на дверь.

Герцог разжал руки, обернулся к перепуганной Кэти, тяжелым взглядом посмотрел на нее и, проговорив: – Тут жди! – вышел вместе с охранницей за дверь.

Из коридора Кэти слышала звук быстро-удаляющихся шагов.

Кэти огляделась. Она стояла посередине полукруглой комнаты, по краям которой стояли мягкие диванчики и невысокие столики, а на противоположной стене была еще одна дверь, которую прикрывали гардины, перехваченные витыми золотыми шнурами с тяжелыми кистями.

В это время дверь распахнулась, и из нее выскочил лысый человечек невысокого роста с очень озабоченным лицом. Он изумленно оглянулся и, поняв, что кроме Кэти никого нет, обратился к ней:

– Ты воду и полотенца принесла?

– Нет, – отрицательно покачала головой Кэти.

– Тогда какого черта ты здесь стоишь?! – заорал он. – Живо, бегом! И чтоб через пять минут у меня все было!

– Я не могу, – Кэти попятилась, – герцог приказал его ждать тут... я не могу...

– Остолопка!

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вбежал слуга, держа в руках таз и полотенца и в нерешительности замер перед ним.

– Ну чего встал? – вновь заорал лысый мужчина, обращаясь уже к нему. – Отдавай все ей! – он ткнул пальцем в Кэти и повернулся к ней. – А ты не стой, бери все и тащи туда. Не ему же их мне туда нести. Да расторопнее же! Вот ведь наказание какое... Привели какое-то чучело... даже двигаться она быстро не может.

Кэти взяла таз, стопку полотенец и послушно прошла в дверь.

– Ставь таз на пол, мочи одно полотенце, давай сюда! – скомандовал вошедший прямо за ней лысый человечек.

В полутьме комнаты Кэти не сразу поняла, где она очутилась. Только через мгновение, когда, послушно присев над тазом мочила в ледяной воде одно из полотенец, сообразила, что находится в одной из центральных спален замка. И еще с ужасом заметила, что все вокруг в огромных пятнах крови, а у кровати целая гора кровавых мокрых полотенец.

– Ну давай сюда, да не отжимай ты его, оно должно быть холодным и мокрым, – лысый человечек выхватил у нее из рук полотенце, вновь окунул его в таз, достал оттуда и подошел с ним к кровати.

– Ваша Светлость, – он наклонился над кроватью, – по-моему, дальше ждать бессмысленно... еще час такого кровотечения и Вы расстанетесь с жизнью. Разрешите, и я отдам приказ, чтоб все подготовили к операции, тогда у Вас будет хотя бы шанс...

– Лерон, – услышался очень тихий голос герцогини, – если бы это было ради спасения ребенка, я бы не раздумывая, согласилась... но теперь, когда он родился мертвым... нет. Я не позволю Вам. Если я не буду иметь возможности родить ребенка, моя жизнь бессмысленна. Я лишь ради этого покинула монастырь. Все будет так, как угодно Господу... Оставьте меня.

– Ваша Светлость... король не простит мне этого.

– Королю скажите, это я так решила... А сейчас пойдите вон!

– Ваша Светлость... позвольте хотя бы эти примочки из ледяной воды... Это хоть как-то уменьшает кровотечение и боль. Я ведь знаю, какие у Вас боли...

– Лерон, Вы мне надоели! Вы можете, наконец, уйти? – герцогиня приподнялась на кровати и властно указала рукой на дверь. – И чтоб ко мне никто не входил!

– Но если Вам что-то понадобится? – растерянно произнес тот, пятясь к двери.

– Вон она поможет или позовет, если будет надо, – откидываясь вновь на подушки, герцогиня махнула рукой, указывая на Кэти, которая как, присев, склонилась над тазом так больше и не поднималась.

Тяжело вздохнув, лысый человечек вышел и закрыл за собой дверь.

Некоторое время прошло в молчании, потом герцогиня тихо попросила: – Воды подай, пожалуйста... стакан и графин на столике.

Кэти вздрогнула, поднялась и, не смея послушаться, налила в стакан воды, подошла к кровати и, склонив голову, молча, протянула стакан герцогине. Та взяла стакан и вдруг, выпустив его из рук, так что он опрокинулся на кровать, схватила ее за руку: – Катарина? Ты? Почему ты в таком виде? Господи... что же это такое?

Она хотела еще что-то сказать, но в это время лицо ее исказила гримаса боли, она закусила губы и, чуть отвернувшись, уткнулась лицом в подушку, однако руки Кэти не выпустила.

– Я пойду, позову кого-нибудь, – испуганно прошептала Кэти, осторожно пытаясь высвободить руку. Но герцогиня, еще сильнее сжала ее, не выпуская, и чуть заметно покачала головой.

– Это сделала я... – сама вдруг не зная почему, призналась Кэти.

Герцогиня помолчала немного, дожидаясь видимо окончания приступа боли, потом повернула голову и в упор посмотрела на Кэти:

– Как же я могла допустить такое... бедная ты моя девочка... – хрипло проговорила она, в глазах ее блеснули слезы, – я должна была догадаться... должна... прости меня, если сможешь...

– Что Вы говорите... Вы что, не поняли? Это я сделала! Я колдовством убила Вашего ребенка, я!

– Тсс! Я все поняла, не кричи, пожалуйста. Запомни, это так просто все совпало... Это была игра. Ты лишь играла... и ты ни в чем не виновата. Я постараюсь сделать так, чтобы тебя ни в чем не обвинили... Отец где? – тяжело дыша, герцогиня приподнялась на кровати.

– Его в башню, где меня держали, моя охранница увела.

– Там что-то осталось из того, что ты использовала?

– Все.

– Охранница застала тебя, когда ты этим занималась?

– Да... Там взорвалось что-то, и потом этот запах... Она почувствовала и прибежала.

– Что она отцу сказала?

– Ничего... она глухонемая... она знаки ему какие-то показывала...

– Это лучше... – герцогиня чуть приподняла голову, внимательно еще раз посмотрела на Кэти и покачала головой. – Как же он посмел? Ведь поклялся мне, что не тронет... а удумал еще хуже... хотя и я не лучше... беспечно во все поверила, проверять ничего не стала и занялась лишь своими проблемами... Как же ты должна была меня ненавидеть... Ладно... Какие там вещи остались?

– Знаки на полу... Книга та, что Вам король показывал... и фигурка Ваша, я ее из хлеба сделала, как в книге нарисовано.

– Это ты книгу взяла?

– Да. Я сначала хотела вернуть, я лишь посмотреть хотела... но дверь захлопнулась, а ключ на столе остался...

– Так значит, я ключ в твоей двери забыла, а я никак не могла вспомнить, куда я его дела... выходит, отец тебя держал в башне над библиотекой, а там потайной ход... теперь все ясно. А то я никак не могла понять, как могли найти мой ключ в кабинете, если я в тот день, когда его потеряла, там не была... Получается, что и слугу, что в библиотеке убирается, герцог зря приказал наказать, не брал он книгу...

– Его сильно наказали?

– Казнить его я не дала, да и пытать тоже... выпороли его... сильно, конечно, ну ничего, он юноша крепкий, выжил...

Герцогиня помолчала немного, а потом продолжила:

– Значит так, Катарина, кроме слов: "мне было скучно, я играла", ну и может быть истории с ключом, отец не должен от тебя услышать ничего... Это лишь совпадение...

– Но Вы же знаете, что это не так...

– Катарина, твой отец почти не верит в Бога... он соблюдает лишь привычные ритуалы, да и то не все... Так почему мы должны позволить ему верить в колдовство и магию? Пусть верит в реальные причины моей болезни... – она не договорила, новый приступ боли заставил ее снова уткнуться в подушку и замолчать.

В это время дверь рывком распахнулась, и на пороге появился разгневанный герцог.

– Катарина, иди сюда, – грозно приказал он.

Герцогиня крепче схватила руку Кэти и с трудом приподнялась.

– Милорд, во-первых, не кричите... во-вторых, я просила Лерона, чтоб он не пускал ко мне никого и Вы не исключение... а, в-третьих, леди Катарина никуда не пойдет, она нужна мне... и только попробуйте мне отказать...

– Алина... Вы ничего не знаете... Она – ведьма! – начал герцог раздраженно.

– Не смейте так называть нашу дочь... – перебила его герцогиня, – к тому же я все знаю... она рассказала мне, что взяла мой ключ, и когда Вы заперли ее в башне попыталась оттуда с его помощью выйти... у нее это почти получилось, она попала в библиотеку, где увидела книгу, ту что я оставила на столе, и за которую Вы тогда приказали наказать Олвина... она ее рассматривала, оставила на столе ключ, услышала шаги, испугалась, спряталась с книгой, а дверь захлопнулась... ведь так, Катарина? – герцогиня сжала руку Кэти.

– Да, Ваша Светлость... все так и было... – пробормотала Кэти.

– Так вот, все это не дает Вам оснований называть ее так, как Вы назвали... я вообще не вижу в ее действиях ничего предосудительного... и они несопоставимы с тем наказанием, какому Вы, милорд, ее подвергли, – голос герцогини обрел напор и зазвучал обвинительно, – и если Вы сейчас же мне не пообещаете, что немедленно отмените Ваше распоряжения содержать ее там, я буду жаловаться королю!

– Миледи... Вы не знаете, что ребенка-то Вы потеряли из-за нее... – медленно, но очень отчетливо произнес герцог, – и протянул ей темноволосую фигурку с выпуклым животом и воткнутой в него шепкой.

– Герцог, Вы что, действительно, верите в то, что говорите? – герцогиня взяла протянутую ей фигурку, посмотрела и усмехнулась. – Это же лишь кукла... С чего Вы решили, что, во-первых, это я, а во-вторых, что подобным способом можно кого-нибудь убить? Если бы так легко можно было убивать, трупами была бы завалена вся округа... Это лишь совпадение... Ваша дочь играла от скуки... в те игры, что нашла в подвернувшейся ей книжке... Застань ее охранница за этим несколькими днями раньше, Вам бы и в голову не пришло думать, что за этим что-то стоит, – она отдала герцогу куклу и презрительно скривила губы, – я поражаюсь... еще скажите, что наша дочь на метле летает, и Вы видели ее, описывающей круги над башнями замка, для полноты картины. Все, милорд... я устала... прошу Вас, бросьте куклу в очаг и велите принести нашей дочери подобающую одежду. Я не могу смотреть на нее в этом виде.

– Алина, Вы уверены в том, что это лишь совпадение? – герцог, держа куклу в руках, стал медленно отступать к двери.

– Не то слово... идите... и никому больше не рассказывайте этот вздор...

– В ее комнате пахло серой... – герцог нерешительно замер на пороге.

– А если у меня в комнате будет пахнуть миррой и ладаном, Вы поверите, что я вызвала сюда архангела Гавриила?

– У Вас все это есть, а у нее не было серы.

– Значит, если бы у меня их не было, но в комнате ими пахло, Вы бы поверили, что он мне являлся?

– Нет, я стал бы искать, откуда Вы их взяли...

– Вот и ищите... а суеверия оставьте старухам. Ваша охранница могла заметить девочку за этими играми... и подложила что-то в очаг, чтобы ее напугать.

– Но, герцогиня... Вы еще сегодня утром чувствовали себя великолепно... а потом этот приступ, рождение мертвого ребенка... и сейчас доктор говорит, что Вы тоже умираете, и без операции шансов выжить у Вас нет.

– Да совпадение это! Совпадение! А Вы, похоже, элементарное сострадание потеряли если говорите мне подобные вещи... а вообще-то Лерон, паникер и тупица... ему почему-то очень хочется лишиться меня возможности иметь детей, поэтому он всех пугает... не слушайте Вы его... не лишайте меня надежды и не мучьте больше... я устала... сожгите куклу.

– Алина... а почему Вы хотите, чтобы я обязательно сжег ее?

– Потому что она мне не нравится, и я не хочу, чтобы она кому-нибудь попала на глаза, и по замку поползли слухи... Если даже Вы поддались этим бредням, что говорить о других...

– Я уничтожу ее... только сжигать не буду... – пристально смотря прямо на герцогиню, произнес герцог.

– Вам так хочется хоть в чем-то пойти мне наперекор? Дело, конечно, Ваше... но зря Вы так со мной... неужели, даже видя, что мне столь тяжело и плохо, Вы не можете пойти навстречу моему желанию?

– Этому не могу... – герцог угрюмо покачал головой, – я прочел, что это действие завершает колдовство.

– Хорошо, милорд... не хотите сжигать куклу, не надо... отдайте ее мне... я уничтожу ее сама...

– Зачем же? – герцог усмехнулся, – Я сам уничтожу ее и даже при Вас. Вон таз с водой, я опущу ее туда, и через пару минут от нее даже следа не останется... она ведь ее из хлеба сделала.

– Не смейте! – герцогиня приподнялась на кровати.

– Почему, дорогая? – герцог шагнул к ней ближе.

– Потому... потому... – у герцогини перехватывало дыхание, – потому что из этого таза берется вода для моих примочек, и я не хочу, чтоб там плавала такая гадость!

– За дверью стоит таз со свежей, еще более холодной водой, его сейчас же принесут Вам, миледи, а в этом, позвольте, я утоплю эту мерзость.

Герцог наклонился к тазу, и в то же мгновение герцогиня, поднявшись с постели, бросилась на него, пытаясь вырвать из его рук куклу. Герцог одной рукой перехватил ее руки, а другой убрал куклу в карман, после чего осторожными, но очень уверенными движениями уложил герцогиню обратно в постель.

– Отдайте, милорд... я умоляю... отдайте... – из глаз герцогини потекли слезы.

– А ведь Вы чуть не обманули меня, миледи... я почти поверил... Но я чувствовал, что что-то не так... – герцог мрачно усмехнулся. – Вы пытаетесь выгородить перед смертью эту ведьму, – он кивнул на испуганно замершую у изголовья кровати Кэти. – Конечно... Вы же уверены, что попадете в рай... Вы приняли волю Бога, Вы смирились с потерей ребенка, Вы простили свою убийцу... А обо мне Вы подумали? Как я смогу жить после этого? А о короле? Вы представляете, что будет с ним и что сделает он, узнав о Вашей смерти?

– Милорд... перестаньте... она не виновата... Слышите? Она лишь играла... забудьте об этом... Не разрушайте то небольшое, что еще осталось... я умоляю Вас... как мне еще Вас просить? – герцогиня вновь приподнялась и попыталась рукой схватить герцога за руку, но он отстранился и шагнул к двери.

– Никак! Просить Вы будете короля. Если доживете до его приезда, конечно... Я все передам ему, и ее судьбу будет решать он. Хотите за нее заступиться, постарайтесь выжить... соглашайтесь на предложение Лерона или молитесь... сами решайте, что выбрать. Вы же знаете, я не вправе Вас ни к чему принуждать, – хмуро проронил он и стремительно вышел.

– Господи, дай мне сил... – герцогиня отвернулась и уткнулась лицом в подушку.

Кэти, стоявшая рядом с ее кроватью, боялась даже пошевелиться, но потом страшная мысль, душившая ее все это время, вырвалась наружу в тихом вопросе:

– Меня теперь сожгут, как ведьму?

Вздвигнув как от удара, герцогиня резко поднялась, встала рядом с Кэти и прижала ее к себе:

– Ну что ты, милая, какая ты ведьма... Не бойся, ничего... я не позволю им так поступить с тобой. Все будет хорошо.

Потом она отстранилась, шагнула к двери и, распахнув ее, рывкнула не хуже герцога:

– Лерон, где Сьюзен? Чтоб через минуту была у меня, а так же две горничные и Рон!

– Ваша Светлость... – раздался удивленный голос лысого человечка.

– Бегом! Если Сьюзен, Рон и горничные сейчас же не появятся здесь, я распоряжусь наказать Вас!

Тут же хлопнула дверь, раздались торопливые шаги, голоса, крики, и в спальню через несколько минут вбежала хорошенькая служанка.

– Вы звали меня, Ваша Светлость?

– Сьюзен, найди подходящую одежду для моей дочери и помоги ей переодеться, – раздраженно произнесла герцогиня и кивком головы указала на Кэти, – не сможешь из моего гардероба подобрать, пошли горничных к леди Гиз, чтобы оттуда принесли...

– Да, Ваша Светлость... я постараюсь... – камеристка герцогини шагнула к неприметной двери и, распахнув ее, принялась там шуршать вещами, потом вынесла комплект белья и очень красивое жемчужно-серое платье с черной отделкой и шнуровкой, – вот это должно подойти, Ваша Светлость... у вас несильно отличающиеся фигуры... к тому же шнуровка все подгонит и посадит как надо...

– Нет, это невысказано... обрядить так дочь... держать под замком... нет, я немедленно еду к королю... – раздраженно проговорила герцогиня, наблюдая, как ее камеристка подбирает одежду для Катарины.

В это время в дверь тихо постучали, и из-за нее донесся голос дворецкого:

– Вы звали, Ваша Светлость?

Герцогиня шагнула к двери спальни и распахнула ее:

– Рон, немедленно к крыльцу лучшую карету, лучшую пару лошадей и Пабло, как кучера в парадной ливрее. Я еду к королю.

– Будет исполнено, Ваша Светлость... – склонился перед ней дворецкий, а потом замаявшись тихо добавил, не поднимая головы: – Вот только к королю прямо сейчас, уже поскакал герцог.

– Верхом? – переспросила герцогиня.

– Да, Ваша Светлость. Верхом на Граните.

– Что ж Гранита нам, конечно, не обогнать, но Рон, поставь нам таких лошадей, чтоб мы и не отстали особо. И чтоб сбруя была вся новая...

– Я прослежу, Ваша Светлость, – дворецкий с поклоном удалился.

Герцогиня вернулась в спальню, и следом за ней вошли две горничные.

– Сьюзен, что нужно взять у леди Гиз для леди Катарины? – спросила герцогиня.

– Туфли, только туфли... чулочки подошли Ваши... и белье все подошло... – Сьюзен суежилась вокруг Кэти, помогая ей переодеться.

– Ступай к леди Гиз и принеси туфли леди Катарины... какого-нибудь серого или черного цвета возьми, и быстро. Будешь мешкать, герцогу на тебя пожалуюсь, – герцогиня обернулась к одной из горничных.

Та низко склонилась перед ней и опрометью выбежала из спальни.

– Сьюзен, пусть дальше леди Катарине горничная поможет... а ты найди какое-нибудь платье мне... только без шнуровки и корсета...

Сьюзен тут же вновь нырнула за неприметную дверь и вынесла платье черного цвета со шнуровкой.

– Я же просила: "без шнуровки", – раздраженно проговорила герцогиня.

– Черного платья без шнуровки или корсета нет, Ваша Светлость... – Сьюзен сокрушенно покачала головой.

– Дай другого цвета!

– Но, Ваша Светлость... пятна крови будут незаметны лишь на черном...

– Да... конечно... я не подумала об этом, – герцогиня озадаченно посмотрела себе под ноги.

Даже в полумраке спальни было видно, что весь пол в кровавых следах, оставляемых ее босыми ногами, и весь подол ее атласного халата тоже в крови.

– Давай это... только сначала, помоги мне ноги вымыть.

Герцогиня скинула халат и, шагнув к стоящему на полу тазу, решительно встала в него. Сюзен послушно склонилась к тазу, сунула в него руки и в замешательстве посмотрела на герцогиню.

– Вы уверены, Ваша Светлость, что Вам полезно стоять в ледяной воде?

– Да, уверена. В моем положение это необходимо... иначе доктор не велел бы ее принести.

Сюзен стала торопливо мыть ноги герцогине, потом взяла два полотенца, одно постелила перед тазом и, дождавшись, чтобы герцогиня шагнула на него, стала вытирать ее другим. И тут же она почувствовала как, покачнувшись, герцогиня схватилась за ее плечо, а полотенце, которое она прижимала к ее ногам, сразу пропиталось кровью.

– Ваша Светлость, можно я позову доктора? – испуганно спросила Сюзен.

– Нет, – жестко ответила та, перехватывая полотенце из ее рук, – ты просто дашь мне еще одно полотенце и приготовишь как можно больше других в дорогу. И не смей спорить и хоть что-то говорить кому-то!

– Да, конечно, – прошептала Сюзен и взяла еще одно полотенце.

Полностью одевшись, герцогиня взяла сумочку, что-то положила в нее, а потом повернулась к Сюзен.

– Чистые полотенца в карету незаметно отнеси.

– Будет исполнено, Ваша Светлость, – почтительно склонилась перед ней Сюзен и быстро вышла.

Герцогиня обернулась к Кэти, которая тихо стояла в углу и была уже полностью одета и причесана.

– Ну, что же, выглядишь ты неплохо, дорогая... Пойдем, нам надо торопиться, – удовлетворенно проговорила она и направилась к двери. Кэти последовала за ней.

Выйдя во двор, где их уже ждала карета, они увидели во дворе священника.

– Здравствуйте, святой отец, – герцогиня склонила голову.

– Я узнал, какая беда Вас постигла, дочь моя, и поспешил к Вам... Я соболезную Вам... но рад, что Вы сами в добром здравии и уже смогли подняться.

– Вы так добры, святой отец.

– Я мог бы отчитать над Вами разрешительную молитву и исповедовать Вас, дочь моя... Вам наверняка должно стать легче после этого... а потом мог бы отслужить панихиду об усопшем младенце...

– Да, святой отец, обязательно... Только сначала все, что связано с младенцем... Я молю Вас, почитайте над ним псалтырь... ну и все, что положено... и займитесь подготовкой похорон... мне хотелось бы, чтобы все было устроено наилучшим образом... Рон покажет Вам все, поможет и отдаст деньги, предназначенные для церемонии.

Она обернулась к дворецкому, стоявшему неподалеку, тот тут же почтительно склонился:

– Будет исполнено, Ваша Светлость.

– Конечно, дочь моя... Можете не волноваться... Я все устрою самым наилучшим образом. Вы уезжаете?

– Я еду с дочерью к королю... У меня безотлагательное дело к нему... Я хочу испросить его согласие на развод...

– Дочь моя, что Вы говорите такое?! – испуганно всплеснул руками священник.

– Возможно, и не развод, – герцогиня раздраженно повела плечом, – а ограничение прав моего супруга... но в любом случае я больше не позволю ему держать нашу дочь, словно пленницу в башне, в рубище и взаперти... он ведь даже в церковь не пускал ее все это время...

– Это, конечно, все ужасно, что Вы говорите... но может вначале мне с ним поговорить?

– Он часто ходит в церковь и к Вам на исповедь, святой отец? Так неужели Вы думаете, что сейчас Ваша беседа может повлиять на него, если за все это время Вы не сумели убедить его в необходимости соблюдать хотя бы элементарные христианские нормы поведения? Нет, лишь король может повлиять на него... И я еду к нему.

– Возможно, Вы и правы, дочь моя... только про развод мысли оставьте, это не по-христиански...

– Благодарю, Вас, святой отец, за наставление и заботу... и благословите.

Он осенил ее крестным знамением, – Господь с Вами, дочь моя. Поезжайте, не волнуйтесь... я буду молиться и за усопшего младенца, и за Вас.

Герцогиня еще раз склонила голову перед священником и шагнула к карете.

Дворецкий распахнул перед ней дверку и подал руку.

– Рон, скажи Пабло пусть едет по короткой дороге через лес.

– Там плохая дорога, а уже совсем темно, Ваша Светлость...

– Луна, что блудце, Рон. Сейчас даже в лесу светло... поэтому даже учетом плохой дороги, час мы точно выгадаем, а то и больше...

– Как прикажите, Ваша Светлость, – склонился тот, потом усадил Кэти, захлопнул дверку и крикнул кучеру: – Пабло, через лес, по короткой дороге в королевский дворец! Пошел!

Кучер кивнул, щелкнул кнутом, лошади рванули, карета вылетела через распахнутые ворота и понеслась по дороге.

4

В карете герцогиня тут же взяла из большой стопки полотенец одно, заменила им, то, что было уже все в крови и, бросив окровавленное полотенце под сиденье, в изнеможении откинулась на подушки, видимо так же принесенные заботливой Сьюзен.

Кэти забилась в угол противоположного сиденья и угрюмо молчала.

Через некоторое время герцогиня выглянула в окно, а потом несколько раз подергала шнурок, висевший у ее сидения.

Карета остановилась, дверца распахнулась, и к ним заглянул кучер:

– Что желаете, Ваша Светлость?

– Пабло, я передумала... на первой развилке сейчас поедешь налево, а дальше к восточной границе... постарайся как можно быстрее, но так, чтоб лошадей до подстав не загнать... на подставах бери лучших, – герцогиня достала из сумочки мешочек и отдала в руки кучера. – Сумеешь к послезавтрашнему рассвету доехать до границы, все оставшиеся деньги твои.

Кучер развязал мешочек, заглянул внутрь и удивленно посмотрел на герцогиню:

– Здесь очень много, Ваша Светлость...

– Тем больше у тебя будет резона не поспать две ночи и день... на границе отоспишься...

– В какое место-то едем?

– В городок Предгорье... что перед перевалом у Грозных врат... Знаешь такой?

– Слышал... Путь, конечно, неблизкий, Ваша Светлость... но если луна такая постоит, то может, как Вы хотите, и поспеем... Только вот я-то выдержу полтора суток, а Вам и леди тяжело будет... Мы ведь и провизии никакой не захватили...

– На подставах купишь нам молока, хлеба, да воду принесешь. Этого довольно будет. Все, время дорого, трогай...

– Да, Ваша Светлость, – кучер захлопнул дверцу кареты, и она вновь понеслась по дороге.

Кэти испуганно посмотрела на герцогиню.

– Не волнуйся, мы едем к друзьям. Там нам обязательно помогут... Все будет хорошо. Вот подушку возьми, – герцогиня вытащила одну из подушек, уложенных на ее сиденье, и протянула Кэти, – и постарайся поспать. Ехать долго.

– Не надо, – Кэти замотала головой, – Вам они нужнее. Я и так могу.

– Не спорь, бери. Мне тяжело сейчас спорить... Если она мне потребуется, я скажу.

Герцогиня сунула ей в руки подушку, прислонилась к спинке сиденья, облокотившись на оставшуюся подушку, и закрыла глаза.

Вначале Кэти показалось, что герцогиня сразу уснула, но потом, заметив в неверном лунном свете, освещавшем карету, как беззвучно двигаются ее губы, она догадалась, что та молится.

Кэти тоже попробовала молиться, но молиться не получалось. Ее сознание окутывал какой-то липкий страх... Она постепенно начинала осмысливать, что натворила... и то, что она едет с умирающей из-за нее супругой отца совершенно неизвестно куда и зачем... и то, что сейчас их наверняка будут искать и отец, и король... и если найдут, то ее сожгут на костре, как ведьму... Раньше она думала, что такое бывает только в злых и страшных снах или сказках, но сейчас это все происходило наяву и именно с ней. От всех этих мыслей хотелось кричать, плакать, бежать куда-нибудь... но она сидела, сжавшись в комок, в углу кареты и боялась даже шевелиться.

Карета останавливалась лишь на подставках, да несколько раз в лесу, чтобы они могли чуть-чуть размять ноги. Герцогиня, почти не двигаясь, сидела в углу, и беззвучно молилась, изредка заменяя кровавые полотенца чистыми. Она стала очень бледной, с почти синими губами, и Кэти с ужасом думала, что будет, если герцогиня умрет в дороге, так и не доехав до обещанных друзей, которые могут им помочь...

Однако все обошлось, и на рассвете второго дня, распахнув дверцу, кучер доложил:

– Предгорье, Ваша Светлость... Куда теперь?

Герцогиня впервые за всю дорогу улыбнулась:

– Благодарю, Пабло. Деньги, как я и обещала, твои. Подвези нас к постоялому двору на окраине, карету прямо перед ним поставь на обочине, в сарай не загоняй, а вот лошадей туда поставь и можешь отдыхать.

– Да, Ваша Светлость, благодарю...

Он захлопнул дверцу, карета проехала еще метров двести и остановилась.

– Приехали, Ваша Светлость, – доложил кучер и помог им выйти из кареты.

Герцогиня указала рукой на дверь:

– Стучи!

Кучер грохнул кулаком в дверь так, что моментально разбуженный хозяин тут же распахнул перед ними дверь.

– Комнаты на первом этаже, все, чтоб умыться и не беспокоить! – властно скомандовала герцогиня и, не дожидаясь ответа, шагнула в распахнутую дверь.

– Конечно, госпожа... – хозяин услужливо склонился, – как пожелаете... вот тут есть две смежные комнаты...

– Хочу с видом на горы! – раздраженно проговорила герцогиня.

– Есть... есть с видом на горы... только она одна и не такая большая, в соседней комнате сейчас никого нет, но там вещи купцов, они уехали за товаром на два дня, а кое-какие вещи тут оставили... а ключи у них... к вечеру они вернуться, и я переселю их... будет две рядом...

– Не надо никого переселять! Я хочу, чтоб было тихо, и никто не тревожил нас! Мы устали! Два дня в дороге... это ужасно... И чтоб под окнами никто не ходил!

– Конечно... конечно... как скажите... вот эта комната... она как раз угловая, никто не будет ходить и шуметь, ни по коридору, ни под окнами, я прослежу... и кровать в ней широкая... а хотите, еще одну поставят... – хозяин распахнул дверь комнаты и провел туда герцогиню и Кэти.

– Ничего ставить не надо! Вода, чтоб умыться есть?

– Конечно... вот таз, два кувшина, полотенца... могу еще что-нибудь принести.

– Все! Не надо ничего носить! Вот, возьми.

Герцогиня достала из сумочки золотую монету и протянула хозяину, тот с поклоном принял ее.

– Вы столь щедры... Все будет, как Вы пожелаете... не извольте беспокоиться.

– Чтоб до завтрашнего рассвета никто не тревожил нас! Никто, слышишь?! А еще лучше вообще забудь, что мы здесь остановились! Иначе, я постараюсь сделать так, чтоб ты об этом горько пожалел! Понятно? – грозно спросила герцогиня.

– Конечно, конечно... вот ключ, запирайте дверь, и никто не посмеет Вас беспокоить.

– Двери хоть тут крепкие?

– Дубовые... накрепчайшие... и ставни на окнах... Вы будете в полной тишине и безопасности.

– Второй ключ от двери тоже дай! У тебя ведь определенно запасной имеется, – герцогиня нахмурила брови.

– Конечно, сейчас принесу, – хозяин выскочил за дверь, и через несколько минут вернулся с ключом: – вот... больше ключей от этой двери нет... никто Вас не потревожит.

– Очень надеюсь на это – герцогиня высокомерно кивнула, потом, дождавшись, чтобы хозяин вышел, заперла дверь, положила оба ключа на столик у кровати и повернулась к Кэти: – Полить мне можешь, чтоб я умылась?

– Конечно, Ваша Светлость.

Кэти взяла кувшин, помогла герцогине умыться, потом протянула ей полотенце.

Та вытерлась, и сама взяла кувшин, – теперь давай, ты.

– Ваша Светлость...

– Не спорь. Умывайся, давай. Время дорого, нам надо торопиться.

– Торопиться? Но Вы сказали, чтоб нас не беспокоили до утра... – удивленно проговорила Кэти, подставляя лицо и руки под струю воды.

– Это уловка такая... как и с приказом ехать во дворец, я с самого начала не собиралась туда ехать... нам надо выиграть время... нам предстоит долгий путь, и это лишь его начало, поэтому я боюсь не успеть... – герцогиня протянула Кэти полотенце.

– Лишь начало? – вытирая лицо, изумилась та.

– Да. Нам предстоит неблизкий и тяжелый путь, но я верю, что у нас все получится, Господь не оставит нас... А сейчас помолчи...

Герцогиня опустила на колени перед распятием и воздела руки вверх:

– Господи, услышь меня, к Тебе взываю... Отче наш, не оставь нас презренных, помоги, дай сил дойти до конца пути нашего... не отврати очей своих от заблудших овец твоих, наставь на путь истинный и не отринь того, кто по недомыслию своему оступился и сбился с пути... дай шанс все исправить... Боже милостивый и всеблагий к твоему милосердию взываю, помилуй нас грешных и недостойных... не лишай нас милостей и щедрот твоих, дай возможность искупить грехи и спасти души наши бессмертные. И пусть на все будет воля Твоя Святая.

В это время в окошко проник солнечный свет и осветил коленапреклоненную герцогиню ярким потоком лучей.

– Благодарю, Господи... ты ответил мне, – прошептала герцогиня и склонилась к полу.

Потом она стремительно поднялась, подошла к окну, распахнула его, внимательно осмотрела ставни, затем достала из сумочки небольшой моточек прочной бечевки и позвала: – Катарина, подойди сюда.

Дождавшись, чтоб та подошла к ней, она продолжила: – Смотри, вот тут на ставнях щеколда, если привязать вот сюда эту бечевку, которую пропустить через вот эту щель, то если плотно закрыть ставни с той стороны и дернуть за бечевку, щеколда защелкнется. А бечевку я сейчас привяжу вот такой хитрой петлей, так что, потянув за вот этот короткий конец, можно будет развязать узел и вытянуть всю бечевку. Поняла как? Делать все тебе придется, стоя вон на том узком карнизе... У меня сил не хватит. Сможешь?

– Зачем все это?

– Как зачем? Мы выберемся через окно, потом таким образом, закроем ставни, и никто, пока не сломают дверь, не сможет обнаружить, что нас там нет... а дубовая дверь быстро не ломается... Мы выиграем порядочно времени.

– Хорошо я все так и сделаю... А Вы сумеете вылезти в окно, Ваша Светлость?

– С твоей помощью постараюсь выбраться...

Герцогиня села на подоконник, потом перевернулась, свесила вниз ноги, держа Кэти за руку, нащупала ногами карниз, наступила на него, а потом спрыгнула вниз. И тут Кэти пришла в голову мысль, что неплохо было бы задвинуть шторы и прикрыть и внутреннее окно, пусть все думают, что они исчезли из запертой комнаты.

Она проделала все это, выбравшись на карниз, а затем осторожно плотно одну за другой закрыла ставни и, потянув сначала за один конец бечевки, защелкнула задвижку на них, а потом за другой, вытянула всю бечевку.

Смотав ее, она протянула моток герцогине: – Вот, Ваша Светлость.

Убрав его в сумочку, герцогиня повела Кэти вдоль зарослей кустов в сторону ближайшей горы.

Было раннее утро, почти все жители маленького городка еще спали, поэтому лишь маленькие птицы, радостной песней встречающие занимающийся день, нарушали утреннюю тишину. Они дошли до горы и никого не встретили. У подножия герцогиня нашла едва заметную тропинку, и они начали подниматься по ней в гору. Тропинка вилась вдоль отвесных уступов, забиралась на крутые склоны, и они, спотыкаясь и падая, взбирались по ней все выше и выше в гору.

Солнце стояло совсем в зените, когда герцогиня остановилась на небольшой горной полянке, покрытой мхом и чахлой, пожухлой травой.

– Надо немного отдохнуть... – проговорила она, села, а потом и вовсе откинулась на землю, устремив взгляд в небо.

– Нам долго еще идти? – спросила Кэти, садясь рядом. Она очень надеялась услышать отрицательный ответ, так как очень устала, и ноги совсем не держали ее.

Герцогиня помолчала минут десять, а потом очень тихо произнесла:

– Мы прошли примерно половину... Дальше подъем будет еще круче... так что соберись с силами нам надо успеть до темноты.

– Половину?! – ахнула Кэти. – Мы не дойдем...

– Должны! – резко, будто отрезав, произнесла герцогиня и рывком поднялась. – Вставай! Пошли. Мне ничуть не легче, поэтому не смей ныть!

– Да, Ваша Светлость... – Кэти тут же встала и пошла следом за ней.

Всю дальнейшую дорогу она старалась не смотреть на явно мокрый от крови подол платья герцогини и кровавые следы на камнях, остающиеся за ней.

Уже стало смеркаться, когда герцогиня вдруг пошатнувшись, резко осела на землю.

– Что с Вами, Ваша Светлость? – склонилась к ней Кэти.

– Девочка моя, – герцогиня повернулась к ней и ласково коснулась рукой щеки, в ее глазах стояли слезы, – у меня больше нет сил... я умираю... но у тебя есть шанс... осталось совсем близко... стены монастыря уже видны. Иди туда, беги, моя хорошая, ты должна успеть до вечерней молитвы, иначе тебе вряд ли откроют... Но в любом случае: стучи, кричи, требуй позвать отца-настоятеля. А ему передай это, – герцогиня отстранилась и неловкими движениями торопливо сняла с себя цепочку с золотым крестиком, – он узнает его... скажи, что я звала его одного... я должна увидеть его перед смертью... – и она вложила в ее руки крестик и легко оттолкнула от себя: – Беги!

Испуганная Кэти вначале замерла, а потом бросилась вверх по тропинке к виднеющимся каменным стенам древней обители.

Добежав до них, Кэти принялась стучать в ворота. Через некоторое время в огромных дубовых воротах, обитых железом, отворилось маленькое окошечко, и чей-то голос спросил:

– Что надо?

– Отца-настоятеля! – на одном дыхании выпалила Кэти.

– Не принимает он... к тому же служба скоро... подожди, служба закончится, и монахини примут тебя и дадут ночлег...

– Мне он нужен! Он! Она умирает! Она не может ждать! Она хочет увидеть его перед смертью! Вот... вот это ему передайте... он должен узнать! Позовите его! – громко прокричала Кэти, и стала одной рукой испуганно совать в маленькое окошечко крестик герцогини, а другой снова стучать в ворота.

– Не кричи так и не стучи! Я хорошо слышу... – раздался голос. – Сейчас отворю...

Ворота медленно приоткрылись, и на пороге показался седой и согбенный монах.

– Кто умирает? – спросил он, беря из протянутых рук Кэти крестик, и вдруг, охнув, схватился рукой за сердце. – Жди... сейчас позову.

Он поспешно скрылся за воротами. Минуты ожидания показались Кэти вечностью. Наконец из ворот быстро вышел высокий монах с красивыми удлинёнными чертами лица и пронзительным взглядом ясных, голубых глаз, у него была седая борода и седые волосы, однако, старым он не выглядел. Кэти поняла, что это и есть отец настоятель.

– Где она?

– Там, – Кэти махнула рукой, указывая вниз, – она хотела дойти, но не смогла...

– Веди.

Кэти послушно устремилась вниз по тропинке. Некоторое время отец-настоятель шел за ней, а потом, видимо разглядев лежащую у тропинки герцогиню, взяв за плечо, придержал Кэти и обогнал ее.

В вечерних сумерках, идущая за ним Кэти, увидела, как он наклонился над герцогиней и приподнял ей голову.

– Девочка моя любимая... радость моя... как же так... – прошептал он.

– Отче... – герцогиня открыла глаза, и легкая улыбка озарила ее лицо, а в глазах засветилась любовь, – я знала, что дождусь Вас.

– Ты хочешь исповедоваться, девочка моя? – он осторожно надел ее крестик ей на шею.

– Это потом... – герцогиня едва заметно качнула головой, – если силы останутся... сначала я хочу, чтобы Вы поклялись мне, Отче, что спасете мою дочь... это моя предсмертная просьба... не отказывайте мне в ней... я знаю, лишь Вы можете спасти ее... Ее обвиняют в колдовстве, спасите ее!

– А разве это неправда? – тихо спросил он, глядя ей прямо в глаза.

– Она не знала во что ввязывается и что это все серьезно... это было лишь по неведению... Это моя вина... я не уберегла ее от этого... по моей беспечности она оказалась в таких

условиях и книгу, из которой все узнала, получила... Я виновата в этом, Отче, поэтому молю, спасите ее!

– Что она сделала?

– Это неважно, Отче... у меня нет сил рассказывать... поклянитесь!

– Что она сделала? – настойчиво повторил вопрос отец-настоятель.

– Не будьте столь жестоки, Вы все и так видите, я же знаю... дайте мне умереть спокойно, Отче... поклянитесь.

– А ты уверена, что до конца выполнила свой долг? Ты не догадываешься, какие события последуют за твоей смертью? Ты, конечно, уведешь того демона, которого она выпустила... но дверь осталась открытой, и он вернется... вернется за ней, как только представится возможность.

– Так закройте ее.

– Это не в моей власти.

– Значит, научите ее, пусть она сама закроет. У меня уже нет сил, я и так сделала все, что могла и даже больше.

– Нет, радость моя... можешь проклинать меня перед смертью... но помочь ей в этом я не смогу... это можешь сделать лишь ты.

– Но как? Как, Отче?

– Не умирай, – спокойно, будто разговор шел о том, чтобы отказаться от обеда, произнес отец настоятель.

– Вы считаете, это в моей власти?

– Я постараюсь помочь... но и ты должна захотеть.

– Я не хочу больше жить... у меня больше нет сил так жить, – в глазах герцогини сверкнули слезы.

– Я знаю, поэтому и говорю, что ты должна тоже этого захотеть. А то что получается... ты решила уйти и переложить на меня все свои земные заботы... Ну разве так можно? Каждый должен сам нести свой крест, моя хорошая... Я знаю, что тебе нелегко, но ты у меня сильная... ты все сможешь... – он вдруг легко, словно пушинку, подхватил герцогиню на руки, прижал к себе и, не переставая говорить, понес ее в сторону монастыря. – Ты еще нужна здесь и нужна ей в первую очередь. Никто кроме тебя не сможет помочь ей...

Кэти шла позади отца настоятеля, и в голове ее беспорядочно металась мысль: "Кто он, если без слов понял, что она натворила? Неужели он действительно может не дать умереть герцогине, если только та захочет этого? И что теперь будет с ней, если он отказывается ей помочь?"

Они вошли в ворота монастыря и их тут же окружили несколько монахов и монахинь.

– Алиночка... голубушка наша... Горе-то, какое... Отче, что с ней? Чем помочь-то? Вот, беда... – раздалось со всех сторон.

Какая-то монахиня всхлипнула.

– Нечего причитать, не умер еще никто, – сурово проронил отец-настоятель, и повернулся к согбенному монаху у ворот: – Ворота запири покрепче, отец Стефан, и с рассветом гостей жди, только отпирать не торопись.

Потом обернулся к собравшимся:

– Я хочу помолиться над ней в часовне, так что службу в храме без меня проведите... отец Марк, ты проводи... да и о здравие ее не забудьте помолиться...

Потом повернулся и зашагал по двору, а Кэти, боясь потеряться и остаться одна в незнакомом месте, поспешила за ним.

Они вошли в небольшую каменную часовню, отец-настоятель опустил герцогиню на пол, зажег от нескольких горевших лампадок свечи и, опустившись рядом с лежащей герцогиней на колени, стал что-то тихо говорить.

Кэти, замершая рядом с дверью, внимательно вслушивалась, но понять не могла ничего. Наконец она поняла, что отец-настоятель молится на неизвестном ей языке. Блики света от свечей и лампад играли на лицах святых мрачно взирающих на Кэти со всех сторон, и ей казалось, что они все про нее знают и молча укоряют ее. От этого ей было очень стыдно и страшно и очень хотелось уйти или спрятаться, но выйти ночью во двор незнакомой обители было еще страшнее, а спрятаться было негде.

Час следовал за часом, а в часовне не происходило ничего. Герцогиня неподвижно лежала на полу, отец-настоятель монотонно и непонятно молился, стоя над ней на коленях, утомленная Кэти сначала прислонилась спиной к стене, потом села на пол, а затем и вовсе легла, свернувшись клубочком, и заснула.

Проснулась она от громкого возгласа: "Благодарю тебя, Господи!". Она испуганно приподнялась и увидела, как отец-настоятель поднимается с колен.

– Что с ней? Она не умрет? – бросилась она к нему.

– А ты теперь хочешь, чтобы она выжила? – глядя ей прямо в глаза, спросил он.

– Очень хочу... она совсем не такая, как я думала раньше... я бы все сейчас отдала, чтобы только все обратно вернуть... пусть бы меня отец всю жизнь в башне держал... только не было бы всего этого.

– А если бы была такая, как ты думала, тогда что, не хотела бы все вернуть?

– Наверное, все равно бы хотела...

– Из-за того, что страшно на костре оказаться?

– Да, – кивнула Кэти.

– А душу свою на вечную муку обречь не страшно? Это ведь пострашнее будет. Ты так не считаешь?

Кэти ничего не ответила, она стояла, испуганно съежившись, губы ее дрожали, а из глаз текли слезы.

Отец-настоятель грустно покачал головой и тихо произнес:

– Жаль, конечно, что ты этого не понимаешь... но может со временем... – потом тяжело вздохнул и продолжил: – Здесь костра можешь не бояться... здесь тебя не тронет никто. А если Алина вернется, то может и не только здесь...

– Так она не умрет?

– Надеюсь, что нет... – тихо произнес отец-настоятель.

– А за что Вы благодарили Господа?

– Он указал мне, как поступить с тобой.

– И как же?

– Пока ты останешься здесь... а потом посмотрим, как все дальше сложится. Тут многое от тебя зависеть будет. Не надо наперед загадывать.

– Меня будут искать отец и король... – тихо проговорила Кэти.

– Я знаю... они уже близко. Поэтому пойдем, я отведу тебя к привратнику, а сам пойду встречу их.

– Вы точно не отдадите им меня? – Кэти схватила его за руку и с мольбой взглянула ему в глаза.

– Ты покинешь монастырь лишь по собственной воле, и здесь тебе не угрожает ничего.

– Но Вы сказали герцогине, что спасти меня не в Вашей власти...

– Господь указал способ... Пойдем, – отец-настоятель взял ее за руку, и они вышли из часовни.

Как только они приблизились к воротам, к ним навстречу поспешил согбенный монах:

– Отче, что с нашей голубкой? Как она? Я всю ночь о ее здравии молился...

– Это хорошо, что молился... вот и дальше продолжай, – кивнул отец-настоятель и осторожным движением подтолкнул к нему Кэти. – Это дочь ее. Она просила присмотреть за ней.

В сторожку свою отведи и обустрой ее там, у тебя она жить будет, да накорми еще, она больше суток не ела.

– Конечно, Отче... все сделаю... если уж Алина за нее просила... то что и говорить... как за родной приглядывать буду... А девочка надолго здесь?

– Да уж как сложится... но скоро не уедет это точно...

– Вот и славно... пусть живет... Даст Бог, может, и Алина поправится... и тоже присутствием своим порадует нас, голубка наша.

– Алину или тело ее в любом случае сейчас заберут... Гости на пороге уже. Так что, отвори ворота, выпусти меня, да запрети за мной. Мне, перед тем как Алину им отдать, побеседовать с ними надо будет... Поэтому пока сам тебя не покличу, ворота не отворяй.

– Как же так, Отче? Зачем увозить ее отсюда? Ведь коли жива, то отлежаться ей надо... А коли нет, то отпеть здесь хотя бы...

– Не спорь, делай что говорю, – в тихом голосе отца-настоятеля была такая сила, что отец Стефан, не мешкая, отпер ворота, и выпустил его.

– Эх... что ж это делается? – горестно вздохнул он, вновь накладывая запор на ворота, – Что ж за беда-то такая приключилась с тобой, голубка моя, что он даже не словечка не молвит о тебе, и собирается отдавать тебя, то ли живую, то ли мертвую и без причастия и без отпевания?

Потом повернулся к Кэти: – Пойдем, деточка, покормлю тебя... У нас тут конечно изысков нет никаких, но голодная не останешься.

– А я могу попрощаться? Или хотя бы... хотя бы посмотреть... посмотреть... как... – Кэти всхлипнула, – как ее забирать будут? Я ведь больше не увижу ее, да? – из ее глаз хлынули слезы.

– Ах ты, моя бедняжка... Даже не знаю, как поступить-то... не любит отец настоятель, когда своевольничают... Сказано было в сторожку отвести, да накормить, значит, я так исполнить и обязан... ну не плачь... не плачь... вот ведь беда какая... ох, беда... – он развернулся, прошел шагов пять вдоль стены и, нажав на какой-то выступ в стене, открыл небольшую не приметную дверку: – Иди вот сюда, вот по лесенке этой взбирайся, на самый верх стены попадешь. Там проход с бойницами, оттуда все видно как на ладони. Вот и увидишь все. Иди, забирайся.

Кэти, вошла в дверку и, не мешкая, взобралась по крутой лесенке. С высокой монастырской стены действительно открывался прекрасный обзор и вид был великолепный. Восходящее солнце золотило верхушки ближайших гор, гордо возвышавшихся на фоне голубого неба. У ворот стоял отец настоятель, а по тропинке к монастырю приближался небольшой отряд всадников. Кэти разглядела, что впереди едет сам король, за ним ее отец, а сзади человек шесть стражников в сверкающих доспехах с королевскими эмблемами и штандартом и пеший человек в одежде сельского жителя, видимо проводник. Кони шли медленно, осторожно взбираясь по крутой каменистой тропинке.

Всадники остановились на небольшой площадке, немного не доезжая монастыря. Сначала спешили стражники, а затем спешили ее отец и король. Бросив поводья одному из стражников, они неторопливо поднялись по узкой тропинке и подошли к отцу-настоятелю.

О чем они говорили, Кэти не слышала, так как говорили они очень тихо. Разговор длился достаточно долго. А потом ее отец достал из кармана маленький сверток, развернул, и Кэти с ужасом поняла, что он показывает отцу-настоятелю изготовленную ей фигурку. Она прижалась к стене, с ужасом ожидая, что будет дальше. Однако фигурка не произвела на отца настоятеля никакого впечатления, а может, он уже знал о ней. В любом случае он лишь кивнул, потом забрал из рук ее отца сверток с фигуркой и, обернувшись, громко произнес:

– Отвори, отец Стефан.

Ворота тут же раскрылись, и отец-настоятель скрылся в монастыре. Ни король, ни ее отец в монастырь за ним не пошли. Они отошли в сторону и, тихо беседуя о чем-то, смотрели

на горы, не проявляя при этом никаких признаков нетерпения. Не было отца настоятеля очень долго. Наконец он вышел, держа на руках герцогиню.

Кэти радостно заметила, что сейчас в отличие от вчерашнего вечера герцогиня сама держала отца настоятеля за шею. К ним тут же шагнул король и тихо спросил что-то. Осторожно поставив герцогиню на землю, но при этом продолжая ее придерживать за плечи, отец-настоятель что-то сказал в ответ. Герцогиня тоже что-то очень тихо сказала. Король подхватил ее руку, поднес к губам, а потом, качая головой, стал что-то долго говорить.

Кэти очень хотелось услышать, о чем они говорят, но все говорили очень тихо, и слов было не разобрать. Потом герцогиня, осторожно высвободив руку из рук короля, нежно провела ей по его щеке и, наклонив голову набок, что-то спросила, пристально смотря прямо ему в глаза. Король что-то ответил, клятвенно подняв руку, потом обернулся к ее отцу, все это время стоявшему за его спиной, и что-то произнес, тот тоже поднял руку и согласно кивнул. Герцогиня сделала шаг к нему, но покачнулась и возможно бы упала бы, если бы ее не поддерживал отец-настоятель. Кэти увидела, как ее отец тут же сам шагнул ей навстречу и подхватил на руки. После чего и ее отец, и король склонили головы перед отцом настоятелем, который кивнул им в ответ и скрылся за монастырскими воротами, а затем они спустились к ожидающим их стражникам. Король сделал знак, и им тут же подвели лошадей, а ее отец опустил свою супругу на землю, чтобы сесть на коня. Герцогиню тут же сзади за плечи бережно обнял король, пока наклонившись, ее отец осторожным движением не подхватил ту к себе в седло. После чего король вскочил на коня сам и возглавил группу всадников, которая стала медленно спускаться по горной тропинке, все дальше и дальше удаляясь от монастыря, пока совсем не пропала из вида.

И тут у Кэти на глаза вновь навернулись слезы. Она осознала, что осталась совсем одна в совершенно чужом месте, и хотя теперь ее жизнь была вне опасности, вокруг не было ни одного близкого ей человека. Всхлипывая, Кэти стала спускаться вниз и увидела ждущего ее там отца Стефана.

– Ну что, нагляделась? – ласково спросил он ее и тут же удивленно добавил, – А плакать-то чего опять надумала? Ведь выжила она... хоть и отец-настоятель не очень-то в это верил... Тут радоваться надо. А ты плакать вздумала. Все, прекращай слезы лить, пойдём, покормлю тебя.

Пока Кэти ела монастырскую похлебку с хлебом, отец Стефан разобрал небольшую комнатку при входе в сторожку, служившую ему чуланом, и принес туда кровать и маленький столик.

– Вот, будут твои апартаменты, – улыбнулся он ей, – не так удобно конечно как в кельях наших монахинь... но что-то не захотел отец-настоятель тебя к ним отправлять... ну да ему виднее... Я даже рад... Алина, когда в монастыре жила, тоже часто у меня бывала... Зовут-то тебя как?

– Кэти, – односложно ответила она.

– Хорошее имя, Катарина, значит. Я так понял, Алина мать теперь твоя... Выходит, отец твой – ей муж... Так что ли?

Кэти молча кивнула.

– Так твой отец – герцог Дмитрий Риттенберг?

– Нет. Мой отец – герцог Алекс Тревор, он сейчас вместе с королем за ней приезжал.

– А как же милорд Дмитрий? Ведь она с ним тут венчалась... Совсем что-то я, старый, ничего не пойму...

– Казнили ее первого мужа, – тихо проговорила Кэти.

– Вот те на... Упокой его душу, Господи, – монах перекрестился, помолчал немного, а потом спросил: – Это что ж выходит, Алина мужа оставить хотела, что он за ней приехал, да еще с королем?

Кэти угрюмо молчала, понимая, что ни в силах рассказать этому старику, так нежно любящему герцогиню, правду об их появлении здесь.

– Что ж он сотворил с ней такое, изверг... что она еле от смерти спаслась, да отец-настоятель с ним так долго беседовал, перед тем как ее вернуть... да еще и тебя от него здесь укрыл? И как его земля после такого носит? Таковую горлинку ясную обидеть, как Алина наша, да до такого ее довести... да и тебе, небось, несладко пришлось, бедняжка ты моя... Ох-хо-хо, – вздохнул он.

Потом помолчал, внимательно посмотрел на насупленную и хмуро молчащую Кэти и продолжил: – Я понимаю, тебе трудно... Но ты постарайся простить, не надо на собственного отца обиду на сердце держать. Господь милостив... все обязательно образуется... ты не переживай. Надо уметь прощать... Вон Алине, когда сюда она попала, тоже плохо было... а выросла и забыла все, и отца своего простила... хоть очень несправедливо он с ней обошелся... Даже на меня, дурака старого, и то зла не держала, хоть и обидел я ее, ой как крепко обидел поначалу... всех простила, голубка наша. И ты постарайся простить... обида-то, она знаешь, как сердце ест...

Он еще помолчал, внимательно глядя на Кэти, а потом, присев рядом с ней за стол, тихо спросил: – Что тебя так гнетет, деточка? Может, расскажешь? Втихомолку-то одной, все ой как трудно переносить... Ты расскажи, излей душу-то, глядишь, и полегчает тебе...

От мысли, что этот так по-доброму с ней беседующий монах может узнать правду о ней, у Кэти перехватило дыхание. Она вскочила из-за стола и, вбежав в теперь уже свою комнатку, бросилась на кровать, уткнулась в подушку и разрыдалась.

– Катарина, что ты? – монах подошел к порогу ее комнатки. – Не хочешь говорить, не говори... зачем так плакать-то? Алина, та тоже свои обиды никому не рассказывала, но она сама научилась с ними справляться, а это ой, как непросто... я ведь не из любопытства... мне просто жалко тебя стало, деточка... а коли обидел я тебя этим, то ты не сердчай, не со зла я... Хотя может и лучше, если поплачешь... поплачь, девочка, поплачь, со слезами оно все быстрее проходит... только зла не держи... я не буду тебя больше ни о чем спрашивать. Захочешь, сама расскажешь... а коли нет, то и суда нет...

И он, осторожно прикрыв дверь ее комнатки, вышел из сторожки.

Въехав в городок, королевский отряд спешил перед постоялым двором. Первым туда вошел король, а за ним герцог внес на руках герцогиню.

– Подготовил комнаты или вздернуть тебя, чертово отродье? – гаркнул король, обращаясь к хозяину, который лишь увидев его, упал на колени и уткнулся лицом в пол.

– Все готово, Ваше Величество... Все комнаты убраны, подготовлены... никаких постояльцев нет... в сарае подготовлены места для лошадей. Вам и герцогу какие комнаты отвести и какие Вашим стражникам?

– Дверь вставил?

– Дверь? Дверь нет еще... простите, Ваше Величество... не гневайтесь... не успел... – судорожно вздыхая, так как от волнения у него перехватывало горло, проговорил хозяин таверны, – плотнику теперь тут работы дня на два, не меньше... не гневайтесь... мы лишь убрались там... но остальные комнаты готовы... На втором этаже вообще полный порядок. Может, Вы там пожелаете? Там и тише и воздух свежее. А стражников Ваших, я бы на первом этаже разместил...

– Ну что ж, может это и к лучшему, что на втором, а то с первого этажа моя дражайшая кузина имеет привычку исчезать, – усмехнулся король. – Веди.

Войдя в одну из комнат второго этажа, король придирчиво осмотрел ее и кивнул герцогу стоявшему в дверях:

– Давай ее сюда. Подходящая комната.

Герцог шагнул и осторожно уложил на кровать свою супругу. Поправил ей под головой подушку и тихо спросил:

– Удобно?

Алина кивнула.

– Что принести поесть? – продолжил он, снимая с ее ног туфельки. – Только не надо мне говорить, что ничего не надо. Отец-настоятель сказал, что если Вы не будете хорошо питаться, не поправитесь.

– Что тут есть, то и принесите... это же не дворцовая кухня... это всего лишь маленький захолустный постоялый двор, – тихо проронила она.

Герцог кивнул, вышел и, схватив за шиворот перепуганного хозяина, потащил вниз по лестнице, приговаривая:

– Сейчас найдешь мне все самое свежее и вкусное, что только есть в вашей глухой дыре... и храни тебя небо, если моей супруге это не понравится...

– Я все сделаю... не извольте беспокоиться, все будет в лучшем виде, Ваша Светлость, – испуганно шептал тот, семеня, спотыкаясь, а в какие-то моменты даже волочась за герцогом, словно большой куль с мукой.

– Ну как, отсюда не исчезнешь? – король, стоящий у окна с усмешкой посмотрел на лежащую на кровати Алину.

– Нет, не исчезну, – покачала она головой.

– Это радует... на моей памяти, ты мне никогда не врала... – он подошел к кровати, сел на ее край и осторожно взял руку герцогини. – Как же ты нас напугала... Хорошо еще супруг у тебя сообразительный... Зачем, говорит, она потребовала комнату именно на первом этаже и с видом на горы, да еще приказала, чтоб под окнами никто не ходил, если собралась исчезнуть. Не все ли равно, говорит, откуда исчезать и кто ходит под окнами, если ставни закрыты... Прошелся разочек под окошком и следы от ваших каблучков обнаружил. Не знаю, говорит, как они из закрытой комнаты выбрались, но переместились не особенно далеко... А дальше мы уж долго не сомневались, куда вы направились... Я ведь сразу знал, что ты именно до монастыря постарайся добраться, мы и в городок заехали лишь, чтобы проводника найти, и тут нас карета твоя у постоялого двора с толку сбילה... мы решили твоего кучера и хозяина постоялого двора расспросить... но видно на это у тебя и расчет был... Так ведь?

– Зачем спрашивать, если Вы и так обо всем догадались, мой государь?

– Мне интересно: как вы из закрытой комнаты выбрались?

– Господь вразумил как...

– Ладно, пусть это будет твоя тайна... так даже увлекательней... Кстати, Алина, я поклялся тебе, что ни в чем не буду обвинять дочь Тревора, и я не буду... Но скажи: ты действительно из-за нее потеряла ребенка?

– Вы, мой государь задаете такие странные вопросы... Вы такой же, как мой супруг... вы оба с легкостью преступаете христианские заповеди и не задумываетесь о будущем ваших душ, но в магию, колдовство и ведьм верите безоговорочно... Хочется Вам верить, что моя дочь летает на помеле – верьте.

– Я спрашивал не об этом.

– А о чем? Мой супруг запер нашу дочь в башне вместе с грубой, глухонемой служанкой. Девочка около полугода даже поговорить ни с кем не могла... а потом ей в руки попадает книга... Ваша книга, между прочим... и она от безысходности начинает рисовать знаки,

лепить фигурки и всякую прочую чушь, которую там видит... От безысходности, понимаете? Ей больше нечем заняться... у нее нет больше ни книг, ни игрушек... И у вас обоих поворачивается язык обвинять ее...

– Алина, ты знаешь, я видел много преступников... и ты не поверишь, но почти все они считали, что у них были очень веские причины преступить закон. Они считали, что были не виноваты... просто обстоятельства так сложились... Понимаешь, о чем я? Закон нельзя преступать ни при каких обстоятельствах... тебе не кажется?

– Вы на себя сначала оборотитесь, мой государь... а потом бросьте камень, ежели без греха.

– Ладно, оставим эту тему... Главное, что ты жива осталась... простила ее, и Бог с ней... Надеюсь, в монастыре ей вправят мозги в нужную сторону... К тому же монастырь ты ей подходящий нашла. Я лишь в глаза отцу-настоятелю глянул и понял, почему ты, рискуя жизнью, к нему ее потащила... у него она не посмеет даже помыслить еще о чем-то подобном. Строг настоятель, ой строг...

– Это к кому как... – на губах Алины появилась лукавая улыбка.

– Ну, Алина... не о тебе же речь... Что о тебе говорить? Тебя не любить невозможно... тебя любят все.

– А больше всех Ваш младший братец Бенедикт, сестрица Ваша Лидия, да кузен Ваш – Вилли. Они все от меня без ума.

– Про Лидию, это ты напрасно... Она к тебе неплохо относится... скорее королева к тебе предвзята... но это понятно почему... А эти двое не могут тебя любить, потому что ненавидят меня... и знают, что ты поддерживаешь меня, и уже не раз мне помогала... Они, правда, не знают, что живы тоже только благодаря тебе, ведь если бы не ты, их бы давно придушили как-нибудь темной ночью неизвестные разбойники и душегубы...

– Артур, который раз говорю: они нужны Вам. Нужны как индикатор лояльности, как сопредельных правителей, так и Ваших подданных... Вы должны отслеживать все их контакты, но ни в коем случае не уничтожать.

– Знаю... знаю... но мой братец скоро доведет меня до предела... Ты знаешь, он начал внушать королеве, что я влюблен в тебя, и если она не вмешается, я в ближайшее время сошлю ее в монастырь...

– Откуда такие сведения?

– Две ближайšie фрейлины королевы – мои доверенные лица, и они с удовольствием рассказывают мне все и обо всех. Сопоставив их рассказы, я имею достаточно достоверную картину.

– И что королева?

– Пока ничего... но я сейчас вернусь из этой нашей увлекательной поездки с герцогом, и у нее появится еще один повод призадуматься над его словами.

– Кстати, как Вы ее обоснуете?

– Ты потеряла ребенка и с горя хотела уйти в монастырь, вместе со старшей дочерью Тревора... Герцог рассказал мне о твоих планах, и мы с ним вернули тебя, заставив настоятеля монастыря выдать тебя нам, а вот его дочь мы согласились там оставить. Все было бы вообще складно, если бы не твои заявления, что ты едешь ко мне во дворец... Хотя, это как раз может объясняться истинной причиной, что ты хотела иметь фору в пути... и то, что мы повелись на твою уловку и вернулись обратно во дворец, реально тебе ее дало.

– Как герцог Вас вызвал? Он при всех все объяснял?

– Твой супруг не настолько глуп... При всех он сказал лишь, что ты потеряла ребенка и находишься при смерти, после чего попросил аудиенции с глазу на глаз. И уже во время нее сказал, что у него есть подозрения, которые ты усиленно опровергаешь... и попросил, чтобы я сам поговорил с тобой, если успею... Как ты понимаешь, я не мог отказать...

– Что ж, тогда история действительно получается складная...

В это время в дверь вошел герцог, которого сопровождал хозяин постоянного двора, держащий в руках поднос с едой.

– К столу сядете, миледи, или на кровати откушать изволите? – спросил он.

– На кровати... голова кружится, когда встаю, – не поднимая на него глаз, тихо проговорила герцогиня.

– Тогда приподнитесь повыше, – герцог дождался, чтобы Алина села, опершись на подушки, заботливо подложенные ей под спину королем, и сам, взяв поднос из рук хозяина постоянного двора, поставил его на ее колени. – Вы что-то еще желаете?

– Нет... Оставьте меня, милорд. Если мне понадобится что-то, я позову.

– Как скажете, миледи, – кивнул герцог и вместе с хозяином постоянного двора вышел.

– Да, кухня... а ты умеешь быть безжалостной, – на губах короля появилась саркастическая усмешка.

– Что Вы имеете в виду?

– Алина, да ладно... ты все прекрасно понимаешь... Ты не то что холодна, ты просто ледяная, когда разговариваешь с ним. У тебя единственно что, снег изо рта не сыплется...

– Я не могу с ним иначе... он бесчувственный и бездушный... его не интересует ничего, кроме его положения в обществе и общественного мнения. Я думала раньше, что он хоть дочерей своих любит, а он их ненавидит так же, как и меня...

– Ты считаешь, что он ненавидит тебя? Да на него смотреть больно было, пока он думал, что ты умираешь...

– Я нужна ему... только и всего... я его козырная карта в игре с Вами... без меня он перестает так интересоваться Вас, а придворная жизнь для него значит все... и еще он хочет хотя бы внешне обладать мной, это льстит его самолюбию... но он никогда не простит мне, то что отдал меня Вам... и дочкам своим, видимо, тоже... Он самолюбив до безумия... Вы унизили его... Вам он простил это, так как Вы сильнее и потому что Вы стараетесь сделать так, чтобы все внешне было очень достойно... а вот мне это он не простит никогда.

– Тебе?

– Да, мой государь, именно мне... потому что я знаю правду о его унижении... и еще дочерям.

– Алина, брось... Ты-то тут причем? Я знаю, что ты очень проницательна, но к нему ты сейчас необъективна... Я понимаю, что ты злишься на него из-за того, что своим жестоким обращением, как ты считаешь, он подтолкнул дочь к тому, что она натворила... но вспомни... она и прежде была неадекватна... это же она вытолкнула его младшую дочь в окно. Так что твоя протеза с самого начала была ненормальной, не надо обвинять герцога. А к тебе он очень внимателен и максимально заботлив... Так что в данном случае ты несправедлива. Я очень доволен поведением герцога и надеюсь, ты тоже постарайся пересмотреть свое отношение к нему.

– Я не могу...

– Тебе придется! Он твой супруг!

– Ничего мне не придется! Заставить меня быть с ним ласковой Вы в любом случае не сможете! Если для него весь наш брак был фарсом, то и меня он не будет большим... Я выношу рядом его присутствие и соблюдаю правила приличий, но большего от меня не ждите! И вообще, кто-то говорил о нашем с ним разводе...

– Про развод и думать забудь... После того как я видел твои глаза, когда мы увозили тебя из монастыря, я не пойду на это никогда... Позволить тебе развестись, что бы ты тут же вернулась в монастырь? Нет, Алина... я не допущу этого... И хватит разговаривать. Кушай... а

то я прикажу вздернуть хозяина постоянного двора, раз ты не хочешь есть то, что он приготовил для тебя.

Герцогиня печально покачала головой:

– Как же вы в этом похожи... оба безжалостные и не останавливающиеся ни перед чем, когда идете к своей цели... Съем я все, съем... только оставьте меня... в Вашем присутствии, милорд, у меня сейчас и кусок в горло не ползет.

– Хорошо, Алина, – король поднялся, – я пришлю тебе какую-нибудь служанку, она подежурит у тебя и во всем поможет.

Король вышел из комнаты и, приоткрыв следующую дверь, заглянул. Герцог сидел на кровати, наклонившись и положив голову на сцепленные руки, которые он упер в колени.

– О чем задумался, Алекс? – король шагнул в комнату и плотно закрыл за собой дверь.

Герцог тотчас поднялся.

– Да так, Ваше Величество... ни о чем. Просто устал немного.

– Можешь не скрывать... я вижу, как тебе тяжело выдерживать ее такое отношение. Характерец у моей кузины не из легких... но я с самого начала предупреждал тебя...

– Да, ее принципы и убеждения сложно поколебать, к тому же у нее незыблемые представления о добре и зле... Вам ведь тоже не просто с ней... Вы так и не смогли приручить ее. Она ведь больше ни разу не допустила Вас... и вряд ли допустит еще, хотя и потеряла Вашего ребенка. Возможно, Вы дали ей слово.

– С чего взял?

– Она... она смотрит на Вас, как на друга... в этом нельзя ошибиться... И еще Ваши фаворитки... Ведь Вы обхаживаете их на глазах у нее... А она равнодушно и безучастно взирает на все это... При этом порой достаточно лишь ее слова или презрительно скривленных губ, чтобы Вы сменили любую из них.

– Не боишься вот так открыто говорить мне это?

– Вы больше цените открытые взаимоотношения... Кстати именно это Вам больше всего нравится в Алине. К тому же мне больше нечего терять... Иногда мне хочется умереть...

– Умирать не надо, Алекс... Неужели ты не ценишь, что она подле тебя? Моя кузина прекрасна, несмотря ни на что, и одно ее присутствие это уже чудо.

– Может быть, государь... хотя временами мне хочется, очень хочется, чтобы она полностью принадлежала Вам или оступилась, и у нее появился кто-то третий... я бы сам согласился ей его найти, лишь бы она перестала быть такой недоступно-безгрешной.

– Это невозможно, Алекс... – король усмехнулся.

– Вы уверены?

– Абсолютно... теперь абсолютно уверен.

– А если я сумею склонить ее к этому?

– Зачем?

– Согрешив раз, она научится воспринимать это естественней... и Вам станет с ней легче... тогда, возможно, в награду за это Вы позволите мне тоже использовать свои права на нее...

– Н-да... – король задумчиво покачал головой, – ты умеешь заинтересовать... Что ж попробуй. Я даже помогу, хотя не верю в успех... только смотри, не перегни палку, я не прощу тебя, если с ней что-то случится.

– Я буду предельно обходителен с ней, в любом случае разменной монетой будут лишь чужие жизни и здоровье, обещаю.

– Тогда развлекайся. И если от меня что-то потребуется, скажи, я помогу.

Алина стояла у окна своей спальни, когда дверь распахнулась, и на пороге показался герцог, рядом с ним стоял атлетически-сложенный и миловидный юноша.

– Вы не очень заняты, дорогая?

– Милорд, я уже привыкла, что Вы входите без стука, куда бы то ни было... но когда Вы не один, это уже слишком... Вам не кажется?

– Не сердитесь, миледи... – герцог шагнул к ней и, подхватив ее руку, прижал к губам, – я надеюсь, что Вы примете мой подарок, и ему не будет надобности стучаться тоже...

Он обернулся к сопровождающему ему юноше:

– Дверь закрой.

Тот тут же выполнил приказание.

– И как же это надо понимать?

– Это подарок, мой подарок Вам, дорогая, и я очень надеюсь, что он Вам понравится, а еще больше на это надеется он.

Юноша тотчас шагнул к Алине и, упав перед ней ниц, осторожно коснулся руками ее туфель:

– Госпожа, позвольте мне служить Вам... я клянусь, что буду предан.

– Милорд, прекратите сейчас же этот балаган! Что все это значит?

– Это значит лишь одно... Я выкупил этого мальчика у короля перед казнью... Мне он понравился, и я решил сделать его Вашим пажом... но если он не нравится Вам, я верну его палачу.

– Вы решили окружить меня преступниками?

– Он раскаялся, дорогая... к тому же он виноват лишь в недоносительстве... Его сестру признали колдуньей, а так как король теперь очень ревностно старается искоренять все, что связано с колдовством, то мальчика по закону должны четвертовать... Король согласился помиловать его лишь с условием, что Вы лично будете следить за ним, контролировать его и держать всегда при себе.

– Что это значит, милорд? – очередной раз повторила свой вопрос герцогиня.

– Ничего, кроме того, что я уже сказал. Нравится Вам мальчик, он Ваш, нет – я верну его на эшафот.

– Да какой он мальчик? Он уже взрослый юноша, он, скорее всего, мой ровесник... Какой из него паж?

– Вы считаете, что его возраст достаточное основание, чтобы возратить его палачу? По мне, так он еще совсем мальчик. Не маленький, правда, но это даже лучше: меньше мороки, больше пользы, охранять Вас будет.

– Вам мало того, что все мои служанки докладывают Вам о каждом моем шаге? Вам нужен еще один Ваш верный страж подле меня? Зачем Вам это?

– Значит, Вы отказываетесь?

– Я возьму его... знаете ведь, что возьму... только вначале я хочу знать причину!

– Причин две. Первая: я волнуюсь за Вас, моя дорогая. Вторая: я пожалел его, что конечно очень нехарактерно для меня... но я подумал, что могу использовать его... Я заранее предупредил его, что потребую от него просто собачьей преданности Вам. И если ее не будет, он пожалеет о том, что пожалел его, и палач не четвертовал его... потому что я могу быть и жестче чем палач. Поэтому еще разочек подумайте и скажите: возьмете Вы его или нет.

– Милорд... я не понимаю... что Вы имеете в виду?

– Что тут непонятного? Я волнуюсь за Вас... я часто уезжаю... я хочу, чтобы с Вами всегда кто-то был рядом, как охраняющая Вас собака. Утром, днем, вечером, ночью – всегда у Ваших ног, готовый выполнить любой Ваш приказ, желание, причуду... Все, что Вам в голову

придет. Сильный и крепкий, способный защищать и оберегать. А я лишь буду изредка контролировать, как он это делает...

– Вы не доверяете мне настолько, что теперь хотите и ночью кого-то держать в моей спальне?

– Ну что Вы, дорогая! Мне и в голову такое не приходило... Ваша нравственность выше всяких подозрений... даже застав Вас в объятиях мужчины, я не подумаю ничего дурного... Мальчик ни в коем случае не должен Вам ни в чем мешать. А будет мешать, скажите мне, я научу его как себя вести в том или ином случае...

– Это Вы говорите мне? Считаете, что статус супруга дает Вам право хамить и оскорблять меня?

– Извините, герцогиня... это была пошлая шутка, не обижайтесь... Общение с государем на пользу не идет... Но если серьезно, мальчик выполнит все, что Вы пожелаете... и следить за Вами я его заставлять не собираюсь. Хотите, ему язык отрежут? Чтоб Вы не думали, что у меня такие планы?

– Можете заставлять следить, мне скрывать нечего. Пусть остается и следит.

– Значит, сейчас ему отрежут язык. Соглядатай мне не нужен.

– Прекратите! Только попробуйте!

– А что? Я думаю, мальчик предпочтет лишиться языка, чем рук, ног и, истекая кровью, валяться на рыночной площади, облепленный мухами, пока не сохнет...

– Милорд, прекратите! Мне не нужен немой паж.

– Точно не нужен немой? А то это пара минут... А не немой нужен?

– Да. Пусть остается. Только что-то мне не верится в рассказ о том, что Вы пожалели его...

– Расспросите его. Мальчик всю душу вывернет... а не вывернет, скажите, что он не хочет быть откровенным, и я научу его откровенности... Вы же знаете, я очень хорошо умею объяснять, что и как обязаны делать слуги. Он уже знает... Так ведь? – герцог ногой тронул лежащего у ног герцогини юношу.

– Да, господин... – едва слышно прошептал тот.

– Что Вы сделали с ним?

– С ним – ничего... Он просто присутствовал, пока мы с королем допрашивали парочку преступников... А потом король спросил его: сам он признается или его тоже допрашивать надо. Мальчик решил все рассказать сам. А пока он рассказывал, я вдруг подумал, что может, он лучше будет смотреться у Ваших ног, чем на рыночной площади... и сказал об этом королю. Его Величество, конечно, не был в восторге от моего предложения, но мысль о том, что Вы сможете в наше с ним отсутствие рассчитывать на помощь мужчины, не могла не тронуть и его. Поэтому он согласился.

Герцог усмехнулся, и вновь тронул носком ботинка распластанного на полу юношу: – Благодарю свою госпожу, и при посторонних можешь обращаться к ней "Ваша Светлость", ну и ко мне соответственно. А вот наедине с ней будешь вести себя так, как положено рабу и никак иначе...

– Да, господин, я все понял... – юноша чуть приподнялся и поцеловал туфельку Алины, – Благодарю Вас, госпожа... я буду очень предан и послушен.

– Попробуй только не быть... – мрачно заметил герцог и добавил: – Кстати, узнаю, что ты посмел хоть раз оставить свою госпожу, будешь наказан. Исключение может быть, только если ты выполняешь такое ее поручение, которое нельзя перепоручить слугам. Все задания типа: принести, передать, отнести, найти и того же типа должны выполнять они. Ты должен всегда быть подле нее: сидеть рядом, помогать, поддерживать, подавать, читать книги, стихи, развлекать, петь... все, что она пожелает... и еще по возможности разбираться со слугами, а

то это тяготит мою супругу... И самое главное постарайся ей не надоест... я не для этого тебя брал.

– Да, господин, – кивнул юноша, после чего подошел к Алине и встал перед ней на колени. – Госпожа что-нибудь желает?

– Да, желает... – кивнула Алина, – Евангелие мне сейчас считаешь...

– Это чуть позже... – прервал ее герцог, – сейчас мы пойдем, поедим.

– Завтрак уже прошел, а до обеда еще далеко, милорд.

– Вам, моя дорогая, необходимо полноценно питаться. И раз Вы едите так помалу, это должно быть чаще. Вы до сих пор бледны, и голова у Вас часто кружится. Еда и длительные прогулки, лучшее лекарство, так и отец-настоятель говорил, и Лерон тоже советует. Поэтому не спорьте.

– Милорд, Вы и так заставили Сюзен постоянно бегать за мной, уговаривая каждый час съесть еще что-то... Теперь Вы хотите это тоже контролировать сами?

– Нет, я хочу поручить это ему... – герцог с улыбкой кивнул в сторону юноши, – а сейчас я хочу понаблюдать, способен ли он выполнить подобное поручение. Пойдемте, дорогая, не отказывайте мне, – а потом с саркастической усмешкой добавил: – Не вынуждайте меня искать, кто виноват в том, что Вы мне отказываете. Я ведь найду...

– Кто б сомневался, – губы герцогини презрительно изогнулись, – в Ваших способностях находить виноватых, сомневаться не приходится.

– Так Вы идете?

– Да. Разве я посмею отказать Вам, особенно после такого предупреждения. Все будет, как Вы пожелаете, милорд.

– Дорогая, Вы прекрасно знаете, что все, что я делаю это лишь ради Вас и Вашего благополучия.

– Да, неужели? – герцогиня вдруг резко изменила тон, в ее глазах сверкнуло неприкрытое раздражение. – Это ради меня Вы отправили Луизу и Марию в самый суровый женский монастырь? И ради моего благополучия меня вчера даже не пустили на его порог, мотивировав это приказом короля, что Вы вольны решать судьбу дочерей по собственному усмотрению, и Вашими указаниями? Это все ради меня?

– Так Вы вчера ездили туда, пока я был в столице? Напрасно, дорогая... Вам нельзя сейчас ни так утомлять себя, ни нервничать... А про монастырь, я ведь уже говорил Вам, что это было желание короля, чтобы я отправил их туда.

– Милорд, Вы лжете! Теперь я знаю, что это Вы настояли на этом, и монастырь выбрали именно Вы, и запретили им видаться с кем бы то ни было, и в первую очередь со мной, тоже Вы.

– Да, миледи. Это действительно мое решение. Но мне хватило истории с Катариной. Повторения я не потерплю! К тому же это ближайший к столице монастырь.

– Ближайший есть в столице, причем с открытой школой для девочек. А Вы их отправили туда, куда уже долгие годы и короли, и вся знать отправляют тех женщин, которых хотят наказать и от которых хотят избавиться.

– Да, там суровые порядки... Но для девочек это благо. Их научат и повинаться, и любить Бога. Вы, кстати, должны быть счастливы, что я хочу, чтобы девочки стали более набожными, и не приобщаю их к тем нравам, что царят здесь.

– Все, что происходит здесь, происходит непосредственно с Вашим участием и с Вашего одобрения!

– Вы считаете, я могу идти против воли короля? Если даже Вы неспособны остановить его, то что говорить обо мне... Я лишь покорный его слуга, который безропотно исполняет его волю. Я, кстати, восхищаюсь, как Вы спокойно и с достоинством воспринимаете все, что здесь происходит, и как умеете если не противостоять, то вести себя так, что Вы оказываетесь выше всего этого, и все это даже не касается Вас. Но девочки так не смогут... поэтому лучше,

чтоб они были подальше отсюда. Подойдет время, и если я найду им подходящих женихов, то позволю им выйти оттуда, чтобы вступить в брак. А сейчас пока все останется так. Именно ради их блага и Вашего спокойствия.

– Милорд, это все звучит великолепно... если бы Вы рассказывали это кому-нибудь еще, только не мне... потому что я знаю, что стоит за всеми этими словами...

– Это лишь Ваши домыслы, дорогая. К тому же это вопрос уже решенный, Вы все равно ничего не измените. Поэтому оставьте, не надо.

– Я хочу иметь возможность хотя бы видеться с ними.

– Нет! Пока это будет в моей власти, я не допущу этого, – жестко ответил герцог, а потом, помолчав немного, с милой улыбкой совсем другим тоном добавил: – Давайте оставим эту тему. Пойдемте, поедим. Вы обещали. Не надо портить себе настроение перед едой. Это плохо влияет и на аппетит и на пищеварение. Вам сейчас надо набираться сил, а не нервничать по пустякам.

– Хорошо, – тяжело вздохнув, согласилась герцогиня. Потом, осторожно коснувшись плеча, стоящего перед ней на коленях юноши, проронила: – Вставай, пойдём... и не надо так буквально понимать слова герцога, что ты должен быть всегда у моих ног. Я не люблю, когда передо мной стоят на коленях.

– Да, госпожа, как прикажете...

– "Ваша Светлость", – поправила она его и направилась в сторону двери.

– Да, Ваша Светлость, – юноша быстро опередил ее и, распахнув дверь, пропустил ее и герцога.

– Сообразительный, – удовлетворенно хмыкнул герцог.

– Как его зовут? – обернулась к нему Алина.

– Зачем Вам знать? Зовите его, как хотите. Вряд ли мальчик будет рад слышать собственное родовое имя, после всего что произошло.

– Я хочу знать.

– Виконт Виктор Орестер. Вы удовлетворены?

– Милорд, да как Вы посмели? – в глазах герцогини полыхнула мрачная злоба.

– Алина, Вы великолепны, когда злитесь... – рассмеялся герцог. – Я обожаю Вас.

– Так это специально для меня? Это была Ваша идея?

– Алина, это – стечение обстоятельств. Все было именно так, как я Вам рассказывал...

– Вы знаете, ведь я чуть было не поверила... но оказывается у Вас нет ни только жалости или сострадания, Алекс... У Вас вообще нет сердца.

– Конечно, дорогая... Вы давным-давно разбили его.

– Я? Я разбила его? А может, Вы разбили его самостоятельно? А теперь злитесь на весь свет из-за этого... и на меня в первую очередь...

– Да, да я помню... Вы предупреждали... молили и просили... Только это не могло изменить ничего... а потому было не более чем Вашей попыткой переложить всю вину на меня. Но я и не отпираюсь. Считайте и дальше, что во всем виноват лишь я.

– Милорд, Вам не будет легче оттого, что Вы делаете очень больно всем окружающим...

– Алина, Вы не поверите, но я и не жду, что мне станет легче... мне уже все равно...

– Ели бы Вам было все равно, Вы не стремились бы к этому. Вы хотите заглушить чужой болью свою... но это не принесет Вам облегчения.

– Я стремлюсь только к одному, моя дорогая: чтобы было хорошо Вам.

– Да, я вижу это... – с сарказмом ответила герцогиня, – ладно, оставим... бесполезно все это. Бесполезно кричать, когда тебя не слышат и, самое главное, не хотят слышать.

– Когда это я не слышал Вас? Я всегда стараюсь выполнять любые Ваши желания... даже предвосхищать их, если они, конечно, не противоречат здравому смыслу. Вам грех жаловаться. Это Вы не слышите меня и не хотите принимать ни мою заботу, ни мою опеку. Возможно, хоть

ему, – герцог кивнул на юношу, в нерешительности замершего позади них, – удастся окружить Вас тем вниманием, которое Вы отказываетесь принимать от меня.

Герцогиня ничего не ответила, она печально покачала головой и пошла вдоль по коридору, направляясь в обеденную залу. Герцог и юноша последовали за ней.

Закончив трапезу, герцогиня решительно встала и, устремив взгляд на герцога, тихо проронила:

– Вы еще что-то от меня хотите, или я могу пойти отдохнуть?

– Дорогая, – герцог тоже поднялся, – Вас столь утомляет мое присутствие, что Вам необходимо отдохнуть от него? Потерпите немного. Я ведь бываю в замке не особенно часто, и вечером вновь уеду, не лишайте меня радости лицезреть Вас...

– Милорд, я, конечно, буду счастлива порадовать Вас своим присутствием, но сомневаюсь, что Вас даже в моем обществе заинтересует слушание Евангелия.

– Не заинтересует, это точно. Но может, Вы согласитесь перенести чтение этой столь увлекательной книги, которую Вы, по-моему, уже должны были выучить наизусть, так часто Вы ее читаете, на более позднее время, например, когда я уже покину замок?

– И как Вы намерены провести то время пока Вы здесь?

– Я бы хотел прокатиться по лесу с Вами на лошадях.

– Вы шутите? У меня кружится голова, даже если я резко встаю, а Вы хотите, чтоб я скакала в седле.

– Я не предлагаю Вам скакать, герцогиня. Я предлагаю Вам шагом проехаться по лесу в сопровождении Вашего паж и меня. Я выберу Вам самую спокойную лошадь. Вам необходим свежий воздух, а Вы целыми днями сидите в своих комнатах и либо молитесь, либо читаете, либо вышиваете что-то. Это не дело. Я хочу, чтоб Вы гуляли. До этого я боялся отпускать Вас на прогулки, но теперь, когда за Вами есть, кому присмотреть и помочь Вам... это совсем другое дело. Не упрямитесь, дорогая, Вам должно понравиться. Вы раньше всегда с удовольствием составляли компанию королю и ездили в лес.

– Вы хотите, чтоб я так гуляла постоянно?

– Я сейчас посмотрю, как мальчик держится в седле и насколько он может Вам помочь, и если мне понравится, то я буду настаивать, чтобы эти прогулки были регулярными.

– Я поняла... Вы решили сегодняшней день посвятить его муштре... что ж не смею Вам мешать. Развлекайтесь. Можете идти с ним на конюшню. Я сейчас переоденусь и тоже подойду.

– Он пойдет с Вами. Я хочу, чтоб он не отходил от Вас ни на шаг...

– Вы серьезно?

– Абсолютно.

– Вы хотите, чтобы он присутствовал, пока я буду переодеваться?

– Да.

– Вы отдадите себе отчет в своих словах? Этого не будет никогда! Возможно, мне и не помешает сопровождение на прогулках или иная его помощь, но позволить ему это я не могу.

– Почему?

– Хотя бы потому, что он мужчина.

– Вы же не отказывались от помощи врача по этой причине? Не так ли?

– Врач в первую очередь врач, а уже потом мужчина.

– Вот и он в первую очередь Ваш слуга. И если Вы сейчас откажетесь от его услуг по этой причине, я прикажу кастрировать его, чтоб Вам и в голову не приходило воспринимать его, как мужчину.

– Даже так, – герцогиня судорожно сглотнула. – Ну что ж, хотите меня унижать, унижайте. Я, конечно же, не посмею не согласиться... Пойдемте, Вы это тоже сами проконтролируете.

– Думаете, я откажусь? Нет, миледи, я отказываться не буду. По одной простой причине. Я не понимаю, чем Вас может унижать помощь такого слуги. Вам ведь достаточно будет сказать мне, что он посмел хотя бы взглянуть на Вас так, что Вам это не понравилось, и я заставлю его больше никогда не то что не позволять себе такого, а даже не сметь думать о таком.

Герцогиня, ничего не отвечая, вышла и прошла к себе в комнаты. И герцог, и Виктор последовали за ней.

Там она позвала Сьюзен и, приказав принести костюм для верховой езды, переделалась в присутствии обоих мужчин, после чего отослала камеристку.

– Вы удовлетворены, Алекс? – проронила она ледяным тоном, взглянув на супруга. В глазах ее застыло выражение холодного равнодушия.

– Вполне, – кивнул тот.

– Ваша изощренность потрясает меня до глубины души, герцог. Это как же меня надо ненавидеть, чтобы додуматься до такого?

– Ну не придумывайте, дорогая. Какая ненависть? О чем Вы? Я всячески стараюсь угодить Вам... а Вы говорите такое... Чем я обидел Вас? Тем, что хочу, чтобы Ваша камеристка всегда была под присмотром и, чтобы мальчик в случае необходимости мог заставить ее помогать Вам так, чтобы Вы были довольны? Кстати о Вашей камеристке... Это она Вам наговорила, что я заставляю ее докладывать мне о каждом Вашем шаге?

– Алекс, прекратите.

– Нет уж, дорогая, давайте выясним... Вы сегодня сказали, что все Ваши служанки докладывают мне о каждом Вашем шаге, так? С чего Вы это взяли?

– Да вижу я, вижу! Вы кстати наказываете Сьюзен больше всех, потому что она как раз меньше всех говорит Вам.

– Ах даже так... Значит, она считает, что я наказываю ее лишь за это. Что ж мне очень жаль, что она не поняла, что я от нее требую, да еще и Вам голову подобной ерундой забила, – с угрозой в голосе проговорил герцог.

– Алекс, Вы собираетесь наказывать ее еще и за это?!

– Наказывать не буду... я лишь прикажу отрезать ей язык, чтоб у Вас больше не было поводов думать, что я слежу за Вами и наказаниями выбиваю из Ваших служанок не лень и дурь, а сведения о Вас.

– Не смейте! Слышите, не смейте, милорд!

– И как же Вы, позвольте узнать, запретите мне это?

– Я не хочу иметь немую служанку!

– Не хотите? Замечательно! Ее вздернут сегодня же. А Вам найдут десяток других, из которых Вы выберете тех, кто Вам понравится... а я научу их повиноваться и раскрывать рот, лишь отвечая Вам.

– Алекс, не надо! Пожалуйста... Я прошу Вас... Сьюзен нравится мне. Я умоляю Вас. Ну что Вы хотите, чтоб я сделала? Я сделаю. Только не трогайте ее.

– Вы так привязаны к слугам? Герцогиня, мне это крайне не нравится... – раздраженно произнес герцог. – Это может, конечно, согласуется с Вашей христианской моралью, но абсолютно противоречит и здравому смыслу и элементарным нормам поведения. Такие взаимоотношения со слугами к добру не приводят. И я не намерен потакать подобным глупостям.

– Алекс, она хорошая камеристка, честная, преданная, умелая и расторопная. Я не хочу ее терять!

– Вы и не потеряете, у нее всего лишь на всего не будет языка. Но это и к лучшему. Вы будете уверены, что она ничего о Вас никому не рассказывает.

– Герцог, не надо... мне все равно что она будет говорить про меня, пусть говорит... я умоляю Вас: не надо!

– Хватит пререканий, миледи. Вы ведь знаете, на меня Ваши мольбы не действуют. Еще слово о ней услышу, и я вместо лишения языка, прикажу лишить ее всех остальных частей тела: начиная с ног и заканчивая головой.

– Вы – злобный изверг! – герцогиня закусил губы.

– Зато Вы у нас сплошная добродетель, это все уравнивает. Вы потом поймете, что так будет лучше в первую очередь для Вас. Идите с мальчиком на конюшню, я догоню вас.

– Герцог, я пожалуюсь королю.

– На счет чего? – герцог мрачно усмехнулся. – Что я решил наказать служанку? Или что нашел того, кто будет постоянно находиться при Вас? Первое полностью в моей власти, а на счет второго он в курсе, миледи, и ничего не имеет против... Я не скрывал, для чего забираю мальчика. Он не считает, что его помощь хоть как-то может оскорбить или унижить Вас. К тому же Вы можете от нее отказаться в любой момент.

Герцогиня отошла к окну и, схватившись рукой за его переплет, чуть запрокинула голову. В глазах ее сверкали слезы, она тяжело, судорожно дышала.

– Приказать, чтобы Вам принесли успокоительные капли? – поинтересовался герцог, внимательно посмотрев на нее.

– Не надо, – тихо проговорила она.

– Что ж, как хотите, – герцог подошел к ней сзади и осторожно коснулся плеча, – когда успокоитесь, приходите на конюшню, только не задерживайтесь долго... А то я, чтобы скрасить ожидание, порядок еще и там наводить начну...

– Я... я не заставлю Вас... долго ждать, – с трудом ответила она. Ее рука, сжимавшая раму, подрагивала, а пальцы от напряжения побелели.

– Вот и хорошо, дорогая, – герцог нежно провел ладонью по ее спине, а потом развернулся и стремительно вышел из комнаты.

Виктор замер в нерешительности. Он видел, что супруге герцога очень плохо, но не знал чем помочь. Наконец он не выдержал и, подойдя к ней, тихо спросил:

– Я могу что-то сделать для Вас?

– Нет, – хрипло проговорила герцогиня, не оборачиваясь, плечи ее подрагивали, и она никак не могла восстановить дыхание.

– Вам совсем плохо? Может, позвать врача?

– Не стоит... – герцогиня судорожно сглотнула, а потом раздраженно повела плечами, – мне плохо лишь от собственного бессилия... И выхода никакого нет, и сделать ничего нельзя. Это действительно его право.

Она отошла от окна, подошла к распятию, висевшему на стене, опустилась перед ним на колени и стала тихо о чем-то молиться. Потом склонилась к полу, а затем резко поднялась и обернулась к Виктору:

– Пойдем, а то герцог ждет.

Идя следом за герцогиней, Виктор с интересом наблюдал за ней. От недавнего ее нервного приступа не осталось и следа. Герцогиня выглядела на удивление спокойной. Все ее движения были неторопливы и полны внутреннего достоинства. Войдя на конюшню, она смерила холодно-презрительным взглядом герцога и бесстрастно проронила:

– Ну как, Вы лично все проконтролировали или на палача понадеялись?

– Это сделал врач. Осторожно и не особенно болезненно. Я думаю, она уже сегодня вечером сможет вернуться к исполнению своих обязанностей. Если Вы, конечно, не передумаете ее оставить подле себя.

– Так Вы уже и Лерона заставили палачом поработать. Мило, – герцогиня, едва заметно скривив губы, усмехнулась.

– А Вы думаете, он может отказать мне хоть в чем-то? С тех пор как король обвинил именно его в том, что Вы потеряли ребенка, и велел неотлучно находиться при Вас, а Вы его услугами пренебрегаете, бедняга каждый день ждет если не казни, то наказания.

– А Вам нравится держать его в этом состоянии, и поэтому Вы не отпускаете его.

– И не отпускаю. Удобно всегда под рукой иметь неплохого врача, обязанного тебе жизнью. Ладно, оставим Лерона. Вам оседлали Весту. Спокойная и вымуштрованная молодая кобылка, у Вас не должно быть с ней проблем. Скажите мальчику, чтобы помог Вам.

Герцогиня обернулась к Виктору. Он тут же без слов, взял повод у конюшего и подвел к ней серую лошадь с темной гривой, а потом помог сесть в седло. Герцогиня еле заметным кивком поблагодарила его и, тронув лошадь, выехала во двор.

Герцог положил руку на плечо Виктора и, склонившись к его уху, тихо, но с нескрываемой угрозой произнес:

– Старайся, мальчик, старайся. Потому что лишь от расположения Ее Светлости зависит, как твоя жизнь, так и самочувствие. Ей должно быть очень комфортно с тобой. В противном случае тебе останется лишь посочувствовать. Я не терплю нерадивости особенно по отношению к супруге. И еще постарайся поменьше трепать языком со всеми кроме нее, ей даже в голову не должно придти, что ты можешь обсуждать ее с кем бы то ни было, даже со мной... иначе тебя постигнет участь Сьюзен.

– Да, Ваша Светлость, – Виктор кивнул.

– Вон того черного жеребца для тебя оседлали – герцог разжал руку и кивком указал на стоявшего в углу коня. Потом он знаком подозвал слугу, державшего за повод еще одного скакуна, вскочил на коня и ласково похлопал его по шее: – Вперед, Гранит.

Виктор, не мешкая, тоже вскочил в седло и выехал вслед за герцогом.

Вся прогулка по лесу проходила в молчании. Герцогиня ехала впереди, за ней Виктор, а чуть поодаль герцог. Через два часа они вернулись в замок. Виктор помог спешиться герцогине и проводил ее в ее комнаты, а потом они обедали.

Все это происходило под бдительным, молчаливым контролем герцога. Виктор постоянно чувствовал на себе его тяжелый мрачный взгляд, от чего у него внутри все холодело. Он изо всех сил пытался не показывать страха, но вести себя так, чтоб герцог был доволен. После того, как он видел, что он творил в подвалах королевского замка с теми, кого подозревали в преступлениях, ему очень не хотелось разгневать этого безжалостного и очень жестокого человека. И он с нетерпением ждал его отъезда.

Наконец герцог поднялся с кресла и проговорил: – Мне пора, дорогая. Я обещал королю, что вернусь к вечернему заседанию совета. Так ты оставляешь мальчика, тебя все устраивает в его поведении?

– Да, – тихо и равнодушно проронила та.

– По-моему, мальчик старается... ты не находишь?

– Да, я заметила.

– Я рад, что ты тоже так считаешь. И надеюсь, он за время моего отсутствия не разочарует тебя, – герцог шагнул к Виктору и резким движением руки приподнял ему голову, заглядывая в глаза: – Ведь ты будешь стараться, даже если меня не будет рядом, не так ли, мальчик?

– Да, господин, – Виктор едва заметно кивнул.

– Что ж будем надеяться все так и будет, – герцог убрал руку от лица Виктора и обернулся к герцогине: – Вы не пожелаете мне счастливого пути, моя дорогая?

Герцогиня медленно встала, подошла к нему, осенила его крестным знаменем и проговорила:

– Храни Вас Бог, милорд. Доброго Вам пути.

Герцог подхватил ее руку и с улыбкой поднес к губам, а затем спросил:

– Что передать королю?

– Пожелания благоденствия и здоровья.

– Он хочет приехать на днях.

– Ему разве требуется мое разрешение? Он волен приезжать в любое время, когда только захочет.

– Он не хочет обременять Вас. Он боится, что Вы еще недостаточно окрепли. После Вашего обморока на последнем пиру, он опасается, что это негативно отражается на Вашем здоровье.

– Передайте ему, что я ценю его заботу, и если он позволит, то воздержалась бы пока от присутствия на очередном пиршестве, но это абсолютно не мешает вам провести его здесь.

– Миледи, Вы прекрасно знаете, что лишь Вы истинная причина его появлений здесь.

– Я поговорю с ним, но не более того. Пока у меня нет сил, выносить ваше разгульное буйство с пьяными и развратными выходками. Это все без меня...

– Дорогая, Вы слишком строги... какое разгульное буйство? На последнем пиру никого не убили и почти никто не пострадал... Здесь король старается быть более сдержанным сам и требует того же от других. Не капризничайте, пообещайте, что примете его и хотя бы первую половину ужина проведете с гостями.

– Это его требование?

– Нет, моя просьба.

– А мою Вы сегодня выполнили?

– Миледи, это мелочно... – раздраженно поморщился герцог. – К тому же я ведь не казнил ее, хотя хотел... И вообще меня раздражает Ваше отношение к слугам и обращение с ними. Это недостойно Вашего положения.

– Не Вам учить меня блюсти достоинство... – герцогиня зло сверкнула глазами.

– Хорошо, хорошо, – герцог примирительно поднял руку. – Так Вы категорически отказываетесь присутствовать на пиру?

– Час, не больше, – герцогиня раздраженно повела плечами.

– Вы прелесть, дорогая. Я передам королю, – герцог с улыбкой вновь поднес ее руку к губам, затем склонил голову и вышел.

Герцогиня повернулась к Виктору:

– Пойдем в комнату, считаешь мне Евангелие.

– Да, Ваша Светлость, как пожелаете, – склонился перед ней Виктор.

Часа два Виктор читал Евангелие, а герцогиня безучастно стояла у окна и то ли слушала, то ли о чем-то думала.

– Достаточно, – наконец проронила она, – Мне надо проведать Сьюзен.

– Мне можно сопровождать Вас? – осторожно осведомился Виктор.

– Тебе нельзя не сопровождать меня. Герцогу докладывают все и обо всем. А когда он узнает, что тебя не было со мной, он непременно накажет тебя, так что можешь больше и не спрашивать, – со вздохом произнесла герцогиня. Ее красивые большие глаза были грустны и печальны.

– Ваша Светлость, Вы очень добры... но если мое присутствие Вам в тягость, то зачем Вы согласились его терпеть? – Виктор впервые пристально взглянул в глаза супруге герцога. Она казалась нежной и хрупкой, и в то же время в ней угадывалось что-то непоколебимое, словно тонкий стальной клинок, спрятанный в дивный, драгоценный футляр из тонкого хрусталя.

– Мой супруг научился заставлять меня делать то, что хочет он... и я знаю, что если я не соглашусь сразу, будет лишь хуже... Поэтому у меня нет другого пути, как смириться.

– Ваша Светлость, но, по-моему, он очень любит Вас...

– Да, и настолько, что прилагает все силы, чтобы сделать мою жизнь невыносимой. А заодно и свою... – мрачно усмехнулась она, – ладно, пойдем, нам надо поспешить.

Герцогиня быстро прошла по коридорам замка и остановилась перед одной из дверей. Неприметным движением достала откуда-то ключ с достаточно длинной золотой цепочкой, открыла дверь и, резко распахнув ее, вошла туда. Виктор последовал за ней и удивленно замер на пороге. Увиденная картина потрясла его до глубины души.

– Замечательно, Лерон, – совершенно невозмутимым тоном проговорила герцогиня, – я потрясена Вашей сообразительностью. Вы сами догадались воспользоваться ситуацией, что пожаловаться на Вас она не сможет, да если и попытается, я не пойму на что именно она жалуется или герцог присоветовал?

– Ваша Светлость, – лысый человечек в углу комнаты вздрогнул от неожиданности, судорожно всхлипнул и повалился на колени, – простите, Ваша Светлость.

– Лерон, я задала вопрос, но не слышу ответа, – все тем же тоном продолжила она.

– Я виноват, Ваша Светлость, – человечек на коленях пополз к ней и уткнулся в пол рядом с ее ногами, – я не знаю, что на меня нашло... Я люблю Сьюзен, и я не смог удержаться... Ваша Светлость, накажите, только не прогоняйте, молю... Я приму любое наказание.

– Любите? – герцогиня усмехнулась. – Лерон, я бы поверила Вам, если б Вы ее руки у меня просить пришли, а не юбку ей связанной у себя в комнатах задирали... Герцог ведь не раз предлагал Вам найти жену... что-то о ней Вы речи не вели.

– Я прошу ее руки, я ее прошу сейчас, Ваша Светлость, – человечек схватился за край платья герцогини и прижал его к губам.

– Даже так? Мило, очень мило... – герцогиня раздраженным движением отдернула край своего платья из его рук и, отойдя на шаг, повернулась к Виктору и, кивнув, на замершую на кровати Сьюзен, приказала: – Помоги ей.

Виктор шагнул к кровати, осторожно одернул юбку на привязанной служанке и принялся развязывать ремни на ее руках и ногах. Потом помог ей подняться и развязал платок, затыкающий ей рот.

Все еще всхлипывая, Сьюзен бросилась к герцогине, опустилась на колени и прижалась к ее ногам, крепко обхватив их руками.

– Ну не плачь, не плачь... успокойся... – герцогиня принялась нежно гладить ее по растрепавшимся волосам, – он ведь не успел ничего с тобой сделать и больше не обидит тебя. Вон он даже жениться на тебе предлагает... Хочешь его в мужья?

Девушка отчаянно замотала головой, из глаз ее с новой силой потекли слезы, потом схватила руку герцогини, прижала к губам и заглянула ей в глаза.

– Не хочешь, Сьюзен, и не надо, только не плачь. Ты останешься со мной, не волнуйся. Успокойся, моя хорошая... все прошло, все позади... никто больше не обидит тебя, – проговорила герцогиня, ласково поглаживая ее по голове и плечам.

Потом пристально посмотрела на скорчившегося на полу в шаге от нее маленького лысого человечка и презрительно скривила губы.

– Лерон, Вы хороший врач, я всегда с уважением относилась к Вам, и насколько Вы знаете, неизменно старалась защитить Вас как от гнева короля, так и моего супруга... И мне казалось, что Вы тоже неплохо относитесь ко мне, по крайней мере, с уважением. Поэтому то, чему я сейчас оказалась свидетельницей, повергло меня в полное замешательство. Я знаю, что и король, и герцог закрывают глаза на подобные происшествия... Будь Сьюзен не моей камеристкой, ей бы еще и попало за то, что она посмела Вам перечить. Но, Лерон, она моя, – герцогиня интонационно выделила последнее слово, – поэтому Ваши действия я воспринимаю, как оскорбляющие лично меня. Вы понимаете, о чем я?

– Да, Ваша Светлость, – хрипло проговорил врач, совсем вжимаясь в пол, – поэтому прошу, простите... я очень виноват и сейчас осознаю это, я приму любое Ваше наказание, только не лишайте меня Вашего расположения, молю. Если Сьюзен передумает или на то будет Ваша воля, я с удовольствием женюсь на ней.

При этих словах Сьюзен крепче сжала руку герцогини и вновь замотала головой.

– Да, я поняла, Сьюзен, никто тебя не будет заставлять выходить замуж, встань и успокойся... я с удовольствием оставлю тебя при себе, хотя партия для тебя явно выгодная, нечасто камеристке делает предложение известный придворный врач.

Та медленно поднялась и вновь замотала головой.

– Что ж, как хочешь, – продолжила герцогиня и повернулась к врачу. – Вставайте, Лерон, я не буду Вас наказывать. Однако надеюсь, что это не послужит поводом для того, чтобы Вы подумали, что Ваше поведение было допустимо.

Невысокий лысый человечек поднялся с пола, неловкими движениями поправил свой костюм, потом подошел к герцогине склонил голову и тихо произнес, – Ваша Светлость, когда я хотел так поступить со Сьюзен, я не знаю, что на меня нашло, но я даже не подумал, как это можете воспринять Вы... и не подумал, что этим могу оскорбить Вас. Я клянусь, подобное больше не повторится.

– Я верю Вам, Лерон, – герцогиня едва заметно кивнула, – и пока моя камеристка окончательно не поправится, оставляю ее на Вашем попечении. Постарайтесь максимально облегчить ее состояние.

– Я и так делаю все от меня зависящее, Ваша Светлость... Я думаю, через пару дней у нее пройдут все болезненные и неприятные ощущения.

– Хорошо. Пойдем, – герцогиня кивнула Виктору и вышла из комнат врача.

Виктор последовал за ней.

Войдя в свои комнаты, герцогиня подошла к распятию, перекрестилась, склонила голову и тихо прошептала:

– Благодарю, Господи. Да будет на все воля Твоя.

Потом обернулась к Виктору.

– Что сделали с Ирмой и Лидией?

– Мать умерла от разрыва сердца, как только узнала в чем обвиняют Ирму, а сестру должны были сжечь, но король ходатайствовал за нее, и ее, клеймив, в кандалах отправили в монастырь на северных островах. А Вы знали их, Ваша Светлость?

– Ты что, не знаешь, кто я? – удивленно глядя прямо на него, спросила герцогиня.

– Кроме того, что Вы супруга герцога ничего, Ваша Светлость.

– Имя Алина Тодд тебе ничего не говорит?

– Так Вы супруга милорда Дмитрия? – юноша даже попятился. – Простите, были его супругой, Ваша Светлость. Я не знал... мне не говорили ничего... а там, в подвалах, спрашивать ничего нельзя... я научился ничего не спрашивать. Так вот почему Вы так рассердились на Его Светлость, когда имя мое услышали...

Он побледнел, опустил глаза и тяжело дышал.

– Да, я была супругой твоего сводного брата. Я не помню, почему у вас разные фамилии... но он мне много рассказывал о тебе. Он любил тебя.

– Это милорд Дмитрий считал, что я его сводный брат, а официально это не так. Моя мать не успела стать законной супругой герцога Риттенберга – отца Дмитрия, он умер при странных обстоятельствах накануне свадьбы. Сестра герцога, ставшая опекуницей милорда Дмитрия до его совершеннолетия, отослала мою мать с ее дочерью Ирмой в родовое поместье ее первого мужа – виконта Орестера. Через восемь с половиной месяцев родился я. Несмотря на то, что я родился больше года после смерти виконта Орестера, матери удалось добиться для меня и

его титула и фамилии. Милорд Дмитрий же после совершеннолетия, став герцогом, разыскал нас и всячески поддерживал и опекал. Он даже хотел, чтоб мы переехали в его замок, но его тетя, сейчас уже покойная, и ее сын были категорически против.

– Ирма действительно занималась колдовством?

– После казни милорда Дмитрия мы очень тяжело жили, Ваша Светлость... У Ирмы расстроился сговоренный им очень выгодный брак, и денег совсем не было... И тут в поместье появился горбун и попросил сдать ему заброшенное крыло дома с отдельным входом, где раньше жили слуги, и предложил очень хорошие деньги. Мать, конечно же, согласилась. Там никто не проживал, кроме садовника, которого она тут же переселила. Горбун нанял рабочих и привел там все в порядок. Жил он там поначалу очень тихо и почти не выходил никуда. Только Ирма почти сразу зачастила к нему. Затем она стала уезжать и возвращаться с какими-то странными людьми, которых водила в комнаты горбуна, и вслед за этим у нее появились деньги, очень большие деньги. Она стала покупать дорогие вещи, нанимать слуг, заказывать кареты, лошадей. На все вопросы она или отмалчивалась или говорила, чтоб мы не лезли в ее жизнь. Я не утерпел, скрытно пробрался в комнаты горбуна и тайно поприсутствовал во время одного из визитов гостей. Горбун вместе с сестрой вроде как вызывали духов и общались с ними, а потом собрали деньги с приехавших. Обследовав комнаты, я нашел массу штучек и приспособлений, чтоб казалось, что в комнате кто-то зажигает свечи, стучит, стонет и тому подобное... все это было обманом. Тогда я понял, что они морочат голову доверчивым простакам. Я попробовал поговорить с сестрой и пристыдить ее, но она лишь накричала на меня и пообещала наслать жуткие кары на мою голову, если я об этом хоть кому-то расскажу и в первую очередь матери. Обвиняла ее и меня в том, что мы живем в нищете, ну и еще много чего наговорила... В общем, я решил действительно не лезть в ее жизнь и не стал никому ничего рассказывать. Но все это все равно очень скоро вскрылось. Видно кто-то недовольный результатами их ворожбы пожаловался. Их захватили во время одного из сеансов. Вернее только сестру, горбун сумел как-то сбежать. У матери случился сердечный приступ, и ее не спасли, но это может и к лучшему... иначе она бы тоже очутилась в тюремных подвалах.

– Жалеешь, что не донес на сестру?

– Нет, доносить я бы в любом случае не стал, а вот остановить ее я был должен. Любым способом, но остановить. Оставив все, как есть, я стал соучастником.

– Король, значит, не поверил, что твоя сестра не колдовала, а мошенничала?

– Нет, не поверил... – Виктор сокрушенно покачал головой, – но он сказал, что верит, что в это поверил я. И еще сказал, что это уловка такая, расставлять такие штуки, чтобы если тех, кто этим занимается, поймают, то не предъявили бы обвинений в колдовстве.

– Вас сразу отправили к королю?

– Нет, вначале около трех дней держали в местной тюрьме, а потом уже перевезли в столицу.

– Вас допрашивали на месте?

– Сестру – не знаю, а меня – нет. Меня и в центральной тюрьме лишь через месяц на допрос привели.

– Ждали, чтоб ты понял, что тебе не хочется там навсегда остаться?

– Возможно, Ваша Светлость... но я это понял уже с первых дней... там ад на земле, Ваша Светлость. Если туда попадаешь, уже никого не интересует, кем ты был раньше, ты становишься преступником, у которого нет никаких прав и с которым можно делать все.

– Тебя подвергали наказаниям?

– Почти нет, Ваша Светлость. Меня лишь дважды сажали в карцер в колодках и пару раз выпороли плетью, но не очень сильно, однако при этом постоянно пытали и забивали насмерть тех, кто был рядом. За нерасторопный ответ, за разговоры в камере, за заданный охраннику вопрос, за непонравившийся охраннику взгляд. Поэтому, когда заставляли ответить или что-

то сделать меня, то я старался изо всех сил не разделить участь тех, кто корчился в муках рядом и, в общем-то, мне это удавалось. Я научился не спрашивать ничего, не спорить и быстро выполнять любые приказы. А потом я попал на допрос к герцогу и королю. Все именно так и было, как он говорил Вам... И я очень благодарен герцогу, что он дал мне возможность не попасть на эшафот и выйти оттуда. Я с радостью согласился быть Вашим пажом, Ваша Светлость, и преданно Вам служить. Я действительно буду очень стараться, Ваша Светлость... Особенно теперь, когда узнал, кто Вы. Я очень любил милорда Дмитрия и помню, с каким восхищением он всегда говорил о Вас. Это счастье, что я попал к Вам, Ваша Светлость.

– Ты действительно совсем мальчишка... глупый и наивный, – герцогиня печально покачала головой.

– Что Вы имеете в виду, Ваша Светлость?

– Неважно... ты все равно не поверишь. Пока не поверишь, – она тяжело вздохнула и отвернулась к окну.

Виктор промолчал, не посмев ее ни о чем расспрашивать.

Несколько месяцев пролетели для Виктора абсолютно незаметно. Вся его жизнь теперь напоминала ему прекрасную сказку. Он был без ума от герцогини. Она была мила, добра и обходительна со всеми. Ему нравилось в ней все, и он с удовольствием делал все для нее.

Со временем его перестали пугать визиты герцога, а пышные празднества в замке даже начали нравиться. Герцогиня столь умело определила его роль при себе, что все стали абсолютно естественно воспринимать его присутствие рядом с ней как непереносимое условие. Шутки и косые взгляды придворных она сумела пресечь в первый же день.

Виктор немного робел лишь, когда герцогиня уединялась с королем в кабинете библиотеки, оставляя его и герцога дожидаться их возвращения в библиотечном зале. Ни слуги, ни гости не смели заходить в библиотеку, и Виктор часами находился один на один с герцогом. Герцог обычно садился в кресло и что-то читал, а Виктор не смея ни сесть, ни тем более чем-то заняться в присутствии герцога стоял у дверей, склонив голову и не смея поднять глаз. Он долго ломал голову, чем занимаются в уединении король и герцогиня.

В первый раз ему, в голову пришли достаточно пошлые предположения, и он поразился тому, что герцог столь спокойно что-то читает, вручив свою супругу королю. В душе его росло чувство брезгливости и негодования. Но когда герцогиня с королем вышли, и он не сумел заметить ни одного изменения в роскошных одеяниях ни одного, ни другого, а так же не заметил даже легкой взволнованности в их лицах и жестах, а, бросив мимолетный взгляд в кабинет, увидел там не кровать, а стол и кресла, ему стало стыдно, что он мог так подумать о герцоге и герцогине.

Потом, наблюдая за отношениями короля и герцогини, он, пришел к выводу, что король вероятнее всего обсуждает с герцогиней государственные дела и, боясь упреков, что в решении государственных проблем участвует женщина, тщательно скрывает это, заставляя герцога создавать видимость совместных бесед о чем-то.

В любом случае короля с герцогиней связывали какие-то очень странные отношения. Станным было то, что на людях король был намного нежнее и обходительнее с герцогиней, чем наедине. Наедине король позволял себе и критику герцогини, и колкие замечания, и достаточно жесткие требования чего-либо.

Так он достаточно сурово потребовал от нее, чтобы она передала герцогу право контроля над ее родовыми владениями и перешедшими к ней владениями герцога Риттенберга. Слабые попытки герцогини возразить, что она хотела, чтобы герцог хотя бы советовался с ней перед тем, как вершить закон в ее владениях, король резко прервал, сказав, что это не женское дело и раз у нее есть законный супруг, то это именно его обязанность следить за порядком и наводить его.

Тем не менее, иногда было достаточно одного взгляда герцогини, чтобы король отказался от уже принятого им решения, и на публике он это всячески подчеркивал, говоря, что не может отказать своей любимой кузине ни в чем.

Станным было также то, что герцогиня порой позволяла себе обращаться к королю по имени. Хотя подобное обращение король не позволял даже родным сестре и брату. Только она могла прервать и остановить короля, когда он в пьяном угаре решал кого-то казнить, наказать или же заставлял выполнить унижительный приказ. Но и у короля был способ воздействия на нее. Иногда, не желая отказываться от задуманного, он приказывал герцогу самому разобраться с провинившимся, что тот тут же делал, или же просил "уговорить супругу". Тогда герцог со словами: "Дорогая, Вы устали, Вам нельзя так нервничать", подхватывал герцогиню на руки и уносил в ее комнаты.

Герцогу герцогиня не перечила почти никогда. Она лишь замыкалась и начинала очень холодно и отстраненно с ним общаться. Герцог с неизменной улыбкой старательно демонстрировал, что покорно сносит такое несправедливое отношение супруги, и все равно всячески старается ей угодить.

Их взаимоотношения были для Виктора еще большей загадкой, чем отношения между герцогиней и королем. С одной стороны герцог действительно старался всячески ублажить супругу. Он привозил для нее лучших портних, сапожников и ювелиров, заказывая у них самые лучшие их изделия. Лучшие кони и кареты были всегда к ее услугам. Все слуги были готовы выполнить любую ее прихоть. А с другой стороны он неизменно шел наперекор любым ее просьбам, относительно изменения заведенных им порядков, даже незначительным. Любой, кто достаивался расположения герцогини, тут же попадал в немилость у герцога и под его жесткий контроль. Но больше всего герцога раздражали поездки герцогини в церкви или монастыри, даже если она была там во время его отсутствия в замке, а также ее благотворительные пожертвования. Только узнав о чем-то подобном, он тут же устраивал грандиозные скандалы, обвиняя герцогиню в том, что она вместо того, чтобы молиться в небольшой церкви при замке уезжает, нарочно ухудшая свое и без того далеко не прекрасное самочувствие и бестолково сорит деньгами, поддерживая тунеядцев и бездельников.

Если герцогиня молча сносила обвинения и никак не реагировала на все упреки, герцог отыгрывался на слугах замка. Наказывались все, кто попадал ему под горячую руку, чаще всего абсолютно незаслуженно. Заступничество герцогини и ее попытки доказать невиновность кого бы то ни было, могли только усугубить наказание, поэтому она старалась не вмешиваться.

Если же герцогиня осторожно пыталась оправдаться и объяснить герцогу беспочвенность его упреков, герцог спорил, кричал, бил вазы и даже ломал мебель, настаивая на своих обвинениях в недопустимости подобного поведения герцогини.

Пояснения герцогини о том, что одно ее платье или украшение стоит больше, чем она истратила, и что она готова отказаться и продать любое из них, наталкивалось на такую бурю негодования, что Виктору иногда становилось страшно. Упреки, что герцогиня ведет себя недостойно ее статуса и положения, что она хочет перед королем выставить его в качестве скупца, экономящего на собственной супруге, сыпались, словно из рога изобилия. А потом следовали угрозы, что если она посмеет продать хотя бы одну свою вещь, он обвинит покупателя в воровстве.

Заканчивалось все обычно тем, что герцогиня тихо говорила что-то вроде:

– Замечательно, милорд, я все поняла... я недостойна статуса Вашей супруги. Я только не понимаю, почему Вы это терпите? Воспользуйтесь своим правом, лишите меня возможности распоряжаться деньгами и покидать замок. Будете держать меня взаперти, и выставлять, словно разряженную куклу, перед королем во время его приездов. Вы же знаете, я не посмею перечить. В чем проблема-то?

– Ладно, ладно, не преувеличивайте, миледи... – тут же смягчился герцог. – Кто Вас посмеет чего-то лишить или где-то запереть? Вы вольны распоряжаться чем угодно. Я лишь пытаюсь уже который раз объяснить Вам, что Вы ведете себя... как бы сказать-то поаккуратнее... нерационально, что ли... но Вы упрямо настаиваете на своем... Я забочусь в первую очередь о Вас, как Вы не поймете? Церкви я жертвую положенную десятину, однако все местные святые отцы просто обожают рассказывать Вам, что в их церкви облезла где-то позолота, умалчивая, что в их собственном доме непозолоченными остались лишь полы. А еще Вас обожают использовать проходимцы и мошенники, рассказывая о своих бедствиях, вместо того, чтобы работать и самим решать свои проблемы. Неужели Вы этого не видите? Вы что ощущаете себя святой, расшвыривая им наши деньги?

– Да, очень хочется ощутить, что ж тут поделаешь, милорд... у каждого свои недостатки. Но Вы не волнуйтесь, Ваши назидания и нотации быстро возвращают меня на грешную землю, заставляя чувствовать себя не то что, не святой, а даже напротив очень грешной растратчицей фамильного состояния... – с нескрываемым сарказмом, обычно отвечала на подобные вопросы герцогиня, и герцог сразу успокаивался.

– Алина, это всего лишь просьба. Постарайтесь в следующий раз перед тем поступить так же, хотя бы подумать... и реально оценить все обстоятельства. Вам необходимо научиться быть более осмотрительной, Вы слишком доверчивы.

– Постараюсь, – как правило, безучастно соглашалась герцогиня.

При этом Виктор отчетливо понимал, что ни герцог, ни герцогиня не воспринимают всерьез это ее обещание. И это не более чем способ временно прекратить конфликт.

Вначале Виктор ждал, что герцог будет наказывать его во время ссор с супругой, но этого не произошло. Тот лишь неизменно в начале любого разговора с герцогиней бросал раздраженно: "А ну к ней в ноги, мальчик", а потом казалось, переставал даже замечать его.

Поэтому через какое-то время Виктор уже без внутреннего содрогания, а даже с любопытством, словно сторонний наблюдатель, стал следить за поведением герцога и его отношением к герцогине, пытаясь разгадать загадку их столь непростых взаимоотношений. Ему очень нравилась его госпожа, и он никак не мог понять, почему несомненно любящий ее герцог так упорно делает все, чтобы герцогиня явно с трудом выносила даже его присутствие.

А потом произошел случай, окончательно рассоривший супругов.

Началось все с того, что у большой дворовой собаки родились щенки, но молоко не пришло. Двое из трех щенков умерли почти сразу, а третий, самый крепкий лежал на конюшне и тихо скулил. Конюх попытался напоить его молоком из блюдца, но щенок не пил, толи не умел лакать, толи сил у него на это уже не было.

Герцогиня услышала его писк, когда собиралась на верховую прогулку. Узнав об умирающем голодной смертью щенке, она тотчас отложила прогулку, подхватила щенка на руки и унесла к себе в комнаты. Там она велела принести козье молоко, свернула небольшую тряпицу в виде трубочки, смочила ее в молоке и сунула щенку в рот. Тот тут же начал сосать. Герцогиня была довольна. Виктор заворожено наблюдал за ней. Такой радостной и счастливой он не видел ее никогда. Она не отходила от щенка около двух дней, лично кормя его, грея, массируя ему животик и убирая за ним. Еще слепой щенок доверчиво полз к ней, тыкался ей в руки, и рядом с ней сразу замирал и переставал скулить.

Как только приехал герцог, герцогиня выбежала к нему на встречу и, с лучезарной улыбкой и сияющими от счастья глазами, стала рассказывать, как ей удалось спасти щенка от неминуемой смерти, видимо, не ожидая того, как он на это прореагирует.

Проронив: "Вы что притащили эту тварь в свои апартаменты, миледи?", герцог стремительно прошел к комнатам герцогини. Там он схватил беспомощного щенка за задние лапы и под его громкий скулеж потащил к выходу.

– Милорд, куда Вы его понесли? Зачем? – герцогиня попыталась схватить супруга за руку, но тот грубо оттолкнул ее.

– Я не потерплю, чтобы наш замок Вы превращали в псарню.

– Милорд, дайте его мне, его нельзя так держать, я сама его отнесу, куда скажете, отнесу, дайте, пожалуйста...

– Вы решили примерить на себя роль пса, миледи? Неужели Вы думаете, что я позволю это моей супруге? Не позорьтесь. Идите к себе, молитву лучше какую-нибудь прочтите.

– Милорд, Вы вывихнете ему так лапы... прошу Вас, ну возьмите его по-другому, – в голосе герцогини послышались слезы.

Ничего не отвечая ей, герцог вынес щенка из замка, прошел на конюшню и, размахнувшись, с силой бросил щенка в угол. Щенок взвизгнул в воздухе, ударился о стену, дернулся и замер. Герцогиня, шедшая следом за герцогом, хотела броситься к нему, но герцог жестко схватил ее за плечо, после чего обернулся к конюху:

– Разберись с ним.

Конюх тут же склонился над щенком, а потом поднялся.

– Он сдох, Ваша Светлость, – тихо проговорил он.

– Ну и к лучшему, – кивнул герцог, по-прежнему держа герцогиню за плечо.

– Изверг! Что он Вам сделал? За что Вы так с ним? – пытаюсь высвободиться и всхлипывая, с трудом проговорила она, из глаз ее просто ручьем потекли слезы.

– Миледи, прекратите истерику! Нашли причину... щенок сдох – тоже мне горе вселенского масштаба... Вы так ведь даже по мужу своему первому не рыдали, да и по мне вряд ли будете, – с издевкой проговорил герцог, пристально глядя на нее.

– Да как Вы смеете... – в глазах герцогини тут же высохли слезы, и полыхнула мрачная ярость, – нашли кого сравнивать с милордом Дмитрием.

– Это Вы про щенка или про меня? – рассмеявшись, спросил герцог.

– Не смейте меня больше даже касаться! – не отвечая на его вопрос, герцогиня оттолкнула его руку со своего плеча, развернулась и ушла. Виктор, все это время простоявший у нее за спиной, последовал за ней.

6

Около недели герцогиня не разговаривала с герцогом. Она вообще перестала выходить из своих комнат. Герцог пытался объясниться, ругался, наказывал при ней слуг, но она даже не смотрела на него.

Когда приехал король со свитой, герцогиня к гостям не вышла, и король сам пришел к ней.

– Алина, что это с тобой? Герцог жалуется, что ты с ним теперь даже не разговариваешь, – произнес он, входя в ее покои.

– Рада Вас видеть, мой государь, – склонила голову герцогиня. – Но не вижу проблемы в том, о чем Вы говорите. Разрешите моему супругу избивать не только слуг и животных, но и меня, и у него не будет больше причин жаловаться. Ему же не разговаривать со мной нравится, а издеваться надо мной.

– Алина, ты несправедлива, не говори ерунды... герцог не то, что издеваться, он даже дышать на тебя боится. На что ты так осерчала? Убил он щенка? Так, во-первых, не специально, а во-вторых, это был дворовый пес, которого держать в замке – моветон. Не место ему в замке. Тебе нравятся собаки? Скажи, герцог заведет тебе псарню. Хочешь иметь собаку в своих покоях? Опять же скажи, я выпишу тебе любую декоративную собачку, какую только пожелаешь, тебе привезут любую. В чем проблема?

– Неужели Вы не видите, Артур? Проблема не в собаке, а в отношении герцога ко мне. Мне не нужна псарня и не нужна диванная собачка. Он растравит первых и ненароком прибьет вторую, как только я привяжусь к ним. Позвольте мне уйти в монастырь, я не могу больше выносить его ненависть ко мне. Не могу.

– Алина, ты забила себе голову полнейшим вздором. Какая ненависть? Он унизил или оскорбил тебя чем-то? Скажи чем, и я позволю тебе туда уйти.

– Он не настолько глуп, чтобы открыто оскорблять меня... однако жизнь с ним для меня невыносима, мой государь.

– Все, кузина, прекрати. Будет причина жаловаться, жалуйся. Но пока ее нет, он – твой супруг, и будь добра, веди себя с ним соответственно. А сейчас переоденься и выйди к гостям. Я хочу тебя видеть.

– И не подумай. Можете отправить меня в тюрьму, можете казнить, мне все равно.

– Миледи, не надо меня провоцировать, – голос короля заледенел, – не вынуждайте меня искать способы давления на Вас. Ведь я их найду... Поэтому будьте благоразумны. Я буду очень Вам благодарен, если Вы перестанете сердиться и, как истинная христианка, простите своего супруга и доставите нам удовольствие лицезреть Вас. Я выполню любое Ваше желание... кроме того, чтоб в монастырь отпустить, конечно. А все остальное постараюсь выполнить...

– Вам отказать сложно, мой государь, – тяжело вздохнув, тихо проговорила герцогиня.

– Алина, я рад, что ты не отказала, – на лице короля вновь появилась улыбка. – Кстати, у меня новая фаворитка. Ты должна ее посмотреть. Сказочная красавица. Ножки, бедра – загляденье, и грудь не хуже... правда, тупа как пробка. Сейчас вот размышляю, не запретить ли ей вообще рот раскрывать, а то, что ни слово, то невпопад. Ты присмотришься к ней, а потом скажешь, что думаешь по ее поводу. Я постараюсь показать ее тебе во всей красе.

– Ну ноги, бедра и все остальное я не мастерица оценивать, Вы знаете. Я Вам только про ее отношение к Вам сказать смогу, а на большее не рассчитывайте.

– Да, я знаю... любую уродину ты считаешь прекрасной, если она независтлива и добро-сердечна. Ты лишь рассматривая картины, почему-то замечаешь, красивы ли изображенные на них люди или нет, а вот замечать это в жизни наотрез отказываешься.

– Артур, на картинах изображения... и они либо радуют глаз, либо нет, а в общении с людьми для меня первоочередное не радость глаз, а радость души. Вы же не будете есть красивое яблоко, мой государь, если оно червиво внутри?

– Но и неприглядное на вид я есть не стану... вряд ли оно окажется вкусным.

– Вы знаете, Ваше Величество, многие лекарственные растения неприглядны на вид и даже могут быть неприятны на вкус, но возвращают здоровье и даруют исцеление.

– Алина, подобное могут оценить исключительно больные, а я пока, слава Богу, не болен.

– Вы считаете больной меня?

– Нет, ты скорее похожа на лекаря, который любит такие растения за то, что они возвращают здоровье другим... Мне же этого не понять. Поэтому единственное, что я хочу, говоря твоими же словами, чтоб ты взглянула: нет ли в моем яблочке внутри червоточинки или гнильцы, дабы мне не отравиться невзначай.

– Взгляну, обязательно взгляну, – мелодично рассмеялась герцогиня.

– Вот и славно. Ты хоть улыбаться опять начала, а то прям ледяное изваяние, а не женщина, – король нежно коснулся ее плеча. – Кстати, ты своим пажом довольна? – он кивнул в сторону Виктора, который при его появлении тут же опустился на колени и замер в углу комнаты, где до этого стоял.

– Довольна, – герцогиня кивнула, – но была бы еще более довольна, если бы Вы, мой государь, объяснили герцогу, что постоянное присутствие даже самого лучшего паж тяготит.

– Алина, в чем проблема? Чем он может тяготить тебя? Мальчик полностью в твоей власти. Или он не слушается тебя?

– Слушается, только герцог не позволяет ему отлучаться от меня ни на шаг. И я не понимаю причины. Зачем такие сложности? К чему?

– Какие сложности? В чем ты видишь сложности? Он должен делать все, что ты хочешь. Абсолютно все! Он должен не сложности тебе создавать, а избавлять тебя от них. И если это не так, я скажу герцогу, он объяснит ему это или избавит тебя от него.

– Вы такой же, как он, – герцогиня зло сверкнула глазами и отвернулась, – вам видимо обоим нравится мучить меня.

– Алина, я ничего не понимаю. Скажи, чем я тебя мучаю? Мальчик – преступник, осужденный на казнь, которого я позволил герцогу забрать для тебя, на условии жесткого контроля за всеми его поступками. Поэтому абсолютно логично, что герцог не хочет оставлять его без твоего присмотра. Это разумно. Хотя если совсем уж устала от него, посади его в камеру у охранников замка. Я распоряжусь, его будут держать под арестом столько, сколько пожелаешь. Такой вариант тебя устраивает?

– Мой государь, я, конечно, соглашусь... и буду дальше не отпускать своего пажа от себя не на шаг, только учтите... это бесполезно. Вы зря ждете, что это что-то Вам даст.

– Алина, – король взял герцогиню за руку, – я клянусь тебе, я ничего не жду от этого. Что я могу от этого ждать? О чем ты? Ты же чувствуешь ложь... Я разве лгу тебе?

– Действительно не лжете, – герцогиня удивленно повела плечом, – тогда я не понимаю ничего... неужели он играет без Вас?

– Во что, моя радость? Во что он играет?

– Вы не поверите... пока это лишь домыслы, как вы их называете, и пока он не сделает очередной шаг, домыслами и останутся. Но это хорошо, что Вы не участвуете в его игре, – герцогиня улыбнулась.

– Алина, ты говоришь загадками.

– Я не могу ничего объяснить, Вы посчитаете меня сумасшедшей. Поэтому забудьте. Лишь предупредите охрану, она ведь до сих пор подконтрольна Вам, и хоть подчиняется герцогу, Ваше слово выше его... Так вот предупредите, как хотели, что я могу отдать им моего пажа, и они будут охранять и стеречь его до тех пор, пока я или Вы не заберем его, но никак не герцог. Обещаете?

– Я уже пообещал. Только не понимаю к чему такие оговорки? Герцог без твоего разрешения ничего не сделает с ним.

– Вы не знаете герцога. Он очень умен, Артур... Ваше счастье, что он предан Вам и использует свой ум Вам не во вред.

– Алина, я всегда поражаюсь... Ты никогда не лукавишь, даже если информация явно не в твою пользу. Ну что тебе стоило сейчас лишь намекнуть, что герцог может играть и против меня... или хотя бы смолчать.

– Это действительно не в моих правилах. К тому же герцог, предан Вам настолько, что даже говорить что-то иное... – она не договорила, усмешка, тронувшая ее губы, вдруг резко исчезла, а лицо посерьезнело, рукой она схватилась за столик, рядом с которым стояла, взгляд ее при этом устремился куда-то вдаль.

Король сразу весь напрягся и тоже молча замер. В молчании прошло минут десять, потом герцогиня повела плечом и встряхнула головой, словно отгоняя что-то, и в упор посмотрела на короля.

– Было бы хорошо, мой государь, – медленно растягивая слова, тихо проговорила она, – если бы Вы сегодня же послали герцога с его сотней на юг, в замок Веренгер, наделив его полномочиями Вашего законного представителя там. И еще лучше было бы, если послезавтра, после пяти по полудню, но только не раньше, он бы был там и осмотрел с особым старанием правое крыло замка, скрытный переход во вторую башню и секретные комнаты там. Мне кажется, полученная им при этом информация должна заинтересовать Вас.

– Почему с его сотней, а не с моей? Что ты видела?

– Потому что, если герцог не сумеет там ничего найти, Вы всегда сможете сказать, что послали его лишь проверить правильность уплаты налогов и выкупить для Вас пару-тройку симпатичных служанок, если таковые найдутся в южных вотчинах Ваших вассалов, а он немного превысил полномочия и не более того.

– Что ты хочешь, чтоб он там нашел?

– Артур, пусть он поедет. Не спрашивайте меня больше ни о чем. Я думаю, Вы все узнаете уже дня через три-четыре.

– Алина, я надеюсь, это не способ избежать общения с гостями и со мной... – король усмехнулся, – потому что я не уеду... я подожду возвращения герцога здесь.

– А вот это ни к чему. Весь двор только и ждет повод, чтобы объявить меня Вашей фавориткой. Зачем его давать?

– Ты же говорила, что тебя не трогают дворцовые пересуды и сплетни.

– Да, они не трогают меня, но они трогают королеву. Артур, я прошу Вас, не надо так ее нервировать.

– Про королеву забудь. С ней я разберусь сам. И до возвращения герцога я останусь именно здесь и придворных всех тоже здесь оставлю. Я не хочу, чтобы отсюда кроме герцога с его сотней даже птичка вылетела. Я хочу, чтоб о поездке герцога никто никого не смог предупредить.

– Излишне это... – герцогиня покачала головой, – не того следует опасаться.

– А чего? Ты же ничего не говоришь, – король раздраженно прошелся из угла в угол.

– Это чувства, Артур, их невозможно рассказать. Все что я могла сказать, я Вам уже сказала.

– Ты не сказала ничего конкретного.

– А я и не знаю ничего конкретного.

– Тогда все будет так, как я сказал. Жду тебя в пиршественной зале. А пока я переговорю с герцогом о его предстоящей поездке и еще сообщу ему, что ты его простила.

– Да, Ваше Величество, – склонила перед ним голову герцогиня.

Король удовлетворенно кивнул и вышел.

– Вставай, – герцогиня обернулась к Виктору, – и позови Сюзен, чтобы она помогла мне переодеться.

Сюзен уже заканчивала зашнуровывать корсет платья герцогини, когда в апартаменты вошел герцог. Сюзен поспешно завязав последний узел, выскользнула за дверь, а герцог обернулся к стоявшему в глубине комнаты Виктору.

– Неужели тебе так антипатична моя супруга, мальчик, что ты за столь долгий срок так и не научился помогать ей так, чтобы это начало нравиться ей? – язвительно осведомился он.

– Моя госпожа прекрасна, господин, – Виктор поспешно опустил на колени, низко склонив голову, – и я очень стараюсь угодить ей...

– Плохо стараешься, – жестко прервал его герцог.

– Оставьте его, милорд. Я сама с ним разберусь. Мне нравится, как он помогает мне, – вмешалась герцогиня.

– Я поражаюсь Вам, дорогая, Вы вместо того, чтобы заставить своего пажа доставлять Вам лишь удовольствие или избавиться от него, жалуетесь королю. Со временем мальчик разочаровывает меня все больше и больше: я не вижу в нем ни восхищения, ни восторженно трепета перед Вами, ни желания угождать Вам во всем и радовать Вас... Получилось, что я взвалил на Вас дополнительную обузу. Вы терпите его рядом лишь из жалости, в память о своем

первом супруге, а он это не ценит и не пытается исправить. Я начинаю раскаиваться, что решил подарить его Вам, да еще сказал кто он.

– Неужели Вы считаете, что мне не хватает восторженного обожания со стороны моего пажа? Вы не позабыли, о ком говорите, милорд? Его дело выполнять мои приказы, а не радоваться чем-то меня! – в голосе герцогини зазвучала сталь.

Виктор почти никогда не слышал таких интонаций в ее голосе. Он привык, что к нему она всегда относилась доброжелательно. Хотя принимала его помощь сдержанно и даже чуть отстраненно, да и обращалась к нему всегда обезличенно и почти никогда не называла по имени, явственно обозначая между ними ту достаточно большую дистанцию, которую Виктор даже не помышлял сократить, всячески подчеркивая свое почтительное отношение к ней. Но, тем не менее, она старалась даже намеком никогда не обозначать его истинное положение при ней, несомненно, щадя его самолюбие. Поэтому прозвучавшая фраза удивила его.

– Жаль, что Вы так считаете, миледи. Так сложилось, что я слишком мало общаюсь с Вами и редко могу чем-то порадовать. Поэтому я надеялся, что мальчик, находясь всегда при Вас, научится Вас радовать и доставлять Вам удовольствие. По крайней мере, будет стремиться к этому. Но на деле все вышло иначе.

– Он мой слуга, Алекс... И только я буду решать, что от него требуется, – все тем же холодно-резким тоном продолжила герцогиня. – Поэтому и думать забудьте хоть что-то указывать ему. Попробуете вмешаться и начать его наказывать, и я перестану общаться не только с Вами, но и с королем. Меня все устраивает, а что не будет устраивать, я сама исправлю.

– Дорогая... – герцог сокрушенно покачал головой, – Вы снова начали злиться. Что я опять сделал не так? Вы хотите, чтоб я совсем не говорил Вам ничего? Почему любое проявление моей заботы Вы воспринимаете столь нелюбезно? Я не собираюсь наказывать Вашего слугу, разбирайтесь с ним сами... только будьте добры в этом случае, не срывайте на мне раздражение оттого, что Вам столь тяжело с ним.

– Я и не срываю ничего на Вас, я лишь предупредила, что хочу сама решать свои проблемы, – герцогиня раздраженно повела плечами.

– Вот видите, Вы сами признали, что они у Вас есть, – герцог обхватил ее руками за плечи, – и Вы не хотите принимать мою помощь... Разве это христианское поведение супруги? Разве Вы не должны полагаться на мужа, а я не должен заботиться о Вас? Да, я был виноват перед Вами, не спорю... но Вы упорно не даете мне ни малейшего шанса исправить ситуацию.

– Алекс, а Вы не можете заботиться как-то иначе? Разве наказание слуг это единственный доступный Вам способ ее проявления?

– Вас, моя дорогая, напрягает именно это, так почему бы мне не освободить Вас от этой неблагодарной, но необходимой обязанности?

– С чего Вы взяли, что это обязанность необходимая?

– Это аксиома, не требующая доказательств, милая. Лучше наказав, заранее объяснить правила поведения и закон, до того, как произойдет что-то непоправимое. Но если Вы хотите проверить это на собственном опыте – проверяйте, я устал спорить с Вами и объяснять Вам прописные истины. Только давайте ограничимся кругом Ваших личных слуг и еще договоримся: я не вмешиваюсь лишь до первого случая... а после него не вмешиваетесь уже Вы. Согласны?

Герцогиня долго молчала, а потом тихо спросила:

– А если это будет подстроено?

– Если будете сомневаться в этом, арбитром выступит король.

– Хорошо, если кто-то из моих личных слуг преступит закон, дальше их будете контролировать Вы.

– Что ж, тогда развлекайтесь. Я постараюсь ни во что не вмешиваться. Посмотрим, к чему это приведет. Ради Вас, моя дорогая, я даже соглашусь пройтись по лезвию над пропастью.

– Алекс, ну не преувеличивайте... Какая пропасть?

– Вас никогда не предавали слуги? Ну да... Вы же в монастыре жили. А здесь далеко не монастырь... здесь доброта считается слабостью, которой грех не воспользоваться, и выживает и процветает не тот, кто более свят, а тот, кто либо сильнее, либо хитрее и даже подлее. Я хлебнул этого с лихвой, поэтому изо всех сил старался оградить от этого Вас, но Вы упрямо противитесь этому. Вы верите в красивые сказки, добродетель и неизбежную победу добра. Что ж убедитесь во всем сами. Будем надеяться, что последствия будут некатастрофичными, хотя бы потому, что Вы способны предвидеть катастрофы. Кстати, что Вы увидели в Веренгере?

– Вас... я там увидела Вас, – впервые за весь разговор с герцогом Алина улыбнулась.

– Хотите спровадить от себя подальше? – усмехнулся герцог. – Что ж это у Вас получилось. Только пообещайте мне в мое отсутствие не особо разлагать дисциплину в замке, не превращать его в псарню и еще не сильно ограничивать короля, пока он здесь... ведь потом он на мне отыграется, за все Ваши выходки. Обещаете?

– Алекс, Вы умеете так замечательно обыгрывать факты, что чтобы я не делала в Ваше отсутствие, Вы всегда найдете повод, чтобы упрекнуть меня. Я заранее знаю, что не сумею Вам угодить, поэтому лучше запретите мне выходить из комнат и общаться с королем.

– Вы немилосердны, дорогая. Неужели Вы хотите, чтоб он казнил меня на площади за столь жестокое обращение с его кузиной?

– Не казнит. Вы стали ему необходимы и без меня. А если не впустую съездите в Веренгер, то еще больше упрочите свои позиции. Поэтому постарайтесь.

Лицо герцога посерьезнело.

– Я просто диву даюсь, – тихо произнес он, – ради его интересов, Вы готовы поступиться своими...

– Так Вы выходит, догадываетесь, что я знаю, что Вы уже надели петлю на мою шею... Только учтите, ошейником ей не стать, она лишь за удавку сойдет, – перейдя на латынь, еле слышно прошептала герцогиня, при этом пристально глядя прямо в глаза герцогу.

Тот судорожно сглотнул и срывающимся голосом хрипло спросил: – О чем Вы, Алина?

– Вы знаете о чем, – она отвела взгляд.

– Алина, я ничего не понимаю. Какая петля? Какая удавка? – герцог тоже перешел на латынь и его голос обрел прежнюю уверенность: – Я оберегаю и охраняю Вас... Я все делаю ради Вас... Неужели Вы думаете, что я хочу Вас убить? Вы до сих пор не можете простить мне то, что сделала Катарина, и думаете, что я нарочно склонил ее к этому, а теперь хочу завершить то, что ей не удалось тогда?

– Не говорите ерунды... – герцогиня усмехнулась и на латыни продолжила: – Я прекрасно знаю, что Вы не желаете моей смерти. Поэтому надеюсь, что, затягивая петлю, Вы задумаетесь именно об этом... Все, ладно, можете сделать вид, что ничего не поняли, и супруга у Вас сумасшедшая и говорит полнейший бред, но Вы, любя, прощаете ей ее странности.

– Да уж... – герцог покачал головой, – даже не знаю, что Вам ответить на это... Чтобы я не сказал сейчас, все равно выйдет, что я подлец, задумавший придушить собственную жену.

– Ничего не отвечайте, пойдете к гостям. Вам скоро ехать.

– Алина, Вы действительно считаете, что я могу что-то предпринять Вам во вред? – герцог вдруг резко притянул к себе герцогиню и, крепко обняв, заглянул ей в глаза.

– У нас различаются с Вами понятия о вреде и пользе, добре и зле, Алекс.

– Алина, я люблю Вас.

– Это не любовь, Алекс... это другое чувство. Вы хотите, чтоб я принадлежала Вам как вещь, словно я Ваше имущество, Вы хотите обладать и владеть. А Вы будете заботиться, сдувать пылинки и переставлять с места на место. Вы могли бы заставить меня принять это, опираясь на свои права, но Вы сами от них отказались...

– Алина, как же Вы мучаете меня...

– Нет, Алекс, Вы сами мучаете и себя, и меня.

– Неужели Вы никогда не простите? – скорее простонал, чем проговорил герцог.

– Вы меня об этом спрашиваете? А Вы сами прощаете предательство?

– Вам, моя дорогая, я прошу все что угодно...

– Да неужели? – иронично рассмеялась герцогиня и осторожно высвободилась из объятий герцога. – Вы не смогли простить мне даже то, что я с любовью заботилась о щенке... Вам надо было обязательно убить его.

– При чем тут щенок? – герцог раздраженно прошелся по комнате. – Во-первых, убил я его случайно, а во-вторых, я разве Вас хоть в чем-то обвинил или чем-то именно Вас обидел? Да любите кого угодно! Я готов сотню щенков или собак Вам завести. Я прошу, чтоб Вы только допустимые границы не переходили. Должен щенок жить во дворе, вот пусть там и живет, и заботиться о нем должны те, кому это положено, а не Вы. А Вы любите его и делаете с ним все, что душе Вашей угодно, лишь на одну доску с обслугой не вставляйте.

– Почему Вас столь раздражает, когда я что-то делаю сама?

– Вы столь проницательны, дорогая, но иногда не видите очевидное, – герцог остановился перед ней и заглянул ей в глаза. – Я пережил время, когда был вынужден отказаться практически от всего и все делать сам... Так вот теперь я приложу максимум усилий, но не допущу, чтоб моя супруга, хоть когда-нибудь была лишена того, чего достойна как по своему рождению, так и положению. Понимаете? Вы не должны унижать свое достоинство, опускаясь до уровня слуг.

– Алекс, не создавайте проблему на пустом месте... я пережила и лишения, и плен, и заточение, и я не вижу причин это скрывать, стыдиться или же бояться этого в будущем. И к тому же я не наследная принцесса, чтобы так печься о своем достоинстве.

– Именно принцесса. Ваш отец имел прав на престол больше, чем отец нашего короля, но ради замужества с Вашей матерью, он отдал престол ее брату.

– Алекс, это дела давно минувших дней. Что ворошить прошлое? На все воля Божья, и лишь он знает, что уготовано нам на нашем пути и кто чего достоин. Мы должны лишь постараться достойно нести по жизни каждый свой крест. Не надо кичиться тем, что есть, и роптать, что чего-то нет...

– Я не кичусь ничем, и ни на что не роптал никогда. Я привык добиваться всего сам, требуя лишь то, что положено мне по закону. И раз сейчас я могу, слава Богу, поддерживать на должном уровне, и Ваше положение, и Ваш статус, то я хочу, чтобы Вы вели себя соответствующе им.

– Алекс, но я не хочу быть показателем Вашей успешности и благосостояния. Я хочу жить, просто жить. Меня не манит ни власть, ни почет. Как Вы не можете это понять? Ваше самолюбие и Ваша гордыня в первую очередь Вам самому отравляют жизнь, а заодно и мне.

– Алина, я не понимаю, чем Вы недовольны. Я прошу Вас лишь соблюдать элементарные морально-этические нормы и правила поведения, соответствующие нашему положению. Все. Я больше ничего не прошу. Неужели это так сложно? Я закрою глаза на что угодно, если внешне все будет достойно и в этих границах.

– Что Вы имеете в виду?

– Только то, что сказал, – герцог тяжело вздохнул и отвел глаза.

– То есть, я могла бы развлекаться со щенком в замке, но так, чтоб об этом никто не знал. Или что?

– Дался Вам этот щенок... – он раздраженно передернул плечами, – со щенком Вы могли бы заставить кого угодно, любую кухарку или служанку сидеть безвылазно на конюшне, греть, кормить и обхаживать его, а сами бы изредка приходили, проверяли, умилялись и целовали в носик, если б захотели... Чем Вам такой вариант не приглянулся? Зачем Вам надо было самой обязанности пса на себя брать? Вы что не знаете, как я к этому отношусь? Отлично знаете. Ведь Вы бы сами и переодевались, и за одеждой следили, и готовили себе, и посуду за собой

убирали, и возможно многое другое делали, если не были бы уверены, что я за такие Ваши выходки всю шкуру со слуг и служанок спущу. Что, разве не так?

– Возможно... Только я не понимаю, почему Вы столь ревностно за всем этим следите.

– А потому, что именно из всего этого складывается имидж. Насколько может себе позволить быть требовательным владетель, настолько подобострастны и исполнительны будут слуги. Дай волю Вам, моя дорогая, и в нашем владении будете трудиться лишь Вы, опекая и ублажая всех. Возможно, такое поведение подходит для монахини, но неприемлемо для герцогини.

– Все, давайте прервемся. Вы, конечно, имеете право поучать и читать мне нравоучения, но я устала... у меня даже голова разболелась, – герцогиня поднесла руки к вискам, – поэтому я прошу, не надо больше...

– Сильно болит? – спросил озабоченно герцог и, осторожно взяв руки герцогини, отвел их от ее лица, прижал к своим губам, а потом тихо добавил: – Может, позвать Лерона?

– Ничего страшного. Не надо Лерона звать. Так пройдет, – покачала головой герцогиня.

– Вы вряд ли поверите, но я совсем не хотел ни огорчать, ни так утомлять Вас, Алина. Я не понимаю из-за чего, моя дорогая, но почему-то почти все наши разговоры заканчиваются размолвкой, причем совершенно без всяких видимых причин.

– Мы слишком по-разному воспринимаем и оцениваем окружающую нас действительность, – усмехнулась она и, чуть склонив набок голову, вновь попросила: – Пойдемте к гостям. Король не любит ждать.

– Это точно, – усмехнулся герцог и подхватил супругу под руку. – Пойдемте, дорогая, а то мне действительно придется извиняться перед королем.

Они вышли из покоев герцогини, и Виктор, на небольшом отдалении последовал за ними. То, что он увидел сегодня, поразило его, хоть он привычно не подал вида. Виктор, кроме того, что старался ни с кем не разговаривать, еще никогда и ни о чем сам не спрашивал герцогиню. Поэтому даже не догадывался о ее способностях, и лишь теперь понял, почему король так опекает свою кухню, и что это ему дает.

Когда они вошли в пиршественную залу, веселье там шло полным ходом.

– Ну, наконец-то моя кухня соизволила появиться, – поднялся им на встречу король. – Алина, я уж отчаялся тебя увидеть, подумал, что ты решила за что-то лишиться меня счастья лицезреть тебя.

Он отодвинул высокий стул рядом с собой, жестом предлагая герцогине сесть. Она медленно и с достоинством опустилась. Герцог сел с ней рядом, а Виктор встал у нее за спиной.

– Мой государь, я, конечно, сомневаюсь, что счастье заключается именно в этом, но лишать Вас чего бы то, ни было не в моих правилах, – лукаво улыбнулась герцогиня, откидываясь на высокую спинку стула. – Вы можете припомнить, что я хоть раз отказала Вам хоть в чем-нибудь?

– Ты отказываешь мне постоянно, поэтому даже уточнять не буду. Это я не могу тебе отказать ни в чем, а ты пользуешься этим... Кстати, дорогая кухня, ты скажешь тост или мне для тебя что-нибудь сказать?

– Скажите Вы, я люблю Вас слушать. Перед Вашим красноречием устоять невозможно, если бы в наше время проводились бы соревнования по ораторскому искусству, Вы собрали бы все призы.

– Алина, я бы мог подумать, что ты льстишь мне, если бы ты не столь редко говорила мне комплименты, так что я пожалуй, приму его и буду надеяться, что ты искренна в своих суждениях.

– Государь, Вы ждете уверений, что я искренна всегда, и Ваш талант оратора признан всеми и неопровержим, а потом моих оправданий за то, что я редко говорю комплименты... Но Вы зря на это рассчитываете, особенно на последнее, – лукавая улыбка Алины стала еще

шире. – Я вообще не люблю говорить комплименты, и больше всего Вам, даже если для них есть основания. Ведь Вы слышите их столь часто, что воспринимаете их уже не как искреннее восхищение чем-то, а действительно, как привычную лесть. Поэтому мои слова, скорее несдержанные эмоции по поводу предвкушаемого удовольствия от Вашего тоста, чем комплимент.

– Кузина, какое счастье, что сейчас ораторские дебаты не в моде, ты, бесспорно, превзошла бы меня.

– Если бы Вы и уступили мне, то только из своей врожденной галантности, как представительнице слабого пола. Женщины вообще не должны соревноваться с мужчинами. Это моветон. Результат же известен заранее, и если женщина сомневается в нем, она, по меньшей мере, глупа.

– Bravo, Алина. Я обожаю твои такие фразы. Их можно понимать как угодно. Это подобно шутке о том, что мужчина должен быть главой, а женщине неплохо бы научиться быть шеей, поворачивающей эту главу в нужном направлении. И что обычно такое получается у очень умных женщин научившихся говорить о том, как они глупы.

– Артур, признать то, что женщина может быть не глупа, могут только очень умные мужчины, внутренне уверенные в том, что умнее их она быть все равно не может и что это очевидно.

Виктор тем временем наклонился к герцогине, и она небрежным быстрым жестом указала ему, что положить ей в тарелку.

– Как ты думаешь, они заблуждаются? – улыбнулся король.

– Нет, конечно. Мужчина по определению должен быть сильнее и умнее женщины. Мужчина, сомневающийся в этом, неуверенный в собственных силах и потому стремящийся доказать свое превосходство женщине, неполноценен.

– А женщина? Что должна думать по этому поводу женщина?

– Женщина, Артур, должна быть уверена в своем мужчине, и изо всех сил стараться эту же уверенность вселить в него, даже если у него ее нет. Сила женщины в ее слабости, мой государь. Это древнейшая истина, и женщина, забывшая ее, крайне бестолкова.

– А если ее мужчина полный кретин?

– Любой умной женщине гораздо приятнее, когда рядом с ней сильный и умный мужчина, не сомневающийся в своих способностях, и поэтому, прислушивающийся к ее советам и просьбам, а не тупой кретин, которому ей необходимо доказать, что он туп, для того, чтоб он, наконец, хотя бы выслушал ее. Хотя даже полного кретина действительно умная женщина постарается убедить в его собственных способностях и сделать более сильным и умным, чтоб он перестал бояться выглядеть глупее и слабее собственной жены, потому как именно из-за этого он вероятнее всего и не приемлет никаких ее советов.

– А если у женщины нет мужчины? Что тогда?

– Тогда конечно ей придется быть сильной и умной самой, но это от безысходности... Но остается еще вариант: его найти. Найти умного и сильного, уверенного в себе и потому позволяющего ей тоже чувствовать себя рядом с ним умной и сильной и ни в чем не нуждающейся.

– Алина, а что ты скажешь о собственном супруге? Он такой?

– А это разве не видно? Вы ведь знаете ответ, зачем задавать вопрос? Хотите, чтобы я говорила комплименты собственному супругу? Так он не нуждается в этом, у него уверенности в собственных силах на двоих хватит. Или хотите, чтоб я Вас поблагодарила, что Вы мне супруга такого нашли? – герцогиня рассмеялась, подняла бокал, в который Виктор, зная, что вино герцогиня почти никогда не пьет, уже налил сок, и повернулась к герцогу: – Алекс, может, хотя бы Вы, как глава нашего дома, вступитесь за меня и попросите государя, чтоб он перестал меня мучить дискуссионной беседой на тему бестолковости женщин и сказал обещанный тост?

– Государь, – герцог тоже поднял бокал и повернулся к королю, – даже рискуя навлечь на себя Ваш гнев, я не в силах отказать супруге, поэтому прошу: скажите тост.

– Какой может быть гнев, Алекс? – король поднялся с бокалом в руке. – Твоя супруга столь дорога мне, что я скорее разгневался, если б ты отказал ей. Она редкая женщина, герцог, я рад, что ты это ценишь. Кстати, заметь какая красивая трактовка: ты не боишься признавать то, что не в силах отказать ей именно из-за того, что действительно сильнее и умнее ее. По-моему очень красивая интерпретация, тешащая мужское самолюбие и при этом дающее умным женщинам почти абсолютную власть. Не выполнил просьбу или не принял совет женщины, значит сомневающийся в своих способностях, бестолковый кретин. Правда, выполнять просьбы таких женщин, как твоя супруга, это уже удовольствие, тут и дополнительного стимула в виде подчеркивания собственного превосходства не нужно. Однако не все женщины такие. Поэтому подобных женщин необходимо беречь, ценить и лелеять, словно редкое растение, цветущее лишь в руках выдающихся садоводов. Счастье такой женщины, и будет тем цветком, которым она способна одарить своего избранника, который должен оказаться действительно мудрым, сильным и очень опытным, чтобы суметь угодить такую женщину. Я верю, что во второй раз уже не ошибся, и ты, Алекс, именно такой, и моя дражайшая кузина будет всегда счастлива рядом с тобой. Ведь, как и прекрасный цветок, счастье таких женщин способно радовать не только тех, кому повезло обладать ими, но и окружающих, допущенных лицезреть его. И я очень надеюсь, что я и мои ближайшие подданные и дальше будем принадлежать к кругу избранных, которым ты всегда будешь позволять разделять с тобой радость видеть твою супругу, а мою кузину счастливой. И она всегда будет радовать нас и счастливым блеском своих очаровательных глаз, и улыбкой, и смехом, и задушевными беседами и такими же дискуссиями, как сегодня. Поэтому за тебя, Алекс, чтоб ты и дальше был не только хорошим моим советником, но и прекрасным супругом, и радушным хозяином, не забывающим приглашать нас в гости. Благополучия тебе и дому сему, – король залпом осушил свой бокал.

Герцог тут же поднялся и, чуть склонив голову, произнес:

– Благодарю, Вас, Ваше Величество, я постараюсь оправдать все Ваши надежды, – и тоже одним махом выпил вино из бокала, а за ним и все гости, поднявшись, выпили.

Король сел на свое место и повернулся к герцогине:

– Алина, ты что-то даже свой сок не пьешь... про вино я и не говорю, я привык, что ты к нему притрагиваешься только в исключительных случаях. Недовольна моим тостом? Хотела, чтоб я пожелал что-то лично тебе?

– Ну что Вы, мой государь... Это одно из лучших Ваших пожеланий. Вы пожелали то, о чем многие женщины не смеют даже мечтать. Причем Вы не только пожелали, Вы делаете все, чтобы Ваши пожелания стали реальностью.

– Но что-то это не очень радует тебя...

– Меня вообще трудно обрадовать, я слишком капризна и привередлива. Вы посадили меня с герцогом в золотую клетку, украшенную всевозможными драгоценностями, а меня манит свежий ветер и горный простор.

– Ты точно как редкий горный цветок... – король рассмеялся, – Алекс, слышишь, твоей супруге не хватает горного пейзажа и свежего ветра. Подумай, может, сможешь все это организовать?

– Легко, – усмехнулся герцог.

Он хлопнул в ладоши и к нему тут же подошел Рон.

– Четырех девушек с большими веерами и еще двух юношей с гобеленом из правого крыла, с тем, на котором горный пейзаж, – приказал ему герцог. Рон кивнул и вышел.

Гости загомонили, предвкушая скорое развлечение. Послышались голоса:

– Ваша Светлость, Вы забыли предупредить, что девушек лучше обнаженных, они лучше гармонируют с первозданной природой.

– Или в полупрозрачных накидках, чтоб они имитировали ветер и горные водопады.

– Кому-то не хватает обнаженных женских тел? – герцог повернулся к говорившим, удивленно кивнув на целый строй служанок, на которых из одежды были лишь маленькие фартучки и бантики на шее, – Нужны еще?

– Так Вам же наверняка танцовщиц приведут, Алекс. А обнаженные танцовщицы, это изысканно, – рассмеялся брат короля, герцог Бенедикт Линд.

– Ваша Светлость, Вы необычайно проницательны – усмехнулся герцог Тревор, – однако, по-моему, еще более изысканно, когда танцовщиц заставляют раздеваться постепенно. И неужели Вы думаете, что кто-то помешает Вам приказать им сделать это, в чем бы одеты они не были?

– Тогда у меня больше нет никаких пожеланий на счет их нарядов, это действительно безразлично. Вы замечательно умеете развлечь, герцог, – согласно кивнул тот.

– Я рад, что Вы так считаете, герцог, – ответил Алекс Тревор и поднял бокал, – за это стоит выпить.

Гости дружно потянулись к бокалам.

Затем герцог Тревор повернулся к жене: – Где Вы хотите горный пейзаж, дорогая?

– Без разницы, это все равно лишь пейзаж, а не горы.

– С этим никто не спорит, но что Вам помешает, вспомнить настоящие горы, посмотрев на пейзаж. Порадуйте короля, не капризничайте, дорогая.

– Тогда пусть в центре. Герцогу Линду будет там удобнее раздевать танцовщиц, – презрительно скривила губы Алина, – развлекайтесь.

Уже через пару минут двое юношей, которых привел Рон, развернули в центре зала гобелен. Музыканты заиграли, и девушки начали танцевать возле гобелена, обмахиваясь веерами. А через какое-то время герцог Линд, подняв и осушив очередной бокал, потребовал, чтобы танцовщицы сняли полупрозрачные юбки. Его начинание тут же подхватили остальные гости, которые тоже начали, опрокидывая бокалы, пьяными голосами требовать, чтоб танцовщицы сняли то одну, то другую деталь своего туалета, пока на них не осталось ничего, кроме украшений на шеях и браслетов на руках и ногах. А потом гостям не понравилось, как одеты юноши, держащие гобелен, и они стали заставлять девушек раздевать уже их.

Герцогиня с бесстрастным видом наблюдала за происходящим, а король не сводил глаз с нее.

– Ты почти ничего не ешь. Почему? – наконец тихо спросил он.

– Не хочется, – она качнула головой.

– Плохо... – король грустно вздохнул. – Как я понимаю, ты совсем перестала гулять, вот и аппетита нет... Это никуда не годится, пока я буду здесь, каждый день буду тебя на прогулки заставлять ездить. А сейчас поешь хоть что-то, ну не насильно же тебя заставлять.

– Артур, я не голодна. Я ела пару часов назад.

– Это правда?

– Вы слышали, чтобы я когда-нибудь врала Вам? – изумленно спросила герцогиня.

– Извини... это по привычке. Кроме тебя кругом мне постоянно врут все. Тогда, раз не хочешь есть, пошли, пообщаемся с герцогом и моей новой фавориткой. Гостям герцог придумал замечательное развлечение, они не успокоятся пока всех его новых танцовщиц и статистов не подвергнут доскональному осмотру, – король с усмешкой кивнул на центр зала. Там, порядком выпивший, герцог Линд обнимал одну из танцовщиц, рядом с другой суетились сразу два молоденьких виконта, да и оставшиеся не были обделены ни мужским, ни женским вниманием.

– Если герцог не против, пойдём.

– Ты считаешь, твой супруг способен мне отказать? – удивленно осведомился король.

– Его можете не спрашивать Вы, но обязана спросить я. Вы так не считаете?

– Ничего ты не обязана... это он обязан спросить тебя, а никак не наоборот, – король поднялся, потом повернулся к сидевшей по другую сторону от него красивой блондинке, все это время не проронившей ни слова и явно чувствующей себя очень скованно: – Пойдем, Эльза.

Та кивнула и моментально поднялась. После чего король повернулся к герцогу:

– Алекс, распорядись, чтоб гостей развлекали, и пойдем, поговорим в библиотеку, – тоном нетерпящим возражений проговорил он и стремительно вышел из зала, за ним последовала Эльза, Алина, которую сопровождал Виктор, а потом герцог.

Войдя в библиотеку и дождавшись, чтобы плотные тяжелые двери за ними закрыли слуги, Алина спросила:

– Вы желаете в кабинете разговаривать или здесь?

– Здесь, я хочу, чтоб герцог присутствовал.

– Как пожелаете, – согласно склонила голову герцогиня, а затем кивнула в сторону Виктора: – Разрешите мне запереть моего пажа?

– Разрешу, меньше будет знать, дольше проживет, – усмехнулся король и повернулся к герцогу: – Запри его, Алекс, только на коленях и руки за спиной свяжи.

– Зачем это, мой государь? – герцогиня удивленно приподняла брови.

– Алина, мальчику может быть комфортно лишь подле тебя, а вдали от тебя я ему такое роскошное существование обеспечивать не собираюсь, – с усмешкой пояснил король.

На плечо Виктора тут же легла тяжелая рука герцога.

– Пойдем, – проговорил он.

Виктор кивнул и прошел вслед за герцогом в противоположный конец большого библиотечного зала. Там за одним из высоких стеллажей герцог открыл небольшую, но очень толстую дверь, потом быстрым движением снял с Виктора ремень, заломил ему руки за спину и связал их его ремнем, а затем подтолкнул к раскрытой двери.

– В угол, на колени.

Виктор шагнул в небольшую комнату без окон и опустился на колени в углу. Герцог вошел следом, приподнял связанные у него за спиной руки, вынуждая склониться, и за ремень притянул их ближе к стене, закрепив тот на крюке, вделанном в стену.

– Увижу, что пытался дергаться, пожалеешь, – очень тихо, но с угрозой в голосе проговорил герцог. После чего вышел, плотно закрыв дверь.

Виктор оказался в полной темноте и тишине, потому что через толстые стены и дверь в его узилище не долетало ни звука. Ему было интересно, о чем таком собрался беседовать король, что посчитал, что ему лучше не знать об этом, но мыслей на этот счет никаких в голову не приходило. Заломленные руки неприятно ныли, но Виктор понимал, что это не самое худшее положение в котором он мог бы оказаться. Сегодняшние разговоры дали ему понять, что герцогиня ждет чего-то неотвратимо приближающегося и не сулящего ни ей, ни ему ничего хорошего, однако он постарался отогнать тревожные мысли и, прижавшись ближе к стене, чтоб чуть облегчить напряжение мышц, приготовился терпеливо ждать окончания заточения.

Герцог, заперев Виктора, подошел к королю.

– Я должен сделать что-то еще, Ваше Величество? – спросил он.

– Пока нет, – ответил король и повернулся к фаворитке, – раздевайся.

– Совсем? – жалобно спросила она.

– Нет, – хмыкнул король, – туфли можешь оставить. В туфельках твои ножки выглядят гораздо симпатичнее.

Беспомощно оглянувшись, словно ища у кого можно просить защиты, белокурая красавица нерешительно взялась за шнуровку на лифе платья и, развязав узел начала медленно распускать ее.

– Поторопись, милочка, я не люблю ждать, – жестко произнес король.

Судорожно вздохнув, та более проворными движениями начала раздеваться. Наконец, сняв с себя все, она замерла посреди залы, стыдливо прикрывшись руками.

– Руки за голову заведи и распрямись, – приказал король все тем же резким тоном.

– Ваше Величество... я не могу так, мне очень стыдно, – еле слышно проговорила она, с мольбой глядя на короля.

В следующий момент он сильно шлепнул ее и зло произнес: – Если ты еще хоть раз за сегодняшний день не выполнишь мой приказ или откроешь рот, когда тебя не спрашивают, я выведу тебя в таком виде к гостям и разрешу развлечься с тобой сначала им, а потом всем желающим на рыночной площади.

Испуганно всхлипнув, Эльза выпрямилась и завела руки за голову. В глазах ее блестели слезы, но она, закусив губы, старательно сдерживала их.

Король удовлетворенно кивнул и, проведя рукой сначала по груди, а потом по бедрам своей избранницы, обернулся к Алине: – Правда, чудо, а не девочка?

– Действительно, чудо, – согласно кивнула Алина. – Кто она?

– Незаконнорожденная дочь графа Прована.

– И что ты намерен делать с ней?

– Это зависит от того, как она будет себя вести, и что ты мне скажешь про нее. Могу пожаловать ей титул виконтессы и оставить при себе, пока не надоест, могу служанкой в опочивальне сделать и заставить кровать мне стелить опять же до этого же времени, а могу, сама понимаешь что... В общем, выбор громадный...

– Ее что, били? – спросила Алина, внимательно оглядев ту.

– Я пока нет, а у графа, наверное... Супруга графа ее явно не жаловала, – усмехнулся король.

– Вы позволите мне с ней поговорить наедине?

Алина, тебе я позволю что угодно. Можешь забрать ее, а мы пока с герцогом насущные проблемы обсудим, – проговорил король.

Эльза безропотно прошла в распахнутую герцогиней дверь кабинета и замерла у порога.

Алина вошла следом и закрыла за собой дверь и тихо проговорила:

– Можешь опустить руки и в сесть в кресло.

Потом, грустно покачав головой, спросила:

– Король уже спал с тобой?

– Да, Ваша Светлость, – Эльза села и потупилась.

– До этого ты была девственна? – Алина испытующе посмотрела на нее.

– Да, – не поднимая глаз, кивнула та.

– Он остался доволен?

– Я не поняла... Когда мне очень больно стало, я вскрикнула, тогда Его Величество ударил меня и сказал: "Раз сама согласилась, должна все терпеть". Ну и я больше не кричала и все делать старалась, что он говорил... Больше он меня не бил... ну а был ли доволен не сказал.

– Ты сама согласилась?

– Да, Ваша Светлость. Его Величество сам увидел меня в замке Его милости, подозвал меня и спросил: "Ты девственница?". Я сказа: "да". Он тогда спросил: "Хочешь быть моей фавориткой?". Я тоже сказала: "да". Выходит – согласилась. Мне всегда очень хотелось вырваться из-под власти графа, графини и их дочерей, Ваша Светлость. И потом, кто же не мечтает быть подле короля... Юные графини даже рты раскрыли... а Его милость подумал, что Его Величество шутит... но, потом когда король сказал, что нет, то сказал, что, как только королю будет надо, он признает, что он мой отец.

– Да, девочка, – Алина печально вздохнула, – перспективы у тебя, к сожалению, не особо блестящие, но другие видимо были ничуть не лучше.

– Я что-то не так одела, Ваша Светлость? У меня что-то должно было быть более блестящим? – испуганно взглянув на нее, спросила Эльза и добавила: – Вы простите, я не поняла что.

– Во-первых, надела, а не одела... А во-вторых, перспективы, это возможная будущность, а не предмет туалета. Я имела в виду, что тебя ждет не слишком шикарное будущее, как могло бы показаться на первый взгляд.

– Почему? Я не понравилась королю?

– Нет, королю ты чрезвычайно понравилась. Только у короля очень непостоянные пристрастия.

– Как я понравилась королю? Через... что? И что у него непостоянные? – глаза Эльзы изумленно распахнулись.

– Чрезвычайно, значит, очень сильно понравилась, – пояснила Алина, – а пристрастия, значит увлечения или любовные привязанности. Проходят они у него быстро.

– Вы все так непонятно говорите, – Эльза смущенно потупила голову, – я, наверное, очень глупая, что не понимаю... но я раньше никогда таких слов даже не слышала... я постараюсь их запомнить.

– Это хорошо, что ты это понимаешь и готова стараться исправить упущения в собственном образовании. Только короля не переспрашивай ни о чем... его подобное сильно раздражает.

– Хорошо, я постараюсь... только, если проходят они у него быстро, это значит, он не оставит меня при себе?

– Если научишься покорно выполнять любые его приказы, сносить все его развратные выходки, а так же постараться как можно меньше говорить сама до тех пор, пока не почувствуешь, что понимаешь о чем говорит он, то, скорее всего, останешься при нем достаточно надолго.

– Ваша Светлость, "достаточно надолго" – это как?

– Это значит, что если будешь себя вести так, как я сказала, быстро ты ему не надоешь.

– А что будет, когда надоем? Меня казнят?

– Тебя могут казнить, если ты только очень сильно перед ним провинишься, да и то вряд ли. А так, надоевших ему фавориток он либо выдает замуж, либо отправляет в монастырь. В зависимости как они до этого себя вели, и насколько он был ими доволен.

– Ваша Светлость, – девушка всхлипнула, – кто же возьмет меня теперь замуж, если я... я... уже не девственна? А в монастырь я не хочу...

– Глупенькая, королю достаточно приказать, и на тебе женится любой.

– Чтобы он потом всю жизнь попрекал меня этим? Нет, если король теперь захочет отказаться от меня, то пусть лучше сразу казнит! – в глазах Эльзы сверкнула решимость.

– Смелое заявление... – хмыкнула Алина, – ты смотри, королю такое не скажи... а то он быстро тебе объяснит, что только он вправе решать, что ему лучше делать.

– Вы хотите сказать, что он сильно накажет меня, если я скажу такое? – девушка испуганно потупилась и нервно сцепила перед собой руки, которые начали заметно подрагивать.

– Да, моя дорогая. К сожалению, он не церемонится со своими фаворитками. Красиво все только внешне, да и то не всегда, и лишь пока ему очень покорны. Наедине он обычно достаточно жесток. Не будешь сразу делать то, что требует он, а требования у него часто не из приятных, он мало того, что заставит, так еще и сильно накажет. Вот если б он забрал тебя у родителей силой или даже выкупил без твоего согласия, я бы еще могла повлиять на него, чтобы хоть немного облегчить твою участь... но ты сама захотела и согласилась... поэтому все сложнее...

– Я буду покорна, мне не привыкать сносить унижения... – Эльза потупила глаза, – графиня и ее дочери были очень суровы и жестоки со мной...

– Причем, как я понимаю, совершенно незаслуженно... – добавила Алина и усмехнулась. – Что ж теперь у тебя появится возможность отплатить им. Если только конечно, король тобой доволен будет.

– Я не хочу им мстить... я просто хотела хоть когда-нибудь вырваться оттуда. Если б король не забрал меня, то я через какое-то время, наверняка сбежала бы... И пусть дальше хоть на каторгу, только б подальше от них... – в ее глазах заблестели слезы.

– Тсс, девочка, не надо, – герцогиня ласково коснулась ее щеки, – все те обиды уже позади, не вспоминай.

– Вы очень добры, Ваша Светлость. Спасибо, – едва заметная улыбка тронула губы Эльзы.

– За что ты благодаришь? Я ничего не сделала для тебя, – удивилась Алина.

– Вы первая, кто так по-доброму разговаривает со мной, когда у него есть надо мной власть.

– Ты словам-то не особо верь, девочка. Теперь многие тебе и ласковые слова будут говорить, и пытаться дружбу с тобой завести. Но обычно за всем этим у каждого будет стоять свой собственный интерес. Кому-то надо будет у тебя информацию о короле узнать, а кому-то наоборот довести какую-то информацию до короля.

– У Вас тоже есть какой-то интерес?

– Ты бесподобна, – Алина рассмеялась, – я уж и забыла, что можно быть столь неискушенной... Вряд ли кто ответил бы тебе честно на подобный вопрос, но я отвечу. Да, у меня тоже есть интерес. Я оберегаю короля. Поэтому хочу, чтоб рядом с ним были те, кто никогда не предаст, даже ненароком, и не будет держать на него зла, даже если король будет к ним несправедлив. Король часто бывает жесток и, не задумываясь, обижает и оскорбляет тех, кто рядом. Поэтому многие его ненавидят и желают зла, причем, умело скрывая эти свои чувства, клянутся в вечной преданности и любви. Король достаточно хорошо умеет распознавать и знает, как защищаться от мужской злобы и ненависти, а вот против женской он иногда бывает бессилён. Я же по мере моих сил стараюсь предотвратить как проявления той, так и другой. А еще я пытаюсь сделать так, чтобы король был менее жесток, чтобы меньше было тех, у кого есть причины ненавидеть его, но у меня не всегда получается, он все-таки король, и его трудно сдерживать... Вот в нескольких словах весь мой интерес. Именно поэтому я пыталась предупредить тебя, чтоб ты постаралась ему не перечить и внутренне была готова к тому, что все не так замечательно, как ты могла бы предполагать, глядя на все со стороны. Его прежние фаворитки были очень искусными особами, и знали, чего ждать от такой связи, а ты слишком искренняя и ранимая девочка. Иногда разбитые иллюзии озлобляют и калечат душу. Я бы не хотела, чтобы подобное произошло с тобой и мне пришлось бы противостоять тебе, чтобы защитить короля.

– Вы думаете, Ваша Светлость, что я могу что-то предпринять против короля?

– Если бы я так думала, девочка, я бы даже разговаривать с тобой не стала... – улыбнулась Алина. – Ты нравишься мне. Мне по душе, что ты не хочешь сводить счеты с семьей графа, не каждому дарована способность прощать. Это дорогого стоит. Ты лишь за счет своей неопытности можешь ненароком что-то лишнее сказать тому, кому не следует... а больше причин опасаться чего-либо я не вижу.

– Я буду стараться ни с кем не разговаривать, Ваша Светлость... обещаю.

– Ну вот и хорошо, Эльза. Ты умница. И с королем побольше молчи, ты многого не знаешь и поэтому не понимаешь о чем идет речь, а его это раздражает. И еще, если он тебя спрашивает о чем-то, а ты не понимаешь о чем, постарайся ответить то, что знаешь, а не уточнять вопрос.

– Это как?

– Вот ты не поняла про блестящие перспективы... но ответить бы могла: "возможно, блестящего ничего и нет, но я думаю это не беда". Я бы подумала, что ты своеобразно мыслишь, но не догадалась бы, что ты не понимаешь, о чем речь.

– Я постараюсь... А Вас мне можно будет спрашивать и честно говорить, что я не понимаю?

– Мне говорить можно и спрашивать меня тоже можно. Запоминай все непонятные слова, фразы. При случае я тебе все объясню, только постарайся выбрать момент, чтобы это поменьше, кто слышал.

– А что значит неискушенная?

– Значит, не имеющая опыта, несведущая и не знающая придворных интриг, происков, козней, сплетен, лжи и обмана и поэтому очень доверчивая.

– А интриги это что?

– Козни, происки или сговор против кого-то с какой-то целью, когда возможны как вскрытие какой-нибудь тайной информации, так и оговоры, и ложь.

– А информация это что?

– Это – сведения.

– Вы, наверное, думаете, что я совсем дура, что ничего не знаю такого... – тихо прошептала Эльза, потупив взгляд.

– Я так не думаю, – качнула головой Алина, после чего недовольно скривила губы, и достаточно жестко продолжила, – Но я очень бы хотела, что бы ты, постаралась убрать из своего лексикона подобные экспрессивные формулировки.

– Ваша Светлость, – растерянно проговорила та, вновь взглянув на нее – не сердитесь, но не поняла я, откуда и что я должна убрать.

– Лексикон – это запас слов, которым ты владеешь и пользуешься. Экспрессивные или негативные формулировки или выражения, это такие слова которыми можно оскорбить или унижить, и которые в приличном обществе стараются не употреблять, если только специально не хотят этим что-то подчеркнуть, – терпеливо пояснила герцогиня.

– Мне очень стыдно, Ваша Светлость... я выходит, совсем не знаю, как говорят в приличном обществе... но их милости тоже никогда так не говорили как Вы. Вы говорите совсем по-другому. Вы даже когда объясняете... я понимаю не все, что Вы говорите.

– Эльза, я не знаю, как было принято общаться в семье графа Прована. Но ты говоришь очень примитивно и абсолютно не владеешь распространенной речью, поэтому повторяю, если не хочешь, чтобы король был недоволен, постарайся побольше молчать, а перед тем как хоть что-нибудь сказать, очень хорошо продумать фразу, которую собираешься произнести. И постарайся запоминать и записывать все новые и непонятные для тебя слова.

– Я не умею писать.

– А читать?

– Читать тоже не умею, – покачала головой Эльза, – меня учили шить, гладить, стирать, убираться, готовить, а читать и писать не учили. Его милость говорил: "Ей это ни к чему".

– Это, конечно, плохо, но не особо катастрофично. Будешь запоминать, а потом при возможности я постараюсь тебя научить хотя бы элементарным навыкам чтения и письма. Ты только во дворце не рассказывай, что ни читать, ни писать не умеешь. Ни к чему это знать придворным.

– Ваша Светлость, а что такое катастрофично?

– Вообще-то, катастрофа – это крушение, бедствие, трагедия... например, только что все было великолепно и вдруг раз, и произошел какой-нибудь природный катаклизм, а после него кругом лишь горящие руины, горе и смерть и ничего нельзя исправить. А я использовала это выражение, чтобы иронично подчеркнуть, что катастрофы не произойдет оттого, что ты чего-то не умеешь.

– А катаклизм?

– Это синоним катастрофы.

– Что это? – непонимающе переспросила девушка.

– Синонимы, это разные слова имеющий один и тот же смысл, – тяжело вздохнув, пояснила герцогиня и, грустно улыбнувшись, попросила, – давай с вопросами прервемся на сегодня. Я все равно не смогу за один раз объяснить тебе все, что другие постигают годами.

– Простите меня, Ваша Светлость... – Эльза вдруг встав с кресла шагнула к ней и медленно опустилась на колени.

– Ты что это? Встань сейчас же. Фаворитке короля не пристало без его приказа ни перед кем на колени вставать.

– Вы столь терпеливы и добры, Ваша Светлость, – девушка поднялась, – я постараюсь все делать так, как Вы говорили... и буду слушаться и короля, и Вас, обещаю.

– Вот и умница, – вновь улыбнулась Алина и ласково провела рукой по щеке девушки, – Пойдем, вернемся к королю.

Алина вместе с Эльзой вышли в зал библиотеки, король тут же поднялся из кресла, где сидел, им на встречу.

– Ну и как она тебе?

– Я приятно поражена, Артур, – Алина перешла на латынь, – ты нашел превосходный алмаз в той куче блестящей мишуры и фальшивых стекляшек, что тебя обычно окружает. Он конечно необработан и непригляден на первый взгляд, но, Артур, если его ограничить... ты получишь великолепный бриллиант.

– Это ты чтоб не конфузить ее, на латынь перешла? Неужели ты думаешь, что она из твоей фразы поняла бы хоть что-то? Тебя, кстати, не смущает, что она непроходимо глупа? – усмехнулся король, не поддержав изменения языка общения.

– Она не глупа, Артур, она необразованна и невежественна, но это дело поправимое. Приставь к ней пару учителей, и она через полгода затмит любую придворную даму.

– Ее дело не ученостью придворных дам превосходить, это от нее не требуется и требовать не будет, так что с учителями, я думаю, идея не особо удачная, – король вновь усмехнулся и обратился к Эльзе: – Иди сюда, брильянт мой неограниченный. Чем же ты, интересно знать, кузину мою так очаровала, что она такую характеристику тебе выдала? На моей памяти такой чести не удостоивался никто...

Эльза молча подошла к нему. Король пристально посмотрел на нее, а потом, схватив за плечо, повалил на пол, устланный пушистыми коврами, и принялся достаточно грубо ласкать. Потом неожиданно и резко прекратил, отстранился и поднялся с пола.

– Ей бы лучше какого-нибудь учителя найти, чтоб объяснил как себя вести в объятиях мужчины, а то она и здесь не соображает, что делать надо, – раздраженно проговорил он.

– Артур, – герцогиня отвернулась от окна, к которому отошла, как только король завалил свою фаворитку на пол, – на Вас не угодишь... Когда Ваши избранницы опытни и развратны, то это вызывает у Вас презрение, а когда неопытна, скромна и покорна, то это раздражает Вас. Объясните ей, что именно ожидаете от нее, и она постарается исполнить.

– Алина, такие действия должны идти от сердца, а не от ума.

– Ваши требования противоречат друг другу. Сначала Вы пугаете ее, а теперь ждете, чтоб она на ласки Ваши сама отвечать бы посмела. Хотите, чтобы девочка любовью отозвалась, сами к ней ласку и любовь проявите. Она отзовется, девочка действительно чудо, – герцогиня нежно улыбнулась.

– Что? Ты соображаешь, что говоришь?

Король рывкнул это так, что Эльза, не посмеявшая вслед за королем подняться с ковра, испуганно вжалась в пол.

– Что именно Вам не по нраву в моих словах? – герцогиня шагнула ближе к королю и взглянула ему прямо в глаза.

– Ты что, совершенно серьезно полагаешь, что я могу с любовью относиться к этой швали?

– Артур, я понимала Вас, когда Вы презрительно и уничижительно отзывались о прежних Ваших любовницах, стремящихся лишь урвать куш посolidнее, пока они приближены к Вам. Но сейчас не понимаю. Чем заслужила такое отношение эта девочка?

– Ты считаешь эту бастардку достойной моей любви? – король шагнул к лежащей на полу Эльзе и, с силой несколько раз стукнув ее ногой, зло проговорил: – Ты хочешь, чтоб я любил эту невежественную, незаконнорожденную кретинку? Ты совсем свихнулась? Да ее единственное достоинство это фигура и внешность.

Эльза вся сжалась под ударами и, закрыв лицо руками, заплакала, даже не столько от боли, сколько от злых и презрительных слов короля.

– Замолчи! – еще более зло проговорил король и снова с силой стукнул ее ногой.

Но Эльза от этого лишь зарыдала с новой силой.

– Ты что, еще и слов не понимаешь? – король отступил к коллекции оружия на стене и сдернул висевшую там плеть.

– Артур, нет! – герцогиня метнулась к нему и перехватила его руку, после чего медленно опустилась перед ним на колени: – Я умоляю Вас: не надо!

Король замер, отбросил плеть, затем раздраженно проронив: "Алекс, твоя супруга не дает мне утихомирить мою фаворитку и объяснить ей как следует себя вести, так что видно, это придется делать тебе... только смотри, кожу ей сильно не испортить", развернулся и стремительно вышел.

Герцог, сидевший до этого в кресле, медленно поднялся.

– Алекс, – герцогиня встала с колен и шагнула к нему, – девочка сейчас успокоится, подождите хотя бы пять минут... я все объясню ей, она будет покорна. Дайте мне пять минут. Не надо ее наказывать!

– Сядьте, дорогая, и не вмешивайтесь. Иначе будет только хуже. Вы ведь знаете, – усмехнулся герцог, потом взял герцогиню за плечи и насильно усадил в кресло, откуда встал сам.

– Алекс, я не позволю Вам! – герцогиня схватила его за руки, – перед тем как начать бить ее, Вам сначала придется избить меня.

– Ну что Вы, дорогая, разве я посмею Вас бить? – герцог перехватил ее руки и, обняв, завел их ей за спину, после чего, потянув на себя, заставил подняться, а затем вместе с ней шагнул к стене. – Только раз Вы не хотите спокойно сидеть в кресле, Вам придется постоять у стены.

– Алекс, я не буду нигде стоять! – раздраженно проговорила она и постаралась вырваться из его объятий, но это ей не удалось.

– Ну куда же Вы денетесь, дорогая?

Прижав ее к стене, около висевшей портьеры, герцог удерживая ее одной рукой, другой развязал плотный витой шнур с кистями, подхватывающий портьеру, вынул его из кольца в стене и, плотно стянув им руки герцогини, вновь завязал за кольцо. После чего разжал руки и отступил в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.